

ББК 63.3(2)

УДК 94/47

Т 47

Рецензенты:

академик *А.О. Чубарьян*,

доктор исторических наук *Л.М. Дробижева*

Тишков В.А.

Этнология и политика. Научная публицистика. — М.: Наука. 2001. — 240 с.

ISBN 5-02-008799-8

В сборник публицистических работ известного российского этнолога, директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук, бывшего министра по делам национальностей, профессора В.А. Тишкова включены наиболее важные статьи последнего десятилетия, в которых был выдвинут ряд фундаментальных концептуальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности, основах устройства многоэтнических государств, государственного устройства России, стратегии и механизмов национальной политики. Автор анализирует природу национализма, сепаратизма и экстремизма, принципы утверждения толерантности и культуры мира, пути предотвращения конфликтов и насилия, дает оригинальные оценки общественных трансформаций в России с точки зрения социально-культурной антропологии.

Для широкого круга ученых-обществоведов, политиков, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

Научное издание

Тишков Валерий Александрович

ЭТНОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Научная публицистика

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Зав. редакцией Н.Л. Петрова. Редактор В.М. Черемных

Художественный редактор В.Ю. Яковлев. Технический редактор О.В. Аредова

Корректоры О.Е. Русакова, Е.А. Сысоева

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 12.11.2001. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Балтика. Печать офсетная

Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,5. Уч.-изд.л. 14,2. Тираж 2120 экз. Тип зак.

Издательство "Наука". 117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука". 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-008799-8

© В.А. Тишков, 2001

© Издательство "Наука", 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

Народ, нация, государственность.....	13
О советском этнонационализме	20
Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить.....	26
"Смертельный гамбит" национальной политики	32
Самоопределение народов и целостность России	37
Политика многокультурности	41
Что есть самоопределение?	49
Плач по концепции	55

ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

Русские вне России: мифы и политика	61
О переписи населения	68
Российская политика в отношении зарубежных соотечественников	74
Зарубежные соотечественники: концепция и политика	80
Прощание с пятым пунктом	88
Национальности и паспорт	93
Социальная природа института прописки	98
Культура толерантности в России.....	104
Стратегии противодействия экстремизму	112
Феномен сепаратизма.....	122

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия	135
Этнический федерализм: российский и международный опыт	147
Теория этноса и культурный фундаментализм	160
Этничность, право и закон.....	171
Антропология российских трансформаций	183
Миф о демографической катастрофе в России.....	202
Язык и алфавит как политика	215
Кризисная парадигма в России.....	223

ИТОГОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ

Этнос или этничность?	229
О нации	234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученому-этнологу не так просто издавать книгу, в названии которой слова "политика" и "публицистика" могут насторожить постороннее академическое ухо. Слово *политика* для некоторых исследователей этноисторических проблем кажется почти ругательством, а слово *публицистика* пугает возможностью отступления от научных стандартов. После 35 лет занятий наукой (моя первая научная работы была опубликована в 1966 г.) эти опасения мне не кажутся столь серьезными, и для этого есть особый резон.

Во-первых, фактически нет обществоведческих занятий вне политики, а тем более вне поля властных и идеологических взаимодействий. Этнологическая наука, изучающая культурное многообразие людей и человеческих сообществ, да еще в многоэтничной стране, не может быть в стороне от политики. Более того, в бывшем СССР и в новой России последние полтора десятка лет именно эта дисциплина оказалась одной из наиболее востребованных в ходе радикальных общественных трансформаций. Пожалуй, нигде и никогда столько много профессиональных этнографов и близких им по занятиям обществоведов не совершили "обряд перехода" из профанного в сакральное, т.е. участвовали во власти или в активной политической деятельности. Достаточно привести примеры политиков "первого уровня": Г.В. Старовойтова в России, Л. Чибиров и А. Чочиев в Южной Осетии, А. Галстян и А. Мкртчян в Армении, В.Г. Ардзинба в Абхазии. Трое из них трагически погибли в жестокостях нашего времени. Десятки лидеров так называемых национальных движений от имени разных этнических сообществ вышли из среды этнографов, филологов, фольклористов и им подобных.

Прожитые полтора десятилетия нуждались в гуманитариях, а сами гуманитарии были активными участниками и соавторами свершающихся событий. Хорошо или плохо, когда столько ученых-гуманитариев прямо или косвенно, с энтузиазмом или без него, участвуют в политике, а значит, в управлении

и в переустройстве общества, — вопрос не такой однозначный. Французский философ М. Фуко считал, что лучше держаться подальше от гуманитариев с их часто утопическими проектами в то время, когда управленцы заняты делом общественного переустройства. Другие, наоборот, уверены, что без научных концепций и без ученых управлять и переустраивать общество невозможно. В любом случае, в культурно сложных сообществах всегда есть потребность в дополнительном знании "другого" (языка, обычаев, интересов, связей, мировидения), а также существуют специфические проблемы организации и управления обществом, которые требуют общественного соучастия ученых-этнологов. Я уже давно пришел к выводу, что "научное управление обществом" есть химера, но и управление обществом без добротной научной экспертизы — безответственная импровизация.

Во-вторых, что касается жанра научной публицистики, то здесь также необходимы некоторые разъяснения. Многие ученые-гуманитарии занимались публицистическим трудом чаще всего не ради заработка, а из желания довести как можно быстрее свое знание или мнение до более широкой аудитории. Среди отечественных и зарубежных этнографов и антропологов можно назвать таких выдающихся публицистов, как Н.Н. Миклухо-Маклай, В.Г. Тан-Богораз, С.В. Максимов, В.К. Арсеньев, М.А. Чаплицкая, Р.Ф. Итс, Ю.Б. Симченко, Ф. Боас, М. Мид. В этнологии публицистика имеет еще и важный просветительский аспект, а также гуманистическое содержание, если она не направлена на распространение расистских и ксенофобских воззрений или фантастических вымыслов об экзотике "дикарей".

Следует сказать, что в отечественной литературе по этническим сюжетам за последние годы было сочинено достаточно много банальностей и злобных вымыслов: от запальчивых брошюр, издаваемых от имени разных ассоциаций и ассамблей, до человеконенавистнического сочинения "Убить империю" сторонника "деколонизации современной русской империи" Айдара Халима. В то же самое время в газетах и популярных журналах было опубликовано огромное число материалов, основанных на полевой этнографической работе и других изысканиях. Через них российское общество узнало много нового о самом себе и о внешнем мире. Ряд моих коллег по цеху (С.А. Арутюнов, А.В. Головнев, Л.М. Дробижева, Д.М. Исхаков, О.А. Мурашко, Н.И. Новикова, Н.А. Томилов, Я.В. Чеснов и другие) выступали в последние годы с публицистическими статьями, фильмами и телепередачами на злободневные темы. Многие этнологи в российских республиках стали одними из самых читаемых авторов и героями телепередач. Можно сказать, что в 1990-е годы в стране родилась этнологическая публи-

цистика, родилась в дебатах и с острыми реакциями обычных читателей и профессиональных коллег. Но в целом это явление представляет собой позитивный процесс, помогающий развитию науки и утверждению ее статуса в российском обществе.

С конца 1980-х годов, особенно после избрания директором Института этнографии АН СССР в 1990 г., внешние обстоятельства и административное положение побудили меня отложить почти готовую работу о коренном населении Канадского Севера и обратиться к отечественной тематике, которая стала более интересной и открытой для академического анализа. Уже первые публикации в журнале "Коммунист" и в "Литературной газете" в 1989 г. встретили равнодушную реакцию. Один из "разработчиков" национальной политики в советское время обвинил меня через газету "Правда" в тяжком грехе: "некоторые специалисты подвергают сомнению саму национальную государственность" (на общепринятом языке речь, понятно, шла об этнотерриториальной автономии в форме советских союзных и автономных республик). Тем не менее именно мне — делегату XXVIII съезда КПСС пришлось вместе с эстонским академиком Пальме в кабинете заведующего Отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В.А. Михайлова писать резолюцию съезда по национальному вопросу. До сих пор убежден, что это был добротный документ, ибо сформулированная тогда впервые цель национальной политики — создание благоприятных условий для социального преуспеяния и развития культур всех народов страны — сохраняет свою действенность и по сегодняшний день. Тогда же, в 1990 г., найти эти новые слова вместо набивших оскомину фраз о дружбе народов и интернационализме было не так просто.

Затем были публичные размышления об ограничителях доктринального наследия этнонационализма, о более сложном понимании феномена нации не только в этническом, но и в гражданском смысле, о реализации прав народов не только через форму внутреннего государственного самоопределения, но и через форму экстерриториальной национально-культурной автономии, наконец, о России как о национальном государстве в общемировом понимании этого термина. Было бы неискренне заявлять, что подобные фундаментальные проблемы представлялись для меня полностью ясными, тем более по части их применимости для тогдашнего СССР, а затем для Российской Федерации. Кроме того, в диалоге политики и науки одних идей недостаточно. Речь должна идти о восприимчивости тех или иных теоретических новаций и основанной на них переоценке политической практики.

Здесь есть, как минимум, две проблемы, осознание которых пришло несколько позднее. Прежде всего слишком резкое фор-

мулирование той или иной полезной ревизии может встретить отторжение коллег из экспертного сообщества: ученые, особенно представители старшего поколения, не очень любят радикально менять свои взгляды, если они сами не участвуют в данном пересмотре и не являются его соавторами. Эту "реакцию Винни-Пуха" ("Какой-то кролик знает букву А!?") мне пришлось ощущать не один раз, в том числе и в драматической ситуации, когда, уже работая в Правительстве Российской Федерации, я написал проект концепции государственной национальной политики, против которого выступили мои ближайшие партнеры по этой сфере государственного управления из числа советников президента и руководства Верховным Советом. Г.В. Старовойтова считала, что в концепции скрывается попытка "упразднить республики". Р.Г. Абдулатипов обратился через "Независимую газету" с открытым письмом к Б.Н. Ельцину, обвинив "безнациональных ученых" и Госкомнац в попытке заменить нации на некое "согражданство". Позднее оба признали необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации, но изрядную долю непонимания и упрощенного критицизма мне пришлось испытать.

В такой ситуации, когда научно-публицистическая работа содержит новое для политики слово, ее автор должен быть готов к тому, что встретит отторжение, если он не позаботился о привлечении союзников для введения инноваций, или к временному запаздыванию восприятия научных положений политиками, или даже к забвению своих взглядов и рекомендаций. Но в конечном счете ничего не пропадает даром. Даже написанное десять лет назад может пригодиться в сегодняшнем дне, если оно уже не стало общим достоянием без определенного авторства.

Момент радикальных переосмыслений был порожден не только горбачевской либерализацией, но и связан с самым драматическим событием нашей недавней истории — распадом СССР в 1991 г. и образованием новых постсоветских государств. На эту тему отечественными и зарубежными историками, политологами, этнологами уже написано немало. Едва ли кто может похвалиться, что в момент распада и сразу после смог осознать весь смысл и все последствия произошедшего. Тем более это касается написанного по следам события. Мне тоже было трудно включить в данную книгу опубликованную в сентябре 1991 г. статью под названием "Тяжело Союз сохранить, еще труднее разрушить". Но все же ее текст вошел без изменений, чтобы показать не только ограниченные возможности "научного предвидения" в стохастическом характере самого политического процесса, но и необходимость продумыва-

ния важнейших политических решений. Если первое (предвидение) действительно невозможно, то политическая импровизация просто недопустима.

Проблема поиска оптимальной формулы вновь образовавшихся государств с разделенными границами культурно близким населением остается актуальной и сегодня. Я глубоко убежден, что не только нулевой вариант гражданства, но и открытое гражданство должны были бы быть наилучшей стратегией постсоветской политики, хотя бы на десятилетие. Также я уверен, что неосуществимы варианты нациестроительства на этнической основе. Культурный плюрализм на основе двуязычия или многоязычия и принцип равнообщинности вместо формулы "нация и меньшинства" рано или поздно придет в ряд стран бывшего СССР.

Не могу судить определенно о возможности федерализации других многоэтничных государств бывшего СССР, но судьба российского федерализма была предметом моих размышлений. Как и в начале 1990-х годов, моя позиция, основанная на мировом опыте многоэтничных государств, сводится к безусловному признанию необходимости существования в России элементов этнического федерализма, а значит, его неизбежной асимметрии и содержательной подвижности. Признанное разнообразие и есть целостность и даже "единое пространство", что совсем не означает однообразие, которого хотели бы некоторые эксперты и политики.

Особое место в моей публицистике заняло освещение некоторых государственных процедур, имеющих жизненное значение для сферы межэтнических отношений. Это — вопросы переписи населения, фиксации в гражданских паспортах национальности и прописки, смены алфавитов и другие. Не верю, чтобы газетные статьи или представленные в государственные органы рекомендации ученого могли стать решающими для принятия важных государственных решений. Но какие-то подвижки происходят не без их влияния. Промежуточная перепись населения 1994 г. по моему предложению имела новый порядок вопросов о языке и о национальности, и этот порядок сохранится в предстоящей переписи 2002 г. В тоже время мне пришлось признать (не без влияния коллег по институту) невозможность отказа от "встречного" списка народов в ходе новой переписи, а также неосуществимость права граждан указывать в ходе переписи множественную этническую принадлежность.

Мой академический подход к конструктивистской природе этничности натолкнулся на мощную политическую традицию и инерцию массового сознания россиян видеть в национальности почти врожденную и неотъемлемую характеристику личности.

В этой ситуации можно будет считать шагом вперед, что в ходе переписи 2002 г. часть граждан укажет более сложную этническую идентификацию (*осетин-дигорец* или *осетин-иронец* наряду с просто *осетин* или осетинка; *мордвин-эрзя* или *мордвин-мокша* наряду с просто *мордвин* или *мордовка*). До возможности указывать такие, например, варианты, как *русский еврей*, *кубачинец-даргинец*, *цумандинец-аварец* или *русский-украинец*, как это мною предлагалось, общество и эксперты пока не созрели, а может быть, такого в России долго не будет. Осюда один полезный вывод для ученого: слишком "тонкая" наука — это головная боль для политика. Политика всегда проще, хотя и изощреннее. Наука должна быть многоголосной, иначе перестанет быть наукой. Политика, точнее власть, должна говорить одним голосом, чтобы быть эффективной.

И все же мне хочется претендовать на авторство одной из обновленческих государственных процедур — это исключение из российских паспортов графы о национальности. Ясно, что столь важное решение состоялось под влиянием общемировых демократических стандартов, но впервые вопрос был поставлен в моих статьях в газетах "Известия" и "Независимая газета", которые публикуются и в данной книге. Казалось бы, этнолог не должен выступать с подобной инициативой, ибо бытовое мышление может трактовать ее как попытку "отменить национальности" и всех сделать только "россиянами". Собственно, так и отреагировало большинство членов Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН, когда я поставил этот вопрос на обсуждение. Но моя позиция заключается в том, что этнология как наука от новой формы паспортов не пострадает, а граждане — безусловно выиграют.

Что касается национальности "россиянин", то миллионы моих сограждан уже научились писать в этой графе слово "Россия", когда им приходится получать заграничные паспорта или иностранные визы. От этого они не перестали осознавать себя татарами, русскими или башкирами, ибо опять же речь идет о двойном понимании категории "национальность": в этнокультурном и в гражданском смысле. При жизни в изоляции от внешнего мира такие тонкости национальной политики были не нужны. Сейчас они необходимы, как и замена самого термина "национальная политика" на термин "этническая политика".

Кое-что в обсуждаемых вопросах осталось дискуссионным, причем как среди ученых, так и среди политиков. Именно к такому относится вопрос о переходе с кириллицы на латиницу в Республике Татарстан. Я испытывал чувство личной неловкости перед своими добрыми друзьями и нелегкими оппонентами в Татарстане, публикуя статью "Язык и алфавит как политика", на-

печатанную ранее в газете "Труд". Но еще худшей моральной позицией была бы потакающая комплиментарность, в которой последние годы купались мои казанские коллеги в глазах зарубежных экспертов. Нежелание столичных ученых ставить неудобные вопросы перед коллегами и политиками в российских республиках и в других регионах, а тем более выступать с критикой часто объясняется опасением испортить отношения с "изучаемыми народами" или возможностью получить обвинение в неблагодарности за гостеприимство. Но в такой позиции мне видится скрытая форма унижающего патернализма, отказ в равном партнерстве. А это еще хуже. Пусть лучше будут критика и здоровые дебаты. А если невозможно прийти к общему мнению, как, например, по вопросу о реформе графики, тогда есть два выхода: через имеющиеся полномочия и правовые процедуры политики в Казани могут навязать свою волю, оставив дебаты ученым, или отложить решение вопроса на будущее. Нельзя терпеть социальную неустроенность и открытое насилие, а с графикой подождать можно, чтобы не делать поспешных и дорогих экспериментов над детьми и родителями. В любом случае самое плохое — это амбиции и излишняя драматизация, как со стороны политиков, так и со стороны ученых. Если в Татарстане перейдут на латиницу, моя статья останется приметой нереализованной позиции, к чему ученый должен быть всегда готов. Если реформа не состоится, то чувство торжества тоже не из самых лучших: воленавязывание даже через академические аргументы не может приносить полного удовлетворения.

Основная часть книги содержит работы двух последних лет, когда в моих интересах отошли на второй план метадебаты по поводу концепций и теоретических основ российской государственности, а также проблемы этнонационализма. На первый план вышли такие сюжеты, как обеспечение мира и предотвращение насилия, особенно в регионах с самой сложной этнической мозаикой (Северный Кавказ и Поволжье), проблемы, связанные с такими новыми вызовами, как экстремизм и сепаратизм. В книгу не включены статьи по проблемам чеченской войны, поскольку в 2001 г. в издательстве "Наука" вышла моя монография "Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны", в которой подведен итог научных изысканий по этой трагической и сложной теме.

Самым важным для меня в последнее время стал вопрос об оценке произошедших в России за десять лет трансформаций. Вызвано это было тем обстоятельством, что мои этнографические наблюдения серьезно разошлись с доминирующей в общественно-политическом дискурсе парадигмой кризиса. Последняя основана не только на политических или психологических мотивациях, но и на многочисленных разработках социо-

логов, экономистов, демографов, политологов, которые используют макроанализ, массовые обследования и замеры общественного мнения. Этнографический метод включенного наблюдения, будь это рязанская деревня, маленький уральский городок или московский мегаполис, а также путевые наблюдения во многих городах и регионах России тоже обладают своей проверенной легитимностью, и их достоверность может быть не меньшей, чем профессиональный социологический опрос или официальная статистика. Наблюдая с вершины Дербентской крепости размеры и материал крыш домов, махачкалинский рынок и внешний вид местных жителей, а также выслушивая конкретные жизненные истории, этнограф не может принять господствующее определение Дагестана как самого депрессивного региона, как "зоны бедности", куда некоторые наши специалисты по народонаселению зачислили весь Северный Кавказ. Жизненная повседневность и произошедшие перемены, включая новые источники доходов и новые социальные механизмы использования и перераспределения материальных благ, оказались пропущенными или намеренно незамеченными как экспертами, так и политиками. Феномен риторики жалоб как частная стратегия и как политический торг часто воспринимается как реальность, а психологическая бедность — как бедность действительная.

В своих публицистических работах последних двух лет мне пришлось вступить в серьезную полемику не только со многими коллегами, но и с представителями власти, включая и президента В.В. Путина, который во время недавней встречи с президентом Финляндии назвал Россию "очень бедной страной". Еще более вызывающими выглядят сравнения нашей страны с "Верхней Вольгой на вечной мерзлоте", которые делаются многими зарубежными экспертами по России. Мифы о "вымирании нации", о "геноциде народа", о "криминальном государстве под пиратским флагом" и даже о всеобщем "обвале" мною не воспринимаются как научные, не говоря уже об их саморазрушительном воздействии. Мой противоположный вывод состоит в том, что в России за последние десять лет подавляющее большинство населения стало жить лучше, хотя и сложнее с точки зрения приспособления к новым условиям и необходимости принимать решения. Это ни в коей мере не есть некая общественная терапия, а достаточно обоснованная исследовательская позиция, хотя и выраженная в публицистической форме. Пока такой взгляд на современную Россию выглядит эпатазирующим, а некоторым моим критикам представляется поверхностным заблуждением, которое не к лицу директору академического института. Но я уверен, что и в данном вопросе у меня будет все больше сторонников.

В новейших исследованиях специалистов по современным российским проблемам все больше обнаруживается точек соприкосновения с моей позицией в оценке феномена этничности, отечественного опыта и перспектив этнической политики, существования российских трансформаций в целом. Ведущие демографы А.Г. Вишневский и Ж.А. Зайончковская также говорят о демографической катастрофе в России прежде всего как о мифе и о приоритетном значении миграции в нашу страну бывших жителей СССР из других стран. Известные социологи Л.Д. Гудков и Л.М. Дробижева обращают особое внимание на дискурсивную природу социальных реалий, особую роль элит в этнополитических мобилизациях и верхушечного конструирования различных форм идентичностей, а также массовых настроений. Философы О.И. Генисаретский и В.С. Малахов пишут о символическом производстве этничности и о феномене культурной сложности на российских материалах. Среди этнологов и социально-культурных антропологов уже выполнены многочисленные исследования, авторы которых не обременены "системными" или "компонентными" подходами к этносу и, казалось бы, неизживаемыми клише "многонациональности" и "национальной политики".

Современный научный подход в этнологическом знании, а за ним и в общественной мысли и в практике будет неизбежно утверждать свои позиции, несмотря на инерцию старой догматики и некоторые печальные рецидивы ее временного торжества. К последним я отношу недавнее введение Высшей аттестационной комиссией (ВАК) России новой научной специальности под названием "национальные процессы и институты", а также вписанное советниками в речь президента В.В. Путина слово *этнос*, когда 11 октября 2001 г. в Колонном зале лидер нации приветствовал Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом.

Подготовка данной книги осуществлялась в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин К. Макартуров (№ 00-62746) по теме "Антропология российских трансформаций". Следует заметить, что мое предыдущее обращение в один из зарубежных научных фондов закончилось отрицательным отзывом анонимного оппонента, что "лучше в России быть не может, ибо хорошо известно, что там зарплаты не платят, а мафия всевластна". Поэтому я отдаю должное решению Фонда Макартуров и выражаю за эту поддержку свою признательность. Выражаю благодарность А.С. Крыловой, Е.Е. Родионовой и О.Г. Симоновой за помощь в подготовке рукописи книги, а Н.Л. Петровой и В.М. Черемных за содействие в ее редактировании и скором издании.

РАСПАД СССР И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОИСКИ

НАРОД, НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ*

Долгое время в советском обществознании и в политической практике господствовало и отчасти сохраняется представление о существовании в СССР "национального вопроса", который, как мы полагали до середины 1980-х годов, был "решен окончательно" или, как считаем сейчас, "решен в том виде, как он нам достался от царской России". Само понятие "вопроса" в общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе "решенческий" подход чреват тем, что не учитывает возможность неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многоэтничного государства. Не будет ли более правильным подходить к сфере межнациональных отношений и к возникающим в этой сфере проблемам как к некоей константе нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где главными должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних доктрин и структур стремительно меняющимся реалиям.

Меня смущает назойливое подчеркивание особо деликатного и чувствительного характера так называемых межнациональных отношений. Хотя никто толком не объяснил, почему эта сфера более деликатна, чем, скажем, сфера материальных доходов, семейных отношений или состояния здоровья наших граждан. Ссылка на деликатность долгое время объясняла молчание и бездумное приукрашивание действительности, а в будущем может стать прикрытием для новых безобразий. Из-за этой установки центральные пресса и телевидение стараются обходиться "сбалансированной", минимальной и самой осто-

* Ранее опубликована под тем же названием в форме интервью. См.: Советская культура. 1989. 1 июля (№ 78) С. 3.

рожной информацией. Причем не о самих событиях, а уже о реакции на эти события. Неужели не ясно, что, если не освещаются конфликтные ситуации и трагические события, никакие запаздывающие коммюнике и отцеженные сведения не удовлетворяют общественность. Полугласность и недостаток информации, стремление дать оценочно назидательную интерпретацию приводят к ложным слухам и подозрениям, вызывают взрывную реакцию, ведут к дискредитации как средств массовой информации, так и политики Центра.

Заслуживает, на мой взгляд, критики и выражаемая средствами информации установка на научный анализ и обсуждение проблем межнациональных отношений. Что я имею в виду? Вместо того чтобы сообщать о событиях — а это является главным предназначением печати и ТВ, на страницах и на телеэкранах сплошные "круглые столы". Как отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно-расистских сентенций типа: "каждый человек должен нести в себе генотип своего народа", "интернационализм, всемирная отзывчивость — это генетическое свойство русского народа", или осознанно антиисторических утверждений типа: "единственная страна, не знавшая колоний, это Россия".

Много ли было пользы от четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом "Знание" весной 1989 г.? Не интереснее и полезнее ли было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов в нашей стране? Газеты и телевидение более года обходились информацией действительно "вокруг Карабаха", а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни этого края мы так и не получили, кроме полуанонимных реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где, сколько и как живут в нашей стране российские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где непросто складываются межэтнические отношения. Я уж не говорю о мечте любого зарубежного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира. В СССР такими районами остаются места проживания народов Севера, Горного Бадахшана, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в перелетевшем Берингов пролив "боинге" нашлось достаточно места для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. А почему бы не съездить в Богдановский район Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духоборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых пробле-

мах? Ситуация там такова, что этот островок уникальной культуры может исчезнуть под воздействием внешних обстоятельств. Набирающие силу грузинские шовинисты даже названия основанных духоборами деревень готовы поменять.

Сейчас немало говорится о том, что идет дружный поиск концепции, некоей универсальной формулы межнациональных отношений. Но вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются. Но я считаю, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений. А значит, признавая за правящей партией право на формулирование наиболее общих принципов, нельзя говорить о единой политической линии и государственной политике в данном вопросе. Это, на мой взгляд, ненаучный подход к науке и к политике, ибо он исключает разнообразие и альтернативность мнений. Индивидуальный поиск и ответственность ученых за свои взгляды и предложения заменяются эклектичными "позициями институтов" и т.п. Получается, обезличенная наука претендует на некую обезличенную сводную концепцию "научного руководства обществом" или "научных основ политики". Подобными вещами мы занимались в нашей стране десятилетиями и в итоге довели общество и обществознание до кризиса.

Видимо, все дело в том, что общество и государство не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, будь они в виде идеально-утопических доктрин или в формах конкретно расписанных программ. Выглядит парадоксально, но именно этот путь ближе к тупикам и катастрофам, чем путь внешне хаотического, менее регламентированного, многовекторного развития с сильными элементами саморегуляции. В последнем случае науке, ученым отводится вполне достойное место при выработке политики и принятии решений, когда сохраняются альтернативность и индивидуальность мнений.

Те понятия, которыми мы сегодня оперируем в науке и практике, не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: "нации и народности", "народы и национальности", "нации, народности и национальные группы" и т.д. Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на разработку научных основ так называемой национальной политики принадлежало философам и представителям историко-партийной науки. Именно ими десятилетиями разрабатывалась марксистско-ленинская теория наций и национального вопроса, писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. Научной всю

эту деятельность нельзя назвать уже потому, что отсутствовал ее главный компонент — исследовательское начало, т.е. добытие нового знания.

До недавнего дня вся эта “наука” сводилась к яростному толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением аргументации в виде цитат из партийных документов и речей. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не оказались признанными международной наукой. А ведь в мире трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в том числе симпатизирующих марксизму. Этого не желало замечать высокомерное сектантство отечественных обществоведов, облаченных в непробиваемый жилет “критики фальсификаций национальных отношений в СССР”. К сожалению, и в недавних передачах ЦТ за “круглым столом” по обсуждению проблем межнациональных отношений можно было услышать знакомые окрики: “Надо же знать предел!”

Коснулись все эти окрики и этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах и племенах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР в 1920 — начале 1930-х годов превратилась в этнологию (“логос” — “знание” подчеркивал аналитические, народоведческие начала науки в отличие от “графос” — “описание”). Затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнографам вновь пришлось облачиться в этнографический кафтан XIX в., но мощная традиция, заложенная еще Н.Н. Миклухо-Маклаем и В.Г. Тан-Богоразом, в целом развивалась. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны главному принципу — изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжают около 50 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем многоэтническом государстве наука о народах поставлена в униженное положение (ученые ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы заточены в подвалы), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25—30 научных книг сотрудников института составили советским обществоведам репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Во всяком случае среди изданий института нет книг с заздравными названиями типа “расцвета и сближения наций”, “критики фальсификаций” и им подобных, которые выходили в те же годы.

Вглядываясь еще глубже в советскую историю, стоит вспомнить, что Ленин выдвигал наиболее радикальный прин-

цип права наций (как этнических общностей) на самоопределение вплоть до отделения и осуждал принцип национально-культурной автономии. Эта стратегия давала большевикам преимущества в борьбе за власть и сделала возможным уже под эгидой революционной государственности сохранить территории царской России. В то же время Ленин верил, что с устранением эксплуатации на основе пролетарской солидарности этнические различия, чувства и проявления будут отходить на задний план, а позже отомрут совсем. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX в. Но конец XX в. выявил иную ситуацию. *Культурное многообразие и этнические различия сохранились независимо от социально-политических условий, а лозунг создания "национальных государств" на этнической основе не реализовался в истории.* Более того, попытки построить внутригосударственное административное деление по этническим границам оказались трудноосуществимы из-за усиливающегося смешения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских норм.

В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное преуспевание. Сегодня принцип права наций на самоопределение в его этническом смысле из арсенала государственной политики фактически исчез повсеместно. Это, конечно, не отменяет суверенного права народов на обретение, восстановление или упразднение любых форм государственности, но только понятие "народ" в данном случае должно прежде всего заключать в себе гражданские, а не этнические начала. У нас же изначальной категорией, своего рода материальными "архетипами" объявляются нации, но содержание этого понятия запутано.

Что такое нация? Берем в руки выпущенный Политиздатом в 1988 г. учебник под редакцией Э.А. Баграмова "Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания". На странице 15 читаем: "Итак, нация — это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка и культурно-психологических особенностей".

Когда-то в Европе бытовала шутка: "Нация — это группа людей, объединенных ошибочными представлениями о своем происхождении и общей неприязнью к своим соседям". Так

вот даже в ней видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенной цитате, кстати, повторяющей многие аналогичные определения в отечественной литературе. Ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Многие полагают, что *нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое понятие, а не что-то определяемое учеными или политиками извне*. Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит. Идея нации оформляется в элитной среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная "национальная" воля. Другими словами, не среди наций рождаются "национальные движения", а, наоборот, на почве культурного и политического национализма оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования "национальных государств", идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания. Идея столкнулась с новым этапом ломки всех государственных перегородок на западноевропейском континенте, где идет "разгосударствление" жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытавших прямого европейского влияния, понятия нация в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за "великим теоретиком" И.В. Сталиным придали понятию "нации" материальные признаки, жестко связав их с республиканским статусом и территориями. Затем стали срочно формировать "социалистические нации", составлять их перечень, закреплять его в конституции. И в результате создали ситуацию, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: "Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учет национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность".

Выдвижение в качестве приоритета расширение прав союзных республик при том, что в советской Конституции они определены как "национальные государства", на мой взгляд, не гармонизирует межэтнические отношения. Ведь есть граждане, которые не принадлежат к так называемым коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдаем в Югославии. Нет сомнений, что разрушение вертикальных бюрократических

структур и ограничение прерогатив Центра необходимы. Но это в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов, территориальных областей, некоторые из которых по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации, расширения местной автономии и самоуправления.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межэтнических отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора "национальной государственности". Последняя, кстати, никогда в прошлом, а тем более в современной ситуации сама по себе не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития и, наоборот, зачастую порождает ложные атрибуты власти и престижные формы культуры для доминирующей или "коренной" в пределах данной государственности национальности.

В многоэтничных по своему составу населения республиках всегда имелась, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность, а вместе с этим и территорию как исключительную собственность народа, давшего название республике. В Эстонии, например, самые высокие руководители настаивают на необходимости подчеркивать, что республика является национальным государством эстонского народа, в состав которого входят собственно эстонцы как коренная нация, и меньшинства, к которым относятся русские, латыши, финны, евреи и представители других народов. Аналогичная трактовка дается сейчас и понятию "народ Латвии". А между тем едва ли согласится со статусом "меньшинства" или "некоренных" жителей (а тем более "инородцев") проживающее в пределах современной Эстонии старожильческое русское население.

В основу концепции гармонизации межэтнических отношений должен, на мой взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов (а не республик) на путях расширения самостоятельности регионов и мест, культурной автономии, а самое главное — последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов и прав отдельной личности, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Все это — вопросы огромной теоретической и практической важности, требующие сейчас самого глубокого осмысления и обсуждения, прежде чем они обретут силу конституционно-правовых норм.

О СОВЕТСКОМ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМЕ*

С голубого экрана ученые, писатели и политики внушают согражданам, кто они есть и кому должны присягать на групповую лояльность, какие у той или иной группы вековые корни и права на территорию. Правда, умалчивают о том, какой длины должны быть корни (от верхнего палеолита или от времен Екатерины II), чтобы иметь "святое право" на "исконные" территории в пределах случайно сложившихся административных границ. Привыкшие к решениям вождей граждански незрелые массы в условиях неожиданной либерализации и усугубляющейся материальной нищеты поставлены перед необходимостью определиться по членству в "нациях, народностях и национальных группах". Какой дьявольский вопрос поставили, например, ученые и политики перед жителями Бурятии: кого считать коренным народом — потомков поселившихся здесь 300 лет назад русских старообрядцев или бурятов — потомков мигрировавших сюда в начале XIII в. кочевников бурято-монгольского степного мира?

К взаимоисключающей этнической идентичности (только украинец или только русский, а не так, как Н.В. Гоголь — великоросс и малоросс в одном лице) подтолкнули записанные в конституционных нормах, многократно заявленные слова о праве нации как этнической общности на самоопределение. О праве этом стали прежде всего заботиться начинающие законодатели первого советского парламента — Съезда народных депутатов и местная партийно-чиновничья элита, заполняя новую идеологическую пустоту идеями этнонационализма. О святости этнического начала повсеместно заговорила научная и журналистская братия. Откуда все это и почему так происходит? Почему так быстро закончилась "дружба народов" и дело идет к очень серьезным спорам?

* Ранее опубликована под названием "Оставьте себе горные вершины! (Заметки о советском этнонационализме)". См.: Новое время. 1991. Июль (№ 27). С. 30 — 32.

Всему этому есть свои причины. У советского этнонационализма есть как давние, так и совсем молодые корни. Действительно, трудно забыть, что прошлое насилие носило часто избирательный по отношению к разным народам характер. Сталинские депортации и языковая русификация — одни из наиболее ярких примеров. Но немаловажно и то, что в стране отсутствовали институты демократического общества, а на уровне регионов и городов царила удушающая централизация, и для создания деловой ассоциации, банка, киностудии, театра или НИИ нужно было забраться на ступеньку "национальной государственности", избавившись от ущербного статуса "народности" или "меньшинства". Нужно было стать "советской нацией", чтобы иметь право на культурное самовыражение. В этих условиях самой понятной и легкодоступной основой коллективного действия стало так называемое национальное движение в его этническом, а не общегражданском варианте.

Ну а что же политики и интеллектуалы? Не успев вкусить подлинных академических свобод, не избавившись от претензий на научное руководство обществом, не излечившись от порочной страсти к социальной инженерии, а самое главное — не успев очистить интеллект от постулатов "единственного учения" и не пополнив его новейшим гуманитарным знанием, они охотно взяли на себя роль новых духовных лидеров. Они вычленили дремавшую в марксистско-ленинской доктрине националистическую идею и представили ее массам, воспитанным на классовой непримиримости, в качестве средства и цели демократизации. Популярность в обществе обрели писательские заклинания, прозвучавшие с кремлевской трибуны народных депутатов и с газетных полос: "нации — категории непреходящие" (Б. Олейник), "лучше умереть, чем дожить до момента, когда исчезнет твой родной язык" (В. Быков).

Как на партийном собрании, открыто и единогласно проголосовали народные депутаты Грузии за избрание президентом республики филолога и историка З. Гамсахурдиа, который завораживающе объяснил жителям Грузии: думать нужно прежде всего не об экономике Черноморского побережья или о ценах на союзных рынках, а о том, что "мост на реке Беслети близ Сухуми и ныне хранит старинную грузинскую надпись", что абхазов и грузин «связывали между собой культура "Вепхвисткаосани" и древнейшие грузинские храмы, украшенные грузинскими надписями, те, что и сегодня стоят в Абхазии». Только "враги", "агенты" и "предатели нации" готовы оставить грузинам один проспект Шота Руставели в Тбилиси.

В свою очередь, грузинский шовинизм сталкивается с не менее агрессивным абхазским сепаратизмом. Лидеры Абхазии предлагают ввести квоту — 50 процентов депутатов парламента автономной республики для этнических абхазов. Это при том, что абхазов — 19% населения. Однако казалось бы абсурдное требование срabатывает, несмотря на статью Конституции о равенстве граждан независимо от их национальности. Национализм и те, кто способен о нем громко заявить в определенных социальных условиях, обладают завораживающей силой. И уже не политики и интеллектуалы, а совсем другие люди, оторвавшись от телеэкрана или отложив газету, оказываются у того самого сухумского моста с ружейными стволами, направленными друг на друга.

Национализм и национальная идентичность, эти интеллектуальные конструкты складывались на рубеже XVIII—XIX вв. Однажды созданные, они перешли в широкий спектр политико-идеологических реалий и завоевали широкое социальное пространство. Рожденная европейскими интеллектуалами идея нации утвердилась как синоним согражданства в пределах единой государственности. В итоге во всем мире понятие межнациональных (international) отношений означает межгосударственные отношения, а понятие межэтнические отношения — это как раз отношения между народами. В СССР, наоборот, "национальные отношения" есть межэтнические, а "национальная политика" — это не политика обеспечения государственных интересов, а политика в отношении российских национальностей, или этническая политика.

Почему, отказавшись от идеи построения пролетарской державы, политики и ученые продолжают верить в другую химеру — строительство "национальных" (читай — "этнических") государств, считая, что только этнонации создают основу для хозяйственного и социального развития общества и только они дают жизнь самой государственности? Ведь нация, по справедливому замечанию Н. Бердяева, — это такая же мифологическая конструкция, как и пролетариат. Но многие ученые до сих пор не могут избавиться от влияния оформленных Сталиным в жесткие дефиниции путаных рассуждений Ленина по "национальному вопросу". Остаются в плену национализма и те, кто обосновывает и даже начал осуществлять собирание "исконных" этнических территорий (русских, грузинских, молдавских или других) под эгидой "единой и неделимой государственности", и те, кто крушат тоталитарные структуры, развешивают "национальные флаги" над нищими сельсоветами.

По крупному счету националистами остаются в своей политике не только лидеры республик, но и Центра, ибо все они — поклонники сталинского определения нации. Правда, прибал-

тийские политики, приблизившись к реализации идеи государственного самоопределения, раньше других осознали пределы и бесперспективность ее националистического варианта. Не случайно после 11 марта 1990 г. В. Ландсбергис разъяснил миру, что самоопределился народ Литвы, включивший всех граждан республики (но не литовская этнонация!). А недавно он сформулировал свое понимание нации как необязательно этнически однородной общности, а как согражданства. В Латвии объявлен отказ от паспортной фиксации национальности граждан республики. На съезде Народного фронта Эстонии началась дискуссия о необходимости пересмотра поспешного закона об официальном языке, говорилось о возможном эстонско-русском двуязычии. Отклик не заставил себя ждать: идея независимости принята, согласно последним опросам, большинством всех проживающих в Прибалтике граждан независимо от их этнической принадлежности. Эти тривиальные идеи подсказали приглашенные иностранные консультанты. Но неужели нельзя было задуматься раньше и насколько искренни эти новые установки? Не последует ли обман после возможной независимости?

В истории еще не было прецедентов, чтобы за 3—5 или даже за 10 лет миллионы людей переучивались читать и разговаривать с родного языка на язык своих соседей. Языковая агрессия, начатая интеллектуалами, поставила в еще более сложное положение миллионы граждан страны, принадлежащих к национальностям, представители которых давно перешли на русский язык. И вот уже целые народы от Чукотки до Карелии стыдливо обнаруживают себя в какой-то вновь выдуманной категории "русскоязычного населения". А это ведь многочисленные и достойные этнокультурные общности, в том числе буряты, марийцы, мордва, коми, башкиры, татары и белорусы, большинство которых дома и на работе говорят на ставшем им родным русском языке.

Пределы национализма

Некоторые специалисты, комментируя ход событий в Восточной Европе, считают, что там, как и в СССР, идет естественный процесс. "Каждый народ, каждая нация должна пройти этап самоосознания, самоутверждения, чтобы подойти к периоду самореализации"; "Отставшие в своем развитии страны Восточной Европы не смогут миновать исторического этапа разъединения, чтобы потом на новых условиях объединиться".

Откуда такой антиисторизм? Ведь к 1918 г., когда рухнули три крупные империи, на основе двух из них (Австро-Венгерской и Османской) возникли многочисленные "национальные государства". Самоопределившиеся нации получили возможность оформить свои отдельные и независимые государства на

основе этнического принципа. Сделать это было не так просто. В этих странах оказались свои собственные меньшинства. С достижением независимости восточноевропейские националисты не сделались более терпимыми к меньшинствам, чем их бывшие имперские притеснители. Трагические для человечества 30 — 40-е годы XX в., казалось бы, безнадежно дискредитировали национализм, особенно такую его крайнюю форму, как нацизм. В Западной Европе и Северной Америке утвердились общегражданские принципы организации общества с элементами согласительной демократии, обеспечивающей права и интересы культурных общностей и связанные с этим специфические запросы граждан.

Однако национализм в его этнической форме (этнонационализм) не сошел с общественной арены. Идея нации, видимо, еще долго останется мобилизующей силой для доминирующего населения полиэтничных сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с "иноязычными". Пока не утвердится такая демократия, при которой группы и личность могут отстаивать свой статус и интересы, не имея родных по крови правителей. Именно тогда гражданин получит возможность обладать достоинством, которое он будет ценить выше групповой лояльности с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Так называемые национальные движения в СССР в последние годы сыграли определенную позитивную роль, но трагедия в том, что национализм, используя этнические чувства и привязанности, прикрываясь привлекательностью лозунга о праве каждой нации на самоопределение, скоро предаст саму демократию. Общие язык и культура облегчают жизнедеятельность общественных институтов. Но трагическим заблуждением являются обыденная вера и разжигающие установки политиков и интеллектуалов, что территория и государственность могут принадлежать этносу, а его представители обладают правом на особые статус и права в гражданских сообществах. Даже если в процессе дезинтеграции СССР какой-то из "титовых наций" и удастся основательно "почистить" нынешние территории союзных республик во имя принципа типа "Грузия — для грузин!", они обрекут себя, а тем более детей и внуков на вековое враждебное окружение и моральные муки. Как правило, меньшинства в таких "национальных государствах" не отказываются от стремления к собственному самоопределению.

Как собираются нынешние лидеры привести свои республики в Организацию Объединенных Наций, объединяющую нации-государства, если в домашнем варианте они исповедуют этнонационализм, деля своих граждан на коренную нацию и

“некоренное население”, которое зачастую составляет половину, а то и большинство граждан этих государств?

Еще более абсурдны стремления политической и культурной элиты внутренних автономных образований объявить свои территории “национальными”. Какую печальную участь готовят себе, скажем, башкиры, объявляющие одноименную республику “национальным государством” и распространяя право продажи земли только на этнических башкир, а не на башкирцев (или башкортостанцев) — жителей республики! И это в республике, где большинство населения составляют русские и татары. Как можно суверенитет Татарии толковать самоопределением татарской нации, если четыре пятых татар не живут и не собираются жить в этой части страны?! О чем думали авторы одного из проектов о суверенитете Коми АССР, записывая в него пункт о том, что президентом республики может быть только коми по национальности? Неужели горняки Воркуты и их дети смиренно примут добывание угля как единственный вариант их жизненной карьеры? И, наконец, не менее тревожная форма национализма — это рассуждения политиков о необходимости самоопределения русской нации и создания Русской республики.

В каждой области, крае, республике России живут граждане, имеющие свою этническую культуру и заинтересованные в ее сохранении и воспроизводстве. *Именно через самоуправляемые региональные и местные сообщества, а не только через выгородки в виде “национальных государств” среди обезличенных краев и областей сохранится и обустроится громада России.* И, возможно, переболев национализмом, ужаснувшись от того, как легко слова и идеи, летописные цитаты и археологические надписи обращаются в кровь, захотят построить с Россией союзные отношения и ее новые соседи.

Если же национально-территориальная идея так тревожит нынешних политических пастырей и государственных лидеров от коммунистов до националистов, отдайте (лучше навечно и бесплатно) эту территорию, включая пашни, угодья, леса, этим местным сообществам и отдельному человеку. Себе же, государству, оставьте одни горные вершины (как это сделано в Норвегии, где по закону в частную собственность может быть продано все, кроме не покрытых лесом гор) и делите их на здоровье между Центром и республиками. Только в итоге такого самоопределения у человека появится то, что сделает его гражданином.

Нынешние толпы насильников выходят из коммунальных квартир и бараков. Но если у них по соседству будут пастись собственные овцы на собственном лугу и расти сад на собственной земле, они крепко задумаются, прежде чем пойдут жечь чужие дома, рушить мосты и дороги.

ТЯЖЕЛО СОЮЗ СОХРАНИТЬ, ЕЩЕ ТРУДНЕЕ РАЗРУШИТЬ*

Хотя руководители путчистов обещали не вводить чрезвычайное положение на Украине, в Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии, а Янаев объявил о полученной им поддержке со стороны автономий, путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны. "Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций" — так в "Обращении к советскому народу" путчисты определяли сложный и противоречивый процесс суверенизации союзных и автономных республик. Казалось, подобное заявление должно было вызвать тревогу у лидеров этих республик. Однако ход событий, как и водораздел между участниками этой исторической драмы, оказался гораздо сложнее.

В большинстве союзных республик основой массовых действий и политического размежевания стала национальная идея и этнонационализм в его прокоммунистическом или антикоммунистическом вариантах, исповедуемый соответственно старыми или новыми политическими элитами доминирующих этнических групп. Главный вектор политической борьбы и националистических движений был направлен по вертикали "вверх" — против русскоязычного Центра и "вниз" — против этнических меньшинств или так называемого некоренного населения. Пожалуй, только на Украине и частично в Азербайджане главными были противоречия между национал-коммунистами и национал-радикалами.

Принципиально иная ситуация в России. В этом огромном многоэтничном образовании с высокой долей одного доминирующего народа — русских общенациональная идея не получила широкого распространения. Причины? Прежде всего — многоэтничный состав того мощного слоя российской демо-

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Новое время. 1991. Сентябрь (№ 3).

кратии, который оформлялся за годы перестройки в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов и фактически возглавил процесс демократических преобразований в общесоюзном масштабе. После выборов 1990 г. в республиканские и местные органы власти и выборов президента и мэров в 1991 г. главное политическое противостояние ушло из стен союзного парламента и прошло между союзным Центром и российским руководством. Этнонациональный аспект здесь фактически не имел никакого значения и даже более того — российское руководство казалось более интернациональным, чем шовинистически настроенная значительная часть центральных структур власти в блоке с руководством российской компартии. Русский Ельцин, украинец Станкевич, грек Попов, еврей Заславский, чеченец Хасбулатов и многие другие лидеры демократии и не могли разыгрывать "национальную карту", солидаризируясь вокруг идей и принципов общегражданского суверенитета.

В тексте Декларации о суверенитете России фактически впервые появились понимание и формула национального самоопределения как самоопределяющегося согражданства — многонационального народа РСФСР. Однако процесс становления нового российского самосознания сталкивается с целым рядом препятствий.

Во-первых, достаточно громко заговорили "легитимисты", призывавшие к восстановлению легитимности дореволюционного российского государства. Среди них оказались не только русские патриоты-шовинисты, но и ученые-публицисты, писатели более либеральных воззрений.

Во-вторых, открылся мощный внутренний фронт в лице националистических движений в российских автономиях, прокоммунистическая элита которых зачастую блокировалась с центральными властями.

В-третьих, сказалась неразвитость российских республиканских институтов и атрибутов государственности, роль которых для РСФСР исполнял с момента образования Союза все тот же Центр.

Был необходим какой-то новый внешний вызов, который позволил бы продвинуть процесс российского самоопределения. И этим моментом стали события 19—21 августа. Пожалуй, впервые слова "Россия" и "россияне" обрели особую значимость и зримость, а российское самосознание — действительно национальные (не этнические!) символы: парламент (Белый дом), флаг, гвардию, жертвы и жертвенное место.

Лидеры российских автономий, где в структурах власти доминировали коммунисты, поддержали ГКЧП. Только Президиум Верховного Совета Коми ССР объявил поздно вечером 19 августа о своей лояльности законно избранной российской

власти. Выжидательную позицию заняли по отношению к хунте и лидеры ряда союзных республик, за исключением прибалтийских и Кыргызстана. Там, где лидеры и большинство депутатов парламентов составляли коммунисты (Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), ГКЧП фактически получил поддержку. Лояльность коммунистической догме, обеспечивавшая до путча власть в этих республиках, оказалась сильнее солидарности с демократией и угрозы тоталитарной реставрации.

Наибольшие симпатии, в том числе со стороны президента Азербайджана А. Муталибова, вызвало обещание не вводить чрезвычайного положения или разрешить межэтнические конфликты на основе доперестроечного статус-кво. Л. Кравчук на Украине, Н. Назарбаев в Казахстане, М. Снегур в Молдове, Л. Тер-Петросян в Армении предпочли успокоить население республик обещанным суверенитетом. Вот оценка сопредседателя социал-демократической партии России О. Румянцева: «Трудно принять как чистый и моральный тезис "главное — наш суверенитет, а остальное — выдумки Москвы, хоть бы и ГКЧП будет, лишь бы нас не трогали"». Эту ситуацию отразил народный юмор:

“Эй, Кравчук и Назарбаев,
Вас устраивал Янаев.
Не мычали, не телились,
А теперь вдруг отделились?”

В сложной ситуации оказались лидеры существующих этнотерриториальных автономий в Грузии и самоопределяющихся образований в Молдове (Гагаузия и Приднестровье). Логика противостояния властям своих союзных республик толкала их в сторону новоявленного “советского руководства”. Однако не стоит забывать, что речь идет о позициях конкретных лидеров, которые, не обладая достаточным политическим опытом и оказавшись в сложной ситуации, не смогли сразу определить позиции, отражающие настроения более широких слоев населения и политических сил. Зато демократическую Россию поддержали радикально-националистические органы власти на Западной Украине, либерально-демократическая партия в Таджикистане, движение “Иттифак” в Татарстане, активисты Народного фронта Азербайджана, Вайнахская партия в Чечено-Ингушетии и другие общественные группы и движения. Чем-то эта ситуация напоминала время прихода к власти большевиков, которые благодаря своим лозунгам освобождения и самоопределения этнической периферии получили необходимую поддержку в борьбе против сторонников “единой и неделимой” России.

Провал путча и победа российского руководства, действия Б. Ельцина, а затем М. Горбачева против руководства КПСС означали конец этой партии в Центре, а вместе с этим и катастрофу республиканских национал-коммунистов. Желание удержать власть подтолкнуло многих из них к тому, чтобы срочно избавиться от коммунистической подпорки и воспользоваться моментом паралича Центра для безоговорочного перехода на политическую платформу национализма.

Но главные события развернулись не вокруг судьбы КПСС, а вокруг вопроса об отношениях с союзным центром и Россией. Начало неожиданному процессу полного разрыва с Центром было положено еще в дни путча, когда 20 и 21 августа Эстония, Латвия и Молдова объявили о своей полной государственной независимости. Это было логическое завершение всего предшествующего политического курса руководства этих республик, опирающегося на мнение населения, зафиксированное плебисцитами в прибалтийских республиках. Что было сенсацией, так это рывок в сторону полной независимости Украины и Казахстана, а затем Белоруссии и республик Средней Азии.

В итоге почти 300 миллионов жителей СССР 6 сентября проснулись гражданами 15 новых государств. По крайней мере так были восприняты решения закончившегося в Кремле Съезда народных депутатов. *Трудно было сохранить Союз, но, возможно, еще труднее будет его разрушить.* Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования. Еще никому не удалось выработать или умозрительно определить оптимальную форму образования государств, а тем более их упразднения. Ясны лишь некоторые примерные условия. Среди них одним из важнейших является этнокультурный фактор. Суть его в том, что существующие на Земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие не только системами хозяйственного жизнеобеспечения и передачи культурной информации, но и институтами власти, в том числе в форме государства. Однако государства — это оформленные границами территории, которые почти во всех случаях не могут совпадать с границами распространения культур и языков. Государства стремятся через общие символы, доминирующие идеологические и правовые нормы конструировать общую идентичность среди своих граждан. Однако обеспечение лояльности граждан так называемых наций-государств предусматривает сохранение и уважение культурного плюрализма. Именно такие нации-государства оказываются более жизнеспособными и добиваются процветания. Старому Советскому Союзу не удалось решить эту

проблему. Удастся ли новым образованиям не повторить один трагический эксперимент в 15 уменьшенных вариантах?

По крайней мере три крупные проблемы просматриваются на горизонте новых суверенных государств.

Первая. Пока дезинтеграция произошла верхушечно, на уровне больших политических шахмат, в итоге усилий интеллектуалов, политиков и общественных активистов, сумевших увлечь за собою большинство. Но этого явно недостаточно для того, чтобы составить базу новых независимых государств. Размеры территорий, обладание ресурсами здесь не столь важны, как уверенность населения в своем выборе. А что если крупные массивы компактно проживаемых граждан заявят об ином выборе? Готовы ли те, кто на основе права на самоопределение обрел независимость, дать такое же право на автономию другим осознающим свою отличительность группам? Например, венграм, болгарам, карпато-русинам на Украине, абхазам и осетинам в Грузии, корейцам и уйгурам в Казахстане, талышам и лезгинам в Азербайджане и так далее.

Список этот гораздо длиннее, чем подозревают политики, ибо этничность имеет свойство рождаться заново, оформляться на региональной основе или на основе общей исторической традиции. *Если общество поощряет не свободу и развитие культур, а этнонационализм в виде создания для каждой из групп своих государств, движение за самоопределение, за которым стремление обеспечить доступ к власти и избежать неравного статуса, будет продолжаться бесконечно со стороны тех, кого в новых государствах хотят квалифицировать как "этнические меньшинства".*

Вторая. Статус меньшинств никак не будет принят "сколками" с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы. Прежде всего это касается русских, 6,5 млн которых проживает в Казахстане, составляя большинство в шести областях этой республики, и 11,3 млн на Украине, где они находятся главным образом в сложной по составу и смешанной по культуре зоне русско-украинского пограничья и преобладают среди населения Крыма. Такая же ситуация характерна для украинцев в России, в Молдавии и в Белоруссии, для русских в Латвии и Эстонии, не говоря уже о грозной чересполосице в среднеазиатском регионе, особенно узбекско-таджикском пограничье. Статус меньшинств для этой части населения невозможен потому, что они есть такие же автохтонные жители новых образований и рядом, за государственной границей пребывает основное ядро их собственного народа. В этих случаях очень вероятно, особенно при неблагоприятных социальных и культурных условиях, возникновение так называемого ирредентизма, т.е. движения за

воссоединение с братьями. Это обычно самая грозная причина и форма межэтнических конфликтов.

Ирредентизм уже наблюдается среди части русских в Эстонии, украинцев и русских в Приднестровье. Но он может обрести силу в таких регионах, как Северный Казахстан, Восточная Украина и Крым (среди русских), Западная Россия (среди украинцев), для которых успокаивающие визиты А. Собчака и А. Рудкого в Киев и Алма-Ату и верхушечные договоренности ровным счетом ничего не значили.

Массовые миграции и переселения здесь не помогут, как и другие силовые методы. Пересмотр, вернее уточнение границ (никак не территориальные претензии, ибо речь идет о желании части граждан в отношении территории собственных государств), может быть единственным, хотя и очень сложным, путем решения конфликтных ситуаций. *Но есть более верный и гарантированный путь утверждения основ новой государственности — это признание равнообщинного характера населения ряда новых стран, в том числе и прежде всего через официальное двуязычие (украинско-русское, молдавско-русское, латышско-русское, казахско-русское, узбекско-таджикское).*

Третья. Это вопрос о судьбе многочисленного, порой более влиятельного, чем политики, интернационального по составу слоя образованной гуманитарной и технической интеллигенции в Центре, рекрутированного из народов всех республик, особенно Украины, Грузии, Армении. Завтра десятки, если не сотни, тысячи талантливых, широко известных, высокообразованных людей утратят ставшее для них привычным и жизненно важным социально-культурное пространство советской страны. Их этническая (историческая) родина будет за рубежами России, а гражданство и общественный статус должны будут обеспечиваться в независимой России в условиях уже безусловно доминирующего русского окружения?

Национализм среди самого крупного народа страны — русских был до этого менее развит, чем среди других народов. После образования суверенных государств русские среди всех других аналогичных по численности народов мира (свыше ста миллионов) окажутся в явно невыгодном положении, когда значительная территория их расселения окажется "зарубежьем" или станет землей суверенных российских автономий, тоже мечтающих хотя бы денек побыть независимыми. *Рост русского национализма и движение за самоопределение русской нации вполне могут разделить логику развития аналогичных процессов среди других народов.* Обо всем этом есть смысл задуматься, чтобы уйти подальше от путча и избежать более масштабного насилия.

"СМЕРТЕЛЬНЫЙ ГАМБИТ" НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*

Существуют две точки зрения — два объяснения распада СССР. Одни ученые, публицисты и политики считают, что реализовалась историческая закономерность, через которую неизбежно прошли все прошлые империи, а именно — нации осуществили свое право на самоопределение, как это сделали 200 — 100 или 50 лет тому назад все основные народы мира, создавшие собственные национальные государства, кроме тех, кто оказался в "социалистическом лагере". Другие полагают, что произошла грандиозная и безответственная политическая импровизация в силу ложно понимаемых идей свободы и демократии, а также в угоду амбициям суперлидеров и политиков. В итоге было покончено не только с тоталитарным режимом, но и с тысячелетней государственностью, и тем самым совершен еще один трагический эксперимент без будущего. Оба объяснения мне представляются упрощениями.

Все самоопределившиеся в разные эпохи и ныне существующие государства мира имеют сложный состав населения, и в этническом смысле народы не прошли и не собираются проходить стадию "национального самоопределения". Так, англичане входят в состав британской (а не английской) нации и живут в государстве, которое называется Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии. В Испании самоопределились не испанцы, а несколько этнических групп — кастильцы, каталонцы, баски, которые и образуют народ Испании, или испанскую нацию. Автономизация (федерализация) Испании после режима Франко произошла главным образом на основе региональных культурно-исторических традиций.

Консолидация в единый народ чаще всего происходит после образования государства. Не нации создают национальные государства, а, наоборот, идея нации рождается среди народов

* Ранее опубликована под названием «На перепутье. "Смертельный гамбит" национальной политики». См.: Независимая газета. 1992. 7 февраля (№ 25). С. 5.

(необязательно культурно однородных) как политическая программа для создания суверенных гражданских обществ, и уже государства создают нации, т.е. осуществляют процесс "нациестроительства".

Именно такое понимание заложено и в международно-правовую практику и соответствующие международные документы по вопросам о праве на самоопределение. Ни в одном из этих документов понятие "народ" не трактуется как одна этническая общность, в них нет выражения "право нации на самоопределение", ибо нации — это уже самоопределившиеся образования. Если бы принцип права на самоопределение для этнонации был бы заложен в мировую политическую практику и в конституции таких государств, как Индия, Китай, Нигерия, Индонезия, то эти государства прекратили бы свое существование по причине этнического сепаратизма.

В то же время этническая общность является важным элементом в жизнедеятельности государства, хотя не определяет ни сам факт его возникновения, ни внутренние принципы устройства. *Этничность — это сложный социальный феномен, своего рода постоянный внутренний референдум, индивидуальный выбор на лояльность или принадлежность к той или иной культуре или к нескольким сразу.* Там, где государство и доминирующая общественная среда преследуют интересы и цели представителей одной культуры или одной этнической общности, тем самым сужая или даже уничтожая возможности для носителей других культур в едином политическом образовании, там возникает стремление со стороны "других" устранить эту угрозу, изменить условия, в том числе через образование защитных механизмов в форме "собственной" государственности. Так формируется этнический сепаратизм, который в современных условиях проявляет себя достаточно сильно, в том числе в развитых демократических обществах.

Примеры франкоканадцев, басков, шотландцев, ирландцев, валлонов, не говоря уже о сикхских и тамильских сепаратистах, довольно часто приводятся в качестве аргумента о неодолимости стремления народов к национальному самоопределению. Но это скорее свидетельствует об обратном. Из трех тысяч народов Земли те немногие, а вернее, часть лидеров и активистов сепаратистских движений, которые пытаются осуществить вариант политического отделения десятилетиями, а иногда столетиями, этой цели, как правило, не достигают — ни через войну, ни через терроризм, ни через демократические процедуры. И главная тому причина — неспособность мобилизовать вокруг своей программы большинство соплеменников, которые предпочитают совместную жизнь и отстаивание своих интересов в более крупных многоэтнических образованиях.

Единство, цельность и сила государства с культурно сложным составом населения обеспечиваются прежде всего через создание и внедрение в общественную жизнь общегосударственных символов, ценностей и чувства общегражданской лояльности, в том числе патриотизма, т.е. чувства единой Родины. Важное значение имеет общая установка граждан и государства на уважение ценности культурных различий и плюрализма и на необходимость совместного проживания и сотрудничества граждан разного этнического происхождения.

Какой же вариант был предложен марксистской доктриной и осуществлен большевистским экспериментом? А избран был вариант этнического национализма, который трактовал нации как этнические общности и был одно время особенно популярен среди восточноевропейских социал-демократов. И хотя марксизм провозгласил себя интернационалистской доктриной, Ленин достаточно хорошо понимал политический потенциал этнонационализма для свержения царизма и победы над своими противниками, выступившими за "единую и неделимую" Россию. Сталин вскоре затвердил это понимание железной формулой, что есть нация, увязав воедино территорию, общность хозяйственных связей, язык и психический склад, оформленные "собственной" национальной государственностью.

Со временем лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения превратился на многие десятилетия в декларацию, но этнонационализм составил основу общественной теории и государственно-правовой практики. Советский режим и его обществоведы изобрели понятия "социалистического федерализма" и "национальной (читай этнической) государственности", на основе которых была создана псевдофедерация национальных государств и иерархия так называемых национально-государственных образований. Огромные материальные и интеллектуальные ресурсы были затрачены, начиная с политики "коренизации" 1920 — 1930-х годов вплоть до брежневских времен, на так называемое национально-государственное строительство, политику "расцвета и сближения наций".

Этничность была институционализована через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиках, через систему преференций и квот на образование, профессиональный и административно-управленческий персонал. Престижными символами национальной государственности стали республиканские конституции, гербы и гимны, управленческие институты, творческие союзы и даже наука в лице республиканских академий. Через систему обязательной регистрации этнической принадлежности ("национальности") во

внутренних паспортах национальность стала своего рода социальной характеристикой. По ее параметрам строилась стратификация общества в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные "двойные меньшинства" внутри республиканских автономных образований.

За годы советской власти сформировалась мощная партийно-чиновничья и интеллектуально-профессиональная элита, своего рода компрадорский средний класс, через который и осуществлялась система непрямого унитарного управления, обеспечившая политическую власть КПСС и экономическую централизацию. "Ленинская национальная политика" преследовала цель не столько обеспечить развитие и благосостояние народов, сколько служить одним из столпов тоталитарной системы. Это был "смертельный гамбит": на декларативном и элитном уровнях поощрять национализм и комплиментарные по отношению к "нациям и народностям" установки, а в повседневной реальности душить самостоятельность, уничтожать тех, кто поверил в эти декларации.

Для политиков этнический фактор часто служит разменной картой как в большой геополитической игре, так и в индивидуальных устремлениях. Достаточно вспомнить Сталина, расширявшего границы СССР под предлогом собирания "исконно украинских территорий" (вот уж кто должен быть главным героем для украинских националистов!), или поведение союзных народных депутатов, пекущихся с кремлевской трибуны каждый о своей нации. Для многих интеллектуалов, особенно для деятелей культуры и ученых-гуманитариев, этничность, язык и представление о культуре и о прошлом — это не просто жизненная среда, а форма профессиональной деятельности и карьеры. Осознанно или неосознанно они выступают глашатаями идей национализма и мобилизуют вокруг них людей. Для широких масс и даже для целых народов, особенно небольших и компактно проживающих, где легче осуществляются коммуникация и пропаганда лидеров, этничность и "национальная идея" в условиях социальной дезориентации стали самой понятной и легкодоступной основой коллективных действий.

После распада Союза этнонационализм и лозунг о праве наций на самоопределение выглядят, на первый взгляд, триумфаторами. Бесспорен их вклад в разрушение существовавшего режима, в некоторые стороны демократического обновления. Но, как это часто и бывало в истории, национализм легко предает демократию и оборачивается махровым безобразием. А самое главное — он так же нереализуем, как и коммунистическая идея. После Союза возникло не 15 национальных государств, а многоэтничные политические образования, которым

предстоит делать исторический выбор, а именно вместо самоопределения этнонаций строить государства-нации, т.е. многоэтнические гражданские сообщества.

Наиболее трудно вопрос нациестроительства стоит перед Россией. Здесь уже существует оформленная статусом и границами та самая по-советски скроенная этническая государственность, и ее демонтаж в губернское управление нереален. Так же, как и нереальна явочная сецессия по причине противодействия подавляющего большинства населения страны и достаточно твердых на этот счет позиций федеральных властей. Но гибкий и более свободный федерализм с высокой степенью самоуправления для региональных образований крайне необходим. Россия слишком велика и не обустроена, чтобы пытаться всем управлять из нового Центра.

Этническая чересполосица заставит проводить политику терпимости и культурного плюрализма не только в российских республиках, но и в краях и областях (а возможно, в более крупных образованиях — землях или округах). В некоторых из них, считающихся "территориальными субъектами", нужны не менее крупные защитные меры по отношению к гражданам разных национальностей, чем они есть в республиках. Доля татар в Свердловской, Ульяновской и Пермской областях выше, чем доля карелов в Карельской Республике, и они такие же автохтонные жители, что и русские. И то, что интересы карелов оформлены государственностью, а части волго-уральских татар — нет, все это есть по большому счету исторический случай.

Официальное двуязычие (или троязычие), культурные программы и подход к самоопределению как к возможности участия граждан разной культуры в более широком политическом процессе будут необходимы во многих регионах России. А для малочисленных народов и для русского старожильческого населения Сибири и Севера, сохраняющих в значительной мере традиционные системы жизнеобеспечения (оленоводство, охота, рыболовство), нужны будут особые правовые исключения в вопросах использования земель и ресурсов вместо формальных автономных округов, на территории которых гуляет заезжий хозяйственник, а местные власти от имени аборигенов умело разыгрывают карту суверенизации.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ*

В России на смену политическим импровизациям в области национальной политики должна прийти более ответственная программа действий. Становление обновленной государственности и будущее россиян зависят сегодня не только от экономических реформ, но и от способности политиков и интеллектуальных лидеров предложить приемлемую концепцию этнокультурного развития на федеративной основе. Субъектами национальной политики, по моему убеждению, должны быть не столько республики и автономные округа, сколько граждане и народы как носители отличительных культур. А российское государство, провозгласив суверенитет от имени "многонационального народа", должно отстаивать интересы и права коллективных общностей и граждан независимо от их этнической и расовой принадлежности. Цель национальной политики — обеспечить условия для сохранения и развития культур народов, их благосостояние и взаимобогащающее партнерство.

Это касается всех народов страны, причем не по официальному списку, а по тому, кем представители той или иной этнической общности сами себя осознают. Граждан разных национальностей могут отличать хозяйственный и культурный тип, язык, религия, наконец, само чувство этнической принадлежности. Нет особого смысла в споре, составляют ли, скажем, отдельную общность казаки или сибирские татары. Гражданин может чувствовать себя принадлежащим к нескольким культурам одновременно или оказывать той или иной из них предпочтение в зависимости от жизненной ситуации. Это личное дело любого россиянина. Власти не могут выступать в роли социального инженера, поощряя или подавляя волеизъявление личности, в каких бы формах оно ни выразилось. Думаю, что не дело

* Статья написана в марте 1992 г. для газеты "Известия", была даже набрана, но не опубликована.

правительственных чиновников подсчитывать, сколько "наций и народностей" живет в республике, крае или области. Незаконной должна быть сама процедура фиксации государством этнического самоопределения личности. Достаточно того, что человек признает себя гражданином России. Люди вправе относить себя к определенной общности или к нескольким одновременно.

Существование народов и их развитие зависят от многих условий: территории, ресурсов, социальной структуры, демографического, хозяйственного и культурного воспроизводства, группового самосознания, включая символы и атрибуты единства и отличительности. В таких многоэтнических государствах, как Россия, этнические общности стремятся достичь автономии того или иного уровня, и самая трудная проблема государственной политики — найти формулу общественного договора, увязывающего интересы и права трех участников исторического действия: отдельного гражданина, этнической общности и государства. Даже в богатых и зрелых сообществах интересы эти часто вступают в противоречие и доходят до конфликтов.

Спасительной может быть для нас формула единства в многообразии: Россия и гражданская общность россиян основывают свою целостность, создавая государство, децентрализованное на принципах федерации, а также административной и культурной автономий. При том, как Россия с ее краями и областями не есть государство только одних русских, так и каждая из входящих в ее состав республик не есть государство одного из народов. Республики создаются не для того, чтобы провозгласить их территорию принадлежащей только одному "коренному народу", а всех остальных поставить в приниженное положение и ограничивать их в гражданских правах.

Политика культурного плюрализма на двуязычной или многоязычной основе наиболее перспективна для обновленной Российской Федерации. В рамках этой политики и может рассматриваться сам принцип самоопределения, понимаемый гораздо гибче и богаче, чем это делают нынешние политики национал-радикального толка. Это прежде всего право на широкое и справедливое участие представителей каждого народа в общем политическом процессе, в экономическом и культурном развитии государства. В российских правящих структурах должны быть шире представлены граждане разных республик и разных национальностей Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и других регионов. Через авторитетных носителей разных культур федеральные власти смогут рассчитывать на более успешное осуществление этнокультурных проектов

и программ, особенно, если они идут от самих общин, местных властей и организаций.

Культурный плюрализм и официальное многоязычие стоят дорого и требуют преодоления психологических стереотипов. Это на порядок труднее и дороже, чем напечатать тексты деклараций о суверенитете и развесить национальные флаги и другую символику. Но нынешние межэтнические отношения в России столь серьезны, что стоит не поскупились на действенную национальную политику.

Федеративный договор, а также предстоящее принятие новой конституции совершат желаемый прорыв к децентрализации и к закреплению объявленных ранее суверенитетов. И федеральные органы должны быть готовы к более решительным уступкам в рассредоточении власти, к отказу от средств давления, к отзывчивости на требования легитимных республиканских лидеров и влиятельных общественных сил. *Новой России предстоит утверждать азбуку демократии на языке разных культурных традиций. Но у подлинной федерализации есть безусловный предел — это сохранение целостности страны и обеспечение безопасности граждан.*

В сегодняшней жизни имеются и своего рода чрезвычайные обстоятельства. Предложенный в политической горячке Законом о реабилитации репрессированных народов принцип возврата к территориальному статусу 1940-х годов оказался крайне трудно реализуем. Не учли при этом и тех многочисленных изменений границ, которые произвольно вершились в 20 — 30-е годы. За послевоенные полвека сложилась новая демографическая и социально-культурная ситуация на территориях, с которых была осуществлена депортация. И нынешнее поколение живущих на них граждан не должно нести бремя страданий за преступления сталинщины. *Исправление исторических несправедливостей невозможно через новые несправедливости.*

Предлагаемые же лидерами и движениями депортированных народов хирургические меры восстановления справедливости носят хотя и по-человечески вполне понятный, но все же нетерпеливый и жесткий характер, предполагающий перемещения людей и перекраивание границ. В условиях экономического кризиса, инфляции, нехватки жилья и работы новое переселение тысяч семей равносильно стихийному бедствию. По крайней мере тщательной экспертизы и продуманных планов проведения этих мер нет.

Узел острейших проблем сложился и вокруг новой российской диаспоры. Миллионы россиян после распада СССР оказались за границей. А в России остаются жить украинцы, армяне, казахи, азербайджанцы, грузины. И самое главное сегодня — предотвратить массовое перемещение людей. У государств —

наследников СССР для этого просто нет средств. Трагический пример "обмена" населением между Арменией и Азербайджаном должен чему-то научить безответственных энтузиастов. А потому нам всем — нынешним лидерам, государственным службам и общественности необходимо стремиться к договоренностям о полном равноправии граждан всех национальностей на территории государств, вышедших из СССР, а затем претворять эти договоренности в жизнь под общим контролем. Иначе у нас долго не будет ни политической, ни экономической стабильности, ни гражданского мира.

Правительство и общественность должны поддержать у зарубежных соотечественников стремление и способность добиваться осуществления своих интересов и политического представительства в новых для них общественных условиях. Эта установка должна распространяться и на русских в российских республиках, так же как и на выходцев из республик, живущих в других образованиях России. Пока же чаще бывает так, что привыкшие к комфортному статусу русские скорее склонны к панике, обвинениям и отъезду, чем к политическому соперничеству и конкурентному сотрудничеству. Именно последний вариант, а не массовый исход был бы наиболее оптимальной жизненной стратегией.

ПОЛИТИКА МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ*

Как и во всех государствах мира, в России проживают граждане разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Советская идеология и политическая практика при всей ее интернационалистской оболочке насаждали взаимоисключающую этническую идентичность граждан. Делалось это как через официальную регистрацию этнического происхождения по одному из родителей (на личностном уровне), так и через систему "национально-государственного" административного устройства (на коллективном уровне). Повышению роли этнического фактора в общественной жизни страны способствовали не только политика создания и поддержки престижных институтов национальной государственности и местных элит, но и репрессивные акции прошлого режима в отношении граждан по этническому признаку. Через травму депортации, дискриминационные ограничения и спецотметки в паспортах люди постоянно помнили, что они немцы, чеченцы, крымские татары и т.п.

Межэтническую напряженность в России вызывают неравный статус граждан разной этнической принадлежности и неодинаковые условия для развития культур в обществе, где доминирующие позиции принадлежат этническому большинству в лице русских на общероссийском уровне, а в большинстве российских республик — так называемым титульным национальностям. *В современной ситуации этничность помимо культурной функции стала играть важнейшую роль как средство терапии от пережитых травм, как механизм политической мобилизации граждан, как оружие борьбы за власть и за доступ к ресурсам.*

На основе этнического фактора образуются политические коалиции разного уровня, продолжает строиться часть права и государственных институтов, осуществляется социально-эко-

* Ранее опубликована под названием "Россия как национальное государство". См.: Независимая газета. 1994. 26 янв. (№ 15). С. 1, 3.

номическая политика, происходят межгражданские распри и организованное насилие вплоть до этнических чисток, а также развиваются на массовом уровне нетерпимость и негативные стереотипы. Этнический национализм обостряется многими сегодняшними проблемами, в том числе социально-экономическими трудностями, медленной децентрализацией власти, а также рядом психологических факторов, связанных с воздействием на людей глубоких и резких геополитических трансформаций.

Этнонационализм есть политическая реальность, которую невозможно игнорировать и трудно демонтировать, ее нужно научиться понимать, нейтрализовывать негативные стороны и использовать в позитивном направлении. Но самая главная проблема — это найти приемлемую формулу нового государства и научиться управлять многоэтническим обществом, каковым была и останется Российская Федерация, как и все другие государства постсоветского пространства.

Помимо экономической базы основу любого государства составляют территория, гражданство, общие символы и ценности, а также конституционно-правовой строй. Некоторые из этих аспектов российского нациестроительства до сих пор не получили должного внимания и развития. В этом направлении необходимы следующие действия:

— Четкие заявления российского руководства в пользу конституционного положения о целостности и неотчуждаемости территории государства и получение подобных заявлений и межгосударственных констатаций, особенно со стороны крупных держав (США, Германии, Франции, Турции и других). Отсутствие таких заявлений и некоторые реверансы в пользу сепаратистских проектов в России вселяют ложную надежду на их признание международным сообществом.

— Срочное оформление российского гражданства на основе новых паспортов, причем паспортов единого образца и единственно дающих право на признание гражданства России в зарубежных государствах. Выдача таких паспортов без указания этнической принадлежности должна быть осуществлена прежде всего в регионах, где местное руководство проводит линию на отчуждение граждан от их общероссийской принадлежности. Ложная экономия на использовании бланков бывших советских зарубежных паспортов была лучшим подарком для сепаратистов: важное право иметь признаваемую в мировом сообществе государственную принадлежность и право получения заграничной визы оказались не связанными с признанием гражданства России.

— Необходимо более широкое распространение в обществе государственной символики, прежде всего герба и гим-

на. Но наряду с официальной символикой и историческими ценностями не менее важны новые символы и ценности государства, связанные с сегодняшним днем и перспективами, в том числе символы законности, гражданской ответственности, жизненного успеха, стиля и образа жизни и т.п. Создание общеразделяемых символов и ценностей — результат совместных усилий властей и народа, и эти усилия должны уважаться и поощряться.

Общенациональной идеей и основанной на ней политической стратегией должна быть формула "единства в многообразии" как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма. Строительство общероссийской гражданской нации и культивирование чувства принадлежности к общности россиян не исключают, а включают в себя уважение и поддержку прав российских национальностей на индивидуальном и коллективном уровнях. Это прежде всего — справедливое политическое представительство и свободное развитие этнических культур, языков, образа жизни, право на контроль за средой обитания и на выбор систем хозяйствования и общественного управления.

Россия — это национальное государство россиян, в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством. Государственность России и составляющих ее субъектов строится прежде всего на общегражданской основе, но учитывает этническую мозаику страны и отличительный культурный облик населения ее отдельных территорий. Это находит отражение в культурных институтах, хозяйственной и социальной политике, но не дает повода для претензий со стороны представителей какой-либо одной этнической группы на исключительный контроль институтов власти и территории. Самоопределение России осуществлено от имени ее многоэтнического народа, а внутреннее самоопределение должно происходить по воле всего населения субъекта Федерации или на экстерриториальной основе.

Одобренная Конституция РФ зафиксировала, возможно, не самое оптимальное федеративное устройство, отразив прошлые политические реальности и волю нынешних местных бюрократий, но она вполне позволяет провести подлинную федерализацию, суть которой состоит в рассредоточении полномочий власти и в устранении источников напряженности, концентрирующихся вокруг какого-либо одного центра. *В многоэтнической России федерализм необходим не для того, чтобы наделить этнические группы "своей" государственностью, а чтобы сделать институты власти и службы государства бо-*

лее близкими и более чувствительными к запросам и интересам различных по культуре групп, живущих в одном государстве. Какие настоятельные меры по утверждению федерализма необходимы на данном этапе?

– Введение системы отдельных федерального и региональных налогов, которая позволяла бы формировать бюджет содержания федеральных органов власти и служб и бюджет территориально-государственных образований. Строгая экономия и сокращение средств на содержание федеральных служб, центральных органов власти. Полезную роль в этом могла бы сыграть президентская кампания деbüroкра-тизации и экономии ресурсов на центральное управление.

– Передача властных полномочий регионально-республиканским структурам, что не ослабит Центр, но снизит на него давление и уровень требовательных ожиданий. Ограничителем для всевластия региональных элит должен быть не только Центр, но и сильные местные органы самоуправления. Расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ дает возможность более успешно решать значительную часть проблем межэтнических отношений, а также задачи сохранения культурных традиций. Этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем. Эскалация происходит от неспособности низовых властных структур предотвратить их по причине недостаточного опыта, ограниченности прав и скудости ресурсов. Необходимо принять новый закон о местном самоуправлении, организовать широкое обучение и профессионализацию управленцев и политиков районного и общинного уровней, способных заняться повседневными обустройством и запросами граждан.

– Федеральному Центру и субъектам РФ поддерживать на конкурсной основе разнообразные местные программы и проекты, в том числе в области сохранения и развития этнических культур на уровне отдельных общин локального и экстерриториального характера. Местные инициативы в конечном итоге эффективнее глобальных общегосударственных программ, сочиненных чиновниками и специалистами Центра. Задача федеральных властей – обеспечивать гласность и контроль выделяемых средств и оказывать содействие в профессиональной подготовке местных исполнителей.

– Придать федеральному Центру мультикультурный характер, что включает расширение представительства нерусских национальностей в государственных структурах, создание образовательных институтов на языках наиболее крупных нерусских народов и государственных служб переводов, а также специальных программ вещания и изданий, которые обслуживали бы культурные запросы граждан независимо от

мест проживания по всей территории России. Важным элементом для социальной мобильности, жизненного успеха и удовлетворенности граждан нерусских национальностей в России является гарантированная возможность овладения русским языком, которая стала сужаться в последние годы под националистическим влиянием. Двужычие и многокультурность должны стать приоритетными личностными характеристиками как можно большего числа россиян и основой политики в области образования, культуры и информации.

— По аналогии с экологической экспертизой ввести в России службу этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, поскольку почти все важнейшие государственные решения в сферах политики и экономики в той или иной мере должны учитывать состояние межэтнических отношений. Расширять знания в области этнических проблем, способствующих разрешению конфликтов. Предотвратить поднятие на уровень официальных деклараций и правовых норм мифов, стереотипов и узкоэтнических ориентаций националистических лидеров и активистов.

Поскольку меньше половины представителей нерусских народов проживает в пределах этнотерриториальных образований и более половины населения республик и округов составляет нетитульное население, даже самая радикальная суверенизация этой части субъектов федерации не касается интересов и прав, связанных с принадлежностью граждан к этническим общностям. Многоэтнический характер имеет и население многих российских краев и областей, в том числе почти всех крупных городов. Государственная политика в этой области должна проводиться по всей территории страны, и ее субъектом должны быть все национальности независимо от характера расселения и имеющегося политического статуса. В этой ситуации наиболее глубокой и действенной формой реализации политики в отношении российских национальностей как на федеральном, так и на региональном уровне является экстерриториальная культурная автономия. Практически все многоэтнические государства мира используют этот институт или как основной (в случае отсутствия территориальных автономий), или как дополняющий систему федеративного устройства и механизмы распределения власти в рамках демократии согласия. Для преодоления длительно насаждавшегося неприятия национально-культурной автономии (НКА) необходим ряд мер и программ по ее реализации:

— Разработка на основе отечественного и мирового опыта и международно-правовых документов политической доктрины НКА, наполненной современным содержанием, выходящим за рамки узко понимаемых культурных и фольклорных

параметров. Одним из ее главных направлений должна быть поддержка и развитие различных форм общественно-политической организации российских национальностей и отдельных общин, обеспечение политического влияния и властного представительства на экстерриториальной основе. Законодательное закрепление основ национально-культурной автономии: статуса государственно-общественных и культурных ассоциаций, обществ, землячеств, центров по управлению делами этнических общин, их прав на участие в выборах, на представительство в органах власти, законодательную инициативу, хозяйственную, культурную и международную деятельность.

– Реализация по всей территории РФ на федеральном, республиканско-региональном и местном уровнях программ по сохранению и развитию народных традиций и культуры, созданию этнокультурных центров, отделений и групп в системе просвещения и образования, по организации печати, радио и телевидения на родных языках. Учреждение в Москве на базе бывшего Дома дружбы или Парламентского центра Дома народов России под эгидой Госкомфедерации, который служил бы федеральной и столичной базой для общественно-политической и культурно-просветительской деятельности этнонациональных организаций.

– Наделение общин и ассоциаций правом владения собственностью, правом на культурно ориентированную хозяйственно-предпринимательскую деятельность, различные формы общественного самоуправления, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные информационно-издательские и культурные учреждения и институты, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом.

– Проведение политики НКА не столько через верхушечные постановления, центральную бюрократию и этнократическую элиту, сколько через низовую инициативу, самоорганизацию и заинтересованность рядовых членов группы. Формируемые на основе такого подхода программы более адекватны реальным потребностям граждан. Они гораздо эффективнее, ибо задействуют не только волю, но и ресурсы, в том числе материальные, самих общин и отдельных граждан. Отбор и финансирование таких программ и проектов на конкурсной основе может составить одну из основных форм деятельности Госкомфедерации, Минкультуры и некоторых других министерств и ведомств.

Межэтническая напряженность и конфликты существуют во многих странах. Не стала исключением и Российская Федерация. Трудноразрешимые противоречия и конфликты

не являются неизбежными и не predeterminedены самой природой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в рамках одного государства. В России сохраняется достаточно высокий уровень межэтнической терпимости и сотрудничества, что находит отражение в широком распространении смешанных браков, интенсивных культурных взаимовлияниях, отсутствии территориальной сегрегации, высокой социально-профессиональной мобильности и конкурентоспособности представителей различных национальностей. Напряженность и конфликты возникают прежде всего на фоне социально-экономических трудностей и глубоких геополитических и ценностных трансформаций, которые переживают граждане бывшего СССР.

Этнические чувства используются политиками и активистами общественных движений в различных целях, а этническая мобилизация рядовых членов групп достигается там и тогда, когда для этого существуют определенные условия. Среди последних — это прежде всего существующая или вновь возникающая социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к власти, правовая и культурная дискриминация, пропаганда ксенофобии и негативных стереотипов. В ходе экономической реформы агрессивность молодого предпринимательства при слабом государственном контроле и недостаточной гражданской культуре ведет к переэксплуатации природных ресурсов и наносит ущерб среде обитания отдельных народов, особенно сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения. Предметом разграбления или неравного товарообмена становятся культурные ценности, продукты художественных промыслов и ремесел и ценные ресурсы ряда народов.

Для снижения и предотвращения межэтнических противоречий в России необходимы как долговременные стратегии, так и некоторые срочные меры:

— Государство в лице властей разного уровня должно оказать срочное содействие в организации контроля и охраны уязвимых этнических культур и общин, особенно из числа малочисленных национальностей. Вполне возможно введение местных таможен, ограничений на продажу алкоголя, разных видов промыслов и другой коммерческой деятельности в интересах и при участии местных общин, особенно в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

— В процессе приватизации государственной собственности и аграрной реформы полнее учитывать этнический фактор, прежде всего в районах смешанного населения, не допускать узурпации и концентрации собственности и другого достояния представителями одной этнической группы за счет других, чтобы не вызвать последующего стихийного и даже

насильственного передела. Для этого создать общественные контрольные советы или комиссии, особенно в зонах ограниченных земельных ресурсов, какой, например, является Северный Кавказ.

— Поощрение кросс-этнических политических коалиций и ассоциаций, вплоть до запрещения создания и деятельности политических партий, построенных по этническому принципу. При разработке избирательных законов на федеральном и республиканском уровнях предусмотреть систему таких избирательных округов и поощрительных стимулов для политиков, которые были бы ориентированы на многоэтнический электорат и исключали бы победу на выборах за счет избирателей одной национальности. Такая система поставит политиков в зависимость от голосов иноэтнического электората и будет способствовать достижению согласия различных групп. Межэтнические политические союзы окажутся более выгодными, чем этническая солидарность.

— Распространение достоверных и полных знаний о традициях и обычаях граждан, принадлежащих к разным культурам, развитие интереса, особенно среди молодого поколения, к "чужим" культурам. Создание энциклопедии народов России, популярных изданий, справочников и разговорников, словарей, развитие этнологических исследований.

— Исключить этническую заангажированность в деятельности органов правопорядка, судебных инстанций, низовых административных служб, поставить ее вне профессиональных требований и этики. Не допускать и противоположную ситуацию — насаждение вышестоящими властями среди местной милиции, судебных исполнителей, управленцев "этнических чужаков" (хотя и представляющих "коренную нацию"). Чаще всего это вызывает отчуждение граждан от самих государственных институтов.

— Проведение общенациональной кампании по утверждению толерантности, культивированию этнического многообразия россиян как главного достоинства и богатства нации. Организация публичных выступлений на эту тему, которая не должна быть отдана на откуп низменным спекуляциям.

Политика культурного плюрализма, возможно, самый серьезный вызов для новой России, но именно за этой политикой будущее.

ЧТО ЕСТЬ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?*

Говоря о российском опыте этнотерриториальных автономных образований в новейший период и принимая во внимание меняющийся международный контекст, хотелось бы отметить, что есть как бы два разных языка, две разные системы объяснения данного явления, и это в значительной мере влияет и на практику. Если брать доктринальную сторону процесса самоопределения, что мы называем "актом речи", то наиболее строгий язык — это, конечно, язык международного правоправедения, политологии, в какой-то мере даже социологии. С этой точки зрения такого выражения, как "право наций на самоопределение", не существует, потому что нация это есть состоявшаяся политическая коалиция — государство и поэтому уже самоопределившаяся общность. Впрочем, у нас иногда переводят, идя на осознанную или неосознанную фальсификацию либо просто по инерции, английское слово *nation* как *народ* или наоборот "people" как "нация". Поэтому в русских текстах присутствует понятие право *наций на самоопределение*, и это радикально отличается от того смысла, который является общепризнанным. Хотя сейчас все больше экспертов и политиков понимают категорию *нация* как гражданское и политическое сообщество, мы все равно (включая одну из наших лучших школ, представленную профессорами А.Х. Абашидзе и И.П. Блищенко) по инерции трактуем, переводим и издаем труды на этот счет в искаженном понимании. Т.е. мы трактуем *народ* как *этническую общность*, что сегодня называется *этносом*. Должен сказать, что в мировом правоправедении, в политическом и академическом языках слова *этнос* вообще нет. Его, кстати, не было и в отечественном обществознании до 1960-х годов. Это уже метастазы так называемой советской теории этноса из нашей этнографии расплозились в последние десять лет по другим дисциплинам и попали в общественно-политический дискурс.

* Статья написана в 1995 г., но не публиковалась.

Как и понятие *нация*, понятие *народ* не равнозначно *этнической общности*, *этнической группе* или *этносу*. *Народ* — это прежде всего территориальное сообщество. И субъектом самоопределения является *демос*, т.е. территориальное сообщество, а не *этнос* или *этническая общность*. Комментарии ко всем международно-правовым документам это объясняют, если кому-то неясен текст самих документов. На этот счет были неоднократные заявления на самом высоком уровне. Есть, скажем, известная брошюра "Повестка для мира" Бутроса Бутроса-Гали, бывшего генерального секретаря ООН, где он пишет: "Абсурдно полагать, что каждая этническая общность может иметь свое государство".

Принцип и лозунг самоопределения появились достаточно давно, и, кстати, с самого начала были элементы двойного чтения этого принципа. Почти всегда это был политический принцип, всегда он был в какой-то мере средством навязывания воли победителя побежденным. После первой мировой войны это была концепция Вудро Вильсона, применявшаяся в основном к Восточной Европе, когда государственные границы пытались устанавливать по этническим линиям. Но потом, уже после образования новых государств на территории бывшей Австро-Венгрии и Российской империи, обнаружилось, что в новых "национальных государствах" оказалось еще больше меньшинств, хотя вроде бы хотели решить вопросы национального самоопределения, руководствуясь именно этническим фактором. Тогда, как и сейчас, многим казалось, что следует приводить в соответствие административные и государственные границы с этническими ареалами.

Вообще установка на совпадение этнических и административных границ — классическая ошибка национализма. В мире этого никогда не было и до сих пор не существует, кроме, может быть, десятка маленьких островных государств. И то в последние годы в связи с миграцией населения эти государства уже не являются моноэтническими.

Естественно, исходя из этого же принципа национального самоопределения в его этническом смысле, и Гитлер, и Сталин осуществляли свои геополитические идеи. Послевоенный мир тоже пытался это сделать, но почти всегда безуспешно. После холодной войны в ситуации новой реорганизации бывшего коммунистического мира, прежде всего территории Советского Союза, этот принцип тоже оказался самым понятным и самым доступным, тем более, что его выучили сотни тысяч профессионалов-гуманитариев и полупрофессионалов, которые этот язык понимают по-своему, и вся фразеология спустилась на достаточно массовый уровень. *Вместо улучшения правления в многоэтнических обществах и внутреннего самоопределения*

для культурно отличительных групп населения гораздо легче было мобилизовать этнических соплеменников вокруг советского понимания права наций на самоопределение. Это гарантировало, что значительная часть людей выйдет на митинг и даже возьмется за оружие.

Если мы посмотрим на конкретную политическую и историческую практику, то увидим, что принцип самоопределения, когда он реализовывался более ответственно и применялся, скажем, в процессе деколонизации после второй мировой войны, был не просто отличен от этнокультурных границ, но был даже против них. Иначе ни одно государство в процессе деколонизации мира и национально-освободительного движения не образовалось бы ни в Африке, ни в Азии. Надо было бы из Нигерии делать сто пятнадцать — сто двадцать государств, из Индонезии — две сотни, а из Индии больше, чем из России, потому что там гораздо больше этнических групп, не говоря уж о расовом и религиозном разнообразии. Поэтому *принцип национального самоопределения (в своем реальном, более ответственном и реализуемом виде) всегда был против этнического партикуляризма, не говоря уж о таких его формах, как вооруженный сепаратизм или явочная форма сецессии.*

Такое понимание принципа самоопределения по сегодняшний день не пересмотрено на уровне международно-правовой базы, кроме некоторых исключений, сделанных под воздействием ситуации в Советском Союзе и сегодня в России. Некоторое движение к пересмотру терминологии начали академические специалисты, в основном западные, по отношению к бывшему Советскому Союзу. Например, под редакцией Терезы Раковской в 1994 г. вышел специальный номер "Journal of International Studies", посвященный "переосмысливанию самоопределения" в плане признания советской категории "многонациональности" (вместо обычной "многоэтничности") и вытекающей из этого потребности самоопределения для "национализированных" этнических общностей.

Д. Миллер, известный западный философ, выпустил книгу — "О национальности", где говорится о том, что национальность (nationality) — это не гражданство, и в это понятие вкладывается тот смысл, который был в Советском Союзе и остается в употреблении сегодня в России, т.е. идентичность или этническая принадлежность. И особенно охотно это употребляется сегодня западными специалистами по России: они играют в тот же самый язык и как бы соблюдают политическую корректность, особенно в отношении периферийного нерусского национализма.

Хотя на Западе выражения вроде "корсиканская нация",

"гавайская нация", "нация саамов" или "нации навахо", конечно, употребляются, никто на государственном уровне не ведет речи о внешнем национальном самоопределении, хотя существуют направленные на это организации и движения (я их фиксировал еще 20 лет назад в индейских резервациях и на Гавайях), а в Канаде в начале 1980-х годов возникла ассоциация "Ассамблея первых наций", которая объединяет индейские, аборигенные народы. Т.е. мы видим, что термин *нация* в языке существует, но на уровне общественных активистов. Конечно, ни в юридическом, ни в научном языке даже в отношении Квебека и франкофонов термины "квебекская нация" и "нация франкофонов" не употребляются. Всегда подчеркивают и говорят, что есть канадская нация, которая представляет собой общность двух разных в этнокультурном отношении народов-партнеров.

Таким образом, речь идет о двойном, но не взаимоисключающем употреблении. В гражданском и политическом смыслах мы говорим об Организации Объединенных Наций, о национальных интересах России, о национальной экономике, о здоровье нации, о лидере нации. Горбачев, когда гулял с премьер-министром Индии по Красному форту, говорил: "Как хорошо, что у вас в Индии есть символ нации — Красный форт. А у нас Кремль". Ну, хорошо, в Индии-то есть понятие *индийская нация*, а символом какой нации является Кремль? Такой нации в России нет, ибо у нас конституировался "многонациональный народ", мы собственными руками (точнее словами) ввели несостоятельную категорию — *многонациональность*. Это, конечно, саморазрушительная дефиниция. И в этой ситуации, как определенный компромисс, возможно употребление понятия *многонациональность* в смысле *многоэтничность*. Можно договориться: хотите называть себя национальными республиками — называйте, но в тексте конституции такого понятия нет, есть республика-государство.

Можно вообще убрать слово *нация* из академического языка, и ничего страшного здесь нет. Фактически серьезная наука этим термином не пользуется, нет даже его дефиниции — ведь не случайно все дискуссии о том, что такое национализм, нация в нашей и мировой науке ничем не кончились. Это просто мифологическая категория.

Тем не менее вопрос о самоопределении не снимается с повестки дня и остается одной из наиболее существенных проблем организации общественной жизни в мире, в том числе и в России. Самоопределение в его наиболее полном смысле — это право (мое или группы, к которой я принадлежу) участвовать в как можно более широком общественно-политическом процессе, а не выделиться в свою собственную нишу со своей тер-

риторией. Ведь право на территорию по всем международно-правовым нормам путешествует вместе с гражданином, с человеком, и нет "своей" или "не своей" территории в рамках своего государства. Своими могут быть участки земли, а не территория.

Современное самоопределение в этом смысле включает несколько форм и, кстати говоря, не исключает сецессию. Есть самоопределение на индивидуальном и на коллективном уровнях. Кроме того, различают самоопределение внутреннее, в рамках существующей государственно-политической общности, и самоопределение в форме сецессии, раздела, выделения или воссоединения, т.е. с нарушением государственных границ. Индивидуальное и коллективное самоопределение во внутренней форме может быть территориальным и экстерриториальным. Наш опыт заключается как раз в территориальном самоопределении (по этому пути пошли большевики), а экстерриториальная форма была заклеяна. Я же считаю, что *не вместо этнотерриториального самоопределения, а вместе с ним национально-культурная автономия является одной из важнейших форм самоопределения в многоэтнических или в сложных по культурному составу государствах.* Эти две формы сосуществуют (а у нас тем более всегда существовали, мы их просто словесно не выражали) и должны сосуществовать в России. Демонтировать некоторые вещи невозможно. Кроме того, территориальная автономия не является исключительно изобретением России. Скажем, Индия в начале 1950-х годов реорганизовала свои штаты, и хотя они не были названы национальными республиками, но фактически границы штатов были приведены в очень приличное соответствие с этнолингвистическими границами. В Испании тоже существуют этнотерриториальные автономии в форме таких провинций, как Каталония и Страна Басков.

Интересно, что Испания и Англия в некотором отношении очень похожи на Россию: и там, и там доминирующая общность (кастильцы, англичане и русские) не имеют республики и нигде не записано, что они являются государствообразующей нацией. Тем не менее англичане живут в составе британской нации, кастильцы в составе испанской, русские в составе российской нации. В России форма территориальной автономии существует для основных нерусских групп, но она не может быть распространена для всех повсеместно. Для этого нужно иметь определенную гомогенность проживания (и то мы от нее отступили, ибо, как правило, во всем мире это большинство населения). Кроме того, территориальная автономия возможна только для достаточно крупных групп, чтобы они могли хотя бы образовать свою бюро-

кратию: все-таки территориальная автономия — это форма государственности и без бюрократии не обойтись. Необходим достаточно развитый язык, чтобы хотя бы государственное делопроизводство шло частично на этом языке.

Территориальная форма самоопределения — дорогое удовольствие. Но с дотациями центра у нас она существует и, видимо, должна существовать, потому что территориальная автономия выполняет важные функции: сохраняет групповую целостность, обеспечивает ресурсы для поддержки культуры и развития, предохраняет от дискриминации хотя бы на уровне основного проживания культурно отличительного населения. Это не гарантирует от дискриминации татар и чувашей в Москве, но в Татарстане и в Чувашии дает определенные гарантии и даже преимущества. Поэтому территориальная автономия — достойная форма самоопределения, и в России у нее огромный опыт, ее нужно сохранять и развивать, и это в общем-то не противоречит демократии.

Но экстерриториальная форма самоопределения не менее важна, особенно учитывая, что у нас через территориальную форму могут самоопределиться примерно только 8 из 20 миллионов нерусского населения, потому что остальные проживают за территорией республики, как говорят на нашем жаргоне, "своей" государственности. Вот это "своя — не своя" государственность — еще одна метастаза прошлого языка, и от нее, конечно, надо уходить.

И последнее, на что мало обращается внимания, — это самоопределение на индивидуальном уровне или соотношение индивидуальных и коллективных прав. Мы не должны придерживаться территориальной или экстерриториальной формы самоопределения в сугубо коллективистском плане. На самом деле главное состоит в реализации прав лиц, принадлежащих к отдельной культуре. Поэтому необходимо усилить понятие индивидуального самоопределения.

Безусловно, есть коллективные права, но они только достраивают механизм индивидуальных прав человека, которые важнее. А если исходить из того, что только через принадлежность к этносу можно самоопределиться и реализовать свои права, то это — тупиковый путь. Коллективные права важны, но вокруг них много манипуляций. В целом они выполняют только дополнительную функцию по отношению к личным правам и свободам.

ПЛАЧ ПО КОНЦЕПЦИИ*

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более, основного закона — конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными нормами для властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров велика: закон — это более консервативный текст, обычно оформляющий уже существующую практику; концепция — официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, иницилируемых властями. Если закон обязывает, концепция объясняет и рекомендует. Концепции имеют свойство изменяться чаще правовых актов, и не следует преувеличивать их некую первичную значимость.

О концепции государственной национальной политики разговор ведется со времен "позднего Горбачева", и можно найти массу высказываний политиков и ученых, что межнациональные проблемы и конфликты — это прежде всего результат отсутствия продуманной и подлинно научной концепции. Особенно долгий и громкий плач раздается со стороны специалистов-теоретиков национального вопроса, которых в стране существуют тысячи и которые по-прежнему одержимы жадой верхушечных предписаний для политических практиков и простых граждан.

Бурная жизнь последнего десятилетия во многом разрушила старые догмы, возникли новые проблемы, а самое главное — реалии в виде постсоветских государств, в том числе и России с ее огромным этнокультурным разнообразием, новыми формами культурного и политического национализма. Поэтому стремление специалистов и политиков объяснить происходя-

* Эта статья — более полный вариант публикации под тем же названием. См.: Московские новости. 1996. 16 июня. № 23. С. 9.

щее и выработать современные подходы к этой сфере общественной жизни и управления вполне понятны, хотя порой трудно объяснить страсти и амбиции, которые разгорались и сохраняются вокруг принятия концепции национальной политики. Хлесткие оценки, как, например, в статье социолога Жана Тошченко "Концепция опять не состоялась" в "Независимой газете" (1996, 11 апреля), причем в день ее принятия на заседании Правительства Российской Федерации, — один из примеров претензий видеть текст документа написанным словами и терминами, которым десятилетиями обучались в интеллектуальных застенках бывшего Института марксизма-ленинизма или Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Пожалуй, самая большая ирония в том, что принятый правительством документ есть результат согласований и согласия основных "потребителей" концепции — властей федеральных и российских республик, ведущих экспертов-разработчиков, политических сил, а сравнительно небольшая группа главным образом московских носителей ученых званий продолжает баталию против документа, вплоть до запугивающего наущничества среди тех, кто готовит концепцию к подписанию ее президентом.

В чем суть принятого документа, как следует его читать и использовать? Министр по делам национальностей В.А. Михайлов уже прокомментировал его в просторном интервью "Независимой газете" (1996, 4 июня). Мне как одному из разработчиков хотелось бы сделать также некоторые пояснения. Во-первых, открою секрет, что в течение нескольких вечеров перед отправкой документа "на рассылку" стол министра был заполнен бумагами с предложениями и замечаниями, которые поступили от субъектов федерации и от федеральных ведомств. Были учтены все основные замечания, в том числе и самые "неудобные" — от Татарстана, Башкирии и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми авторами в первоначальный вариант. Были уточнены малопонятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, хотя, повторяю, концепция — это не текст законодательного акта, где требуется еще большая строгость.

Действительно, в тексте концепции национальной политики нет термина *нация*, а употребляемые понятия *народы*, *национальности*, *этнокультурные* или *национальные общности* объясняются скорее как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Сделано это не для того, чтобы "упразднить нации" или "бороться с нациями", как пугают некоторые догматики. Понятие *нация* употреб-

ляется в двух значениях: как политическая, или гражданская, нация и как культурная, или этнонация. Вся международно-правовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постюгославских) пользуются первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские движения, организации и даже внутренние государственные образования употребляют этот термин во втором значении. Так, например, в провинции Каталония даже в официальном языке есть понятие *каталонская нация*, но на государственном уровне всегда говорится только об испанской нации — понятие, объединяющее все народы Испании.

Россия, вступив в Организацию Объединенных Наций и подписавшись под основными международно-правовыми документами, вправе хотя бы на уровне официального языка зарезервировать за собой право легитимно и без внутреннего двойного стандарта пользоваться понятием "национальный", когда речь идет об интересе, экономике, политике, армии, образовании, науке, символах и т.п. Концепция не навязывает понятие гражданской российской нации, но ограничивает официальный язык достаточно достойными понятиями *народы* или *национальности*. Никто не накладывает запрет на употребление понятия *нация* в его этническом значении лидерами республик или активистами культурных общин и даже специалистами, но федеральная власть обязана оставить доктринальное пространство для процесса гражданского националстроительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Более того, концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина *народ*, хотя его наиболее распространенное значение — это общегражданская общность, население страны (например, запись в статье 3 Конституции РФ о "многонациональном народе Российской Федерации"). В концепции под понятием *народ* имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общее историческое происхождение. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этнокультурное значения понятия *народ* не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей. Человек может принадлежать одновременно к аварскому, дагестанскому и российскому народам. В первом случае он ощущает свою принадлежность к этнической общности (аварской этнонации), в двух других — к гражданским, территориально-политическим общностям (или политическим нациям).

Более глубоко и современно трактуется в концепции понятие самоопределения как формы обеспечения права граждан-

ских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей культурного развития и форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтничных государств осуществляется в двух основных формах: территориальных образований и национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой этнотерриториального самоопределения, и дальнейшее развитие федерализма, разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным центром и другими субъектами федерации формулируется как одна из приоритетных задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

В концепции не фиксируется право на самоопределение в виде отделения, но такое право отсутствует в федеральной конституции и в конституциях республик, кроме косвенной возможности в конституции Тувы и конституции Татарстана, где этот вопрос обойден формулировкой ассоциированного статуса. Я не знаю государств, где бы законодательство и доктрины предусматривали явочную сецессию (волевое одностороннее отделение), и России нет смысла повторять безответственную лексику советских конституций. Кстати, международное право признает возможность самоопределения через образование отдельного государства, но оно распространялось на бывшие колониально-зависимые народы как территориальные (а не этнические!) сообщества. Право на сецессию (отделение) процедурно в международном праве не разработано и признается международным сообществом только в случае его осуществления на основе взаимного согласия, как это было в ситуациях распада СССР и Чехословакии.

Вторая важная форма самоопределения — экстерриториальная национально-культурная автономия. Ее субъектом могут быть любые народы и отдельные этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматриваются возможность культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права общинной собственности и самое важное — право на особые формы политического представительства и на законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной, хотя у последней есть свои незаменимые функции, особенно по части обеспечения экономической и политической основ культурного развития того или иного народа. Нетерриториальное самооп-

ределение, в свою очередь, ближе к универсальному понятию внутреннего (коллективного и индивидуального) самоопределения — это право на участие, включая управление государством и конкурентную социальную мобильность. Концепцией предусматривается поддержка государством различных форм национально-культурного самоопределения как федеральными властями, так и властями других уровней.

В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Тем самым не поддерживается культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдается должное многообразию страны через развитие не только отдельных культур, но и языков, традиций, социального опыта, мировоззрений, которые составляют питающую силу любого крупного государства.

Во-вторых, ставятся ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа, и она существует от имени и для всех граждан соответствующих территориальных сообществ. Это, кстати, соответствует конституциям и декларациям, принятым в самих республиках.

Наконец, во избежание ненужной и плохо понимаемой градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку не используется понятие *меньшинства*. Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения, зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той простой причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание меньшинства — это все численно недоминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-госу-

дарств и мощные культурные институты. А если оставить в этой категории только всех других (без "своей" государственности), то опять получается абсурд.

Для коренных малочисленных народов (главным образом народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы несколько другие подходы, и они предусмотрены концепцией в соответствии с международными требованиями. Те, кто остаются среди претендентов на статус меньшинств, — это главным образом представители диаспор таких крупных народов, как украинцы, армяне, азербайджанцы и другие, которые находятся далеко не в приниженном положении, чтобы их категоризовать как меньшинства. А именно в приниженном статусе и в необходимости особой защиты заключается суть доктрины меньшинств. К тому же в стране сохраняется традиция негативного восприятия категории *нацмен*, и не хотелось бы ее возрождать ради соответствия международному словарю. Возможно, эта категория возродится в России, но лучше, если это будут делать представители тех, кто хочет, чтобы их считали меньшинствами, а не государство. Главное — выполнить требования и гарантировать те права, которые международное сообщество выработало для данных групп населения. В этом отношении положения концепции по национально-культурной автономии обеспечивают эти возможности.

ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ

РУССКИЕ ВНЕ РОССИИ: МИФЫ И ПОЛИТИКА*

В общественной жизни возникают ситуации и проблемы, которые политики и публицисты пытаются описать в простых терминах, а отсюда — предложить и простые решения. На уровне массового сознания утверждается миф, который обретает собственную жизнь и уже сам влияет на поведение людей, включая политиков и интеллектуалов, которые его породили. К категории таких новых мифов, а также к политическим нагромождениям вокруг них относится и проблема русских в новых постсоветских государствах.

В последний вечер предвыборных теледебатов декабря 1993 г. в передаче "Выбери меня" чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров со страстью убеждал в трагической предопределенности исхода 25 млн "русскоязычных" в Россию, а другой участник пугал еще более фантастической цифрой в 65 млн человек, оказавшихся за пределами "своей государственности" на территории бывшего СССР. Непонятные термины типа "русскоязычное население", "этнические россияне" появились в официальных, в том числе в межгосударственных документах. В научной литературе преобладает анализ, который следует за политической риторикой и который объясняет лишь демонстрационный аспект проблемы. Причем объяснения специалистов крайне идеологизированы, и лишь самая малая часть написанных работ на эту тему основана на какой-либо серьезной дисциплинарной проработке. Итак, о чем речь?

А речь идет о сложной ситуации, в которой оказались действительно миллионы бывших сограждан по причине появления новых государственных границ, а самое главное — из-за утверждения в новых образованиях заимствованной из марксистско-ленинской теории наций доктрины этнического национализма. Суть этой доктрины в идее "своей" или "не своей"

* Этот текст ранее опубликован в виде интервью под названием "Двойное гражданство — политическая импровизация". См.: Муниципальная газета. 1995. Выпуск 3 (15). С. 3.

государственности в зависимости от этнического происхождения людей. Идея эта крайне заманчива для элит "титulyных национальностей", давших название постсоветским государствам, ибо гарантирует им доминирующий статус, в том числе преимущественный доступ к власти. Но реализовать эту идею невозможно из-за того, что нельзя создать этнически чистое государство, даже в урезанных границах, а к уменьшению территории политики обычно относятся отрицательно, предпочитая чистки или выталкивание "некоренного" населения. Никогда не могут быть реализованы лозунги "Грузия для грузин" или "Абхазия для абхазцев", сколько бы ни положили жизней их энтузиасты, да и североосетинским лидерам придется вернуть изгнанных граждан ингушской национальности.

Итак, все государства, в том числе и постсоветские, созданы и существуют от имени проживающих в них сообществ, к какой бы культуре они ни принадлежали. Человеку достаточно родиться и вырасти в той или иной местности, чтобы считать ее своей родиной, и никто не в праве навязать ему другое чувство или статус. Украинцы на Дальнем Востоке, казахи на Алтае, русские в Крыму или армяне в Ростовской области живут на своей родине и являются коренными жителями этих мест, а значит, имеют полное право на гражданство и на равный статус в пределах новых границ. Безответственно даже вести речь о 25 млн русских или 6 млн украинцев "за рубежом", а тем более считать это некой аномалией, которую можно исправить программами массовых переселений. Да, действительно, русских как самый многочисленный народ СССР новые границы затронули в большой степени, но не больше, чем украинцев, узбеков, азербайджанцев, армян, лезгин и десятки других этнических групп. Но кто составляет эти 25 млн, к приему которых в Россию призывают готовиться некоторые энтузиасты социальной инженерии?

Прежде всего — это 11,4 млн граждан Украины, 6,3 млн граждан Казахстана, 1,4 млн граждан Беларуси, около одного миллиона граждан и не граждан Латвии и Эстонии, проживающих на территории этих государств давно и достаточно компактно. На той же Украине и в тех же странах Балтии климатические и социальные условия жизни лучше, чем у жителей большинства регионов России, и на эту чужбину, которую им хотят подсушить под названием "исторической родины", без слез и кровопролития они не поедут, да еще с задачей "поднимать" полузагубленное Нечерноземье. В культурно-языковом отношении и в бытовой культуре (если не считать страны Балтии) они ближе к местным жителям, чем к русским северянам или уральцам, а в русско-украинско-белорусском пограничье вообще сложилась своеобразная смешанная культура, которую не развести

паспортной регистрацией. Так что лучше этническим предпринимателям оставить в покое это население, чтобы окончательно не похоронить под кровавыми междоусобицами свою едва состоявшуюся независимость, а решать проблемы этого населения по-другому.

Прежде чем высказать некоторые предложения, хотелось бы отметить еще одну примечательную особенность русской части населения постсоветских государств в сравнении с русскими в России: оно более урбанизировано (более 90% в Узбекистане, Эстонии, Азербайджане, Таджикистане, Туркменистане; более 80% в Украине, Беларуси, Латвии, Молдове, Литве, Грузии, Армении); оно более молодое по возрасту (кроме русских в Азербайджане и Грузии), оно имеет более высокий образовательный уровень. Эта часть самодеятельного населения играет исключительно важную роль в экономике, особенно в наиболее технологичных отраслях промышленности, создавая своим трудом весомую часть общенационального продукта новых государств.

Главное — это обеспечить этническим русским реальные условия и чувство уверенности, что они полноправные граждане новых государств. Нужно прекратить проецировать на русских сограждан недовольство и пережитые травмы, доставшиеся от прошлого режима и исходившие во многом из бывшего Центра бывшей страны. Следует поделить власть с представителями нетитульного населения не только на местах, но и в столицах и прекратить насаждать правителей и управленцев по кровному принципу. Новым лидерам постсоветского пространства необходимо признать реальность мощного влияния и во многом позитивную роль русского языка и культуры, которые являются родными для доброй трети украинцев, казахов и для половины белорусов.

Национальные культуры бывших союзных республик, а ныне новых государств достаточно сильны, а их политическому суверенитету ничто не угрожает, кроме собственной недальновидности, чтобы продолжать искоренять "русское влияние", ставя тем самым в трудное положение как граждан русского происхождения, так и значительную часть своих соплеменников. Национально-русское двуязычие, в том числе официальное, возможно, один из самых сильных вариантов политики нациестроительства, которую может сегодня предложить большинство постсоветских государств, чтобы избежать среди русских движений ирредентизма (воссоединения с соплеменниками) и межэтнических конфликтов.

Сказанное выше во многом относится и к балтийским государствам, где проживает более одного миллиона этнических русских. Здесь культурная дистанция между двумя ос-

новными общинами больше, а степень этнического национализма со стороны титульных групп сильнее, чем на Украине, в Беларуси и Молдове, но не настолько, чтобы отказаться от политики интеграции этой части населения в новые согражданства. Выдавить иноэтничных "чужаков" из этих государств легальными ограничениями все равно не удастся (подобные неудачные попытки уже делались в 1920—1930-е годы), а на силовые меры не хватит ресурсов. К тому же огромное русское "ядро" у балтийских государств совсем под боком, и в его среде разжечь солидарный ультрапатриотизм не очень сложно. Кроме военных, из Прибалтики русские, для большинства которых это их единственная родина, уезжать не намерены. Здесь сравнительно комфортнее жизнь, да и положительные результаты реформ, видимо, скажутся быстрее, чем в неповоротливой России.

Глупо и обидно, если завоеванная независимость споткнется о примитивные чувства и утопические идеи, возведенные в ранг официальной политики. Не может быть долгой ситуация, когда половина жителей столицы государства — рижан лишена возможности идти к избирательным урнам, а в парламентах Латвии и Эстонии заседают исключительно этнические латыши и эстонцы, оставившие без представительства 900 тыс. и 450 тыс. жителей этих государств. Только за последние годы в мире с десятков подобных ситуаций закончился насильственными конфликтами. Здесь уже не помогут ни искусное лоббирование в международных инстанциях, ни симпатии североевропейских соседей.

Что нужно сделать? Во-первых, местным властям срочно наладить диалог с русскими общинами и их лидерами, пока он возможен и пока эти общины не создали мощные коалиции по ответному этническому признаку и не начали организованное сопротивление. Диалог придется вести на русском языке, в том числе в парламенте и в столичных СМИ, пока власти не положат на каждом углу эстонско-русские и латышско-русские разговорники и не подождут с десятков лет, когда часть русского населения, особенно молодежь, выучит доминирующие в государстве языки. Они это сделают обязательно, тем более, что основная масса русских в Прибалтике — это образованные горожане. Во-вторых, не видно альтернативы и фактическому возврату к нулевому варианту гражданства, особенно теперь, когда военные и другие "прикомандированные" фактически уехали. В-третьих, постараться восстановить намечавшиеся в первые годы перестройки межэтнические коалиции и поощрять любые подобные объединения, допустить русских к власти, собственности и бизнесу. Это сделает их не менее лояльными гражданами, чем "коренные" жители, среди которых, по-

жалуй, даже больше желающих покинуть "свои" государства в пользу более богатых стран.

Сложнее ситуация складывается для русских в Центральной Азии и Закавказье. Их здесь около 3 млн, и около одного миллиона человек действительно уже покинули этот регион в силу двух более мощных факторов, чем неблагоприятный морально-политический климат (таковой сейчас существует почти во всех новых государствах, но не является главной причиной для массовой эмиграции). Это меж- и внутригосударственные войны и конфликты. Русские хотя и не являются прямым объектом насилия (не считая военнослужащих), но испытывают огромные лишения и страх. Такова ситуация в Азербайджане, Грузии, Таджикистане, где примерно по 300 тыс. русских. Второй фактор — низкий уровень жизни и климатические условия, особенно в государствах Центральной Азии. Не случайно отток русских из этого региона начался еще в 1970-е годы. По нашим прогнозам, он будет продолжаться и в будущем, но говорить о массовом и срочном исходе нет веских оснований, и крайне безответственно его подталкивать эмоциональной публицистикой.

Большинство русских в Центральной Азии — это жители Узбекистана и Кыргызстана (1,5 млн и 800 тыс.), главным образом давние поселенцы, неплохо адаптировавшиеся к местной среде. Исследования показали, что русские этого региона в своей массе не настроены на отъезд в Россию, хотя многие специалисты покинули его или собираются уехать. Уровень антирусских настроений не так высок, как его драматизируют отдельные жертвы и им сочувствующие. Среднеазиатское общество вообще отличается традиционной межэтнической терпимостью и доказало это наглядно в годы советских лихолетий. Подавляющая часть правящих лидеров также противники отъезда русских, и их влияние очень велико. Конечно, имеет место выгаливание русских из властных структур, хозяйственного истеблишмента и из некоторых особо конкурентных сфер занятости (торговля, управление, обслуживание), ограничивается доступ молодежи к высшему образованию.

Преодолеть негативные факторы для проживания русских в Центральной Азии общими с Россией усилиями, чтобы избежать их массового отъезда, — это, на наш взгляд, главная задача в данном регионе с точки зрения решения проблемы. Как и в большинстве постсоветских государств, русские играют здесь важную хозяйственную и социально-культурную роль. Они — мощный связующий гуманитарный фактор, исчезновение которого неизмеримо увеличит отчужденность между государствами бывшего СССР, которую в самой России будут питать те же самые "вернувшиеся" и трудно адаптирующиеся

русские. Более того, русские в новом зарубежье, как это ни покажется парадоксальным, — интегрирующий фактор и для основного населения новых государств. Эти сообщества есть и останутся после возможного отъезда русских многоэтничными, но только проблема меньшинств и иноэтничного населения в них обострится еще больше. Кроме того, на первый план могут выйти внутринациональные (региональные, субэтнические, клановые и прочие) противоречия. Внутригрупповые противоречия могут быть несколько не слабее противоречий и конфликтов между этническими группами. Печальный опыт Грузии подтверждает данный тезис.

Самое главное, рассматриваемая проблема не должна быть предметом простеньких политических расчетов и сиюминутных дивидендов. Не могу забыть, как в сентябре 1992 г., когда я исполнял обязанности Председателя Госкомнаца, ко мне вернулась из Кремля подготовленная на имя Б.Н. Ельцина информация о положении русских в Казахстане. На ней была резолюция первого помощника президента: "Ваш материал не может быть доложен, так как не отражает озабоченности президента этой проблемой". В тот момент перед предполагавшейся встречей Б. Ельцина с Н. Назарбаевым помощнику, видимо, хотелось положить на стол президента не спокойный анализ, а аргументы для эмоциональной реакции и политического торга.

После того как была написана эта статья, у темы появились новые актуальные сюжеты. Во время встречи лидеров стран СНГ в Ашхабаде между Россией и Туркменистаном было подписано соглашение о двойном гражданстве, и под аплодисменты Б.Н. Ельцин заявил: "Я первым получаю двойное гражданство". Пресса и официоз почти единодушно представили двойное гражданство "разумным и очень человеческим шагом" в решении проблемы. Однако это не совсем так. Вариант двойного гражданства может быть приемлем как средство политического воздействия и как мера по некоторому улучшению самочувствия русских вне России, но не больше. Случай с Туркменистаном, где самая малая русская община в ближнем зарубежье, а в России меньше всего туркмен среди выходцев из бывших союзных республик, не может быть примером для всего постсоветского пространства.

Во-первых, приобретение второго, российского, гражданства значительной частью населения новых государств едва ли будет способствовать стабильности этих обществ и гражданской лояльности даже в самых спокойных ситуациях, в чем прежде всего должна быть заинтересована Россия. Мы же опять, как и в бывшем СССР, пытаемся насадить этническую принадлежность в качестве основы гражданства, хотя большинство тех же русских все же настроены на интеграцию в но-

вых образованиях. Даже в Эстонии самые последние обследования показали, что только 5% живущих здесь русских получили российское гражданство и еще 2–4% намерены сделать это в будущем (в Нарве около 5%), а около 90% желают получить эстонское гражданство или хотели бы видеть своих детей гражданами Эстонии.

Во-вторых, следует знать, что в России имеются огромные диаспоры украинцев, армян, азербайджанцев, грузин, казахов, белорусов (около 10 млн человек), и предоставление им на основе взаимности второго гражданства, помимо экономических и правовых проблем, вызовет ослабление среди этой части россиян чувства принадлежности к единому народу единой страны. К тому же нужно ожидать увеличение числа иммигрантов в Россию из нового зарубежья, особенно из зон аграрной перенаселенности и гражданской нестабильности в Центральной Азии и Закавказье, причем не русских, а таджиков, узбеков, грузин, армян и других. Вот о чем нужно думать и к чему нужно готовиться нашим экспертам и политикам в контексте проблемы двойного гражданства. Да и президентские новогодние поздравления лучше посылать своим гражданам и гражданам соседних государств, а не "этническим россиянам". У слова "россиянин" есть только один корректный смысл — это гражданин России.

О ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ*

Перепись населения — одна из важнейших государственных процедур, итоги которой помогают обеспечивать адекватное управление и политику во многих сферах общественной жизни. Получаемые раз в десять лет данные используются властями, политиками и учеными-обществоведами, ибо это самый полный коллективный портрет населения страны, без которого сложно правильно определить и принять решения по вопросам социально-экономической и культурной политики, административного управления, властного представительства и многие другие. На процедуру переписи, в том числе выбор и формулировку вопросов, обработку и использование данных, оказывают влияние характер политического режима и сложившиеся традиции обществознания в той или иной стране. Чем демократичнее режим и модернизированнее общество, тем больше в нем потребности иметь самые полные и широко доступные данные переписей, тем чаще они используются как компонент познания и управления обществом.

Предстоящая перепись населения будет первой переписью нового государства — Российской Федерации. В ней отразятся глубокие трансформации последнего десятилетия, и результаты ее будут крайне важны как для оценки этих перемен, так и для выработки новых экспертиз и будущего политического курса. Уверен, что итоги переписи преподнесут некоторые сюрпризы стране, где в элитном и обыденном языке правят бал политическая экзальтация и язык жалоб. Например, едва ли за все предшествовавшие три — четыре десятилетия россияне (как городские, так и сельские) построили больше собственных домов и обзавелись другим новым жильем, чем за последние несколько лет. В российских деревнях и поселках сегодня почти каждый третий дом — это новая постройка. Во всем мире домовладение считается важнейшим

* Ранее опубликована под названием "Близится перепись населения". См.: Независимая газета. 1995. 5 нояб. С. 4.

показателем национального благосостояния. К сожалению, перепись не сможет учесть приобретенные товары длительного пользования (автомобили, холодильники, телевизоры), а эти показатели могли бы быть рекордными.

Безусловно, перепись отразит и негативные последствия столь быстрых социальных и политических перемен. Это — снижение уровня рождаемости, рост смертности и безработицы, новая категория беженцев и вынужденных переселенцев. Мною ожидаются серьезные изменения в этническом составе населения, которые, однако, не следует спешить объявлять катастрофическими. Почти наверняка уменьшится доля русских в составе населения России, но это не столько в результате естественного движения населения, т.е. сокращения рождаемости и роста смертности (последнее может компенсировать иммиграция русских из других государств бывшего СССР), сколько из-за смены многими потомками смешанных браков своей русской этнической принадлежности в пользу ныне более престижных и выгодных для проживания на территории российских республик или для эмиграции в более социально обустроенные страны. К тому же возрастет абсолютная численность нерусского населения как за счет несколько большей рождаемости среди этой части россиян, так и за счет массовой иммиграции (постоянной и временной) в Россию "коренных" жителей Центральной Азии и Закавказья.

При всей значимости сохранения преемственности вопросов переписи для сравнительных возможностей, не менее важно внести некоторые принципиальные изменения и отказаться от вопросов, которые были продиктованы политической доктриной или недостаточным профессионализмом ученых и переписных ведомств. Прежде всего это касается вопросов о национальности и о языке. Нынешняя их формулировка и очередность не соответствуют ни принятым мировым стандартам переписей, ни адекватному отражению российской реальности. В течение многих десятилетий эти вопросы создают грандиозные фальсификации действительного положения и представляют собой форму насилия над индивидуальным выбором гражданина, не говоря о провоцировании и ужесточении групповых различий и придании им неоправданной роли.

Вопрос "К какой национальности, народности или этнической группе себя относите?" опять предполагает наличие неких иерархических категорий, по которым должно расписать себя население России. Мировая наука (кроме бывшей советской) не признает подобную типологию этнокультурных общностей, а тем более не знает таких этнических понятий, как

национальность или *народность*: первое означает гражданство, второе вообще уродливое изобретение марксистско-ленинской теории наций. Все зависит от степени политической мобилизации той или иной общности, и сегодня не только русские, но и аварцы, нанайцы, караимы и другие предпочитают считать себя нациями. Запрет на употребление популярных слов типа нация невозможен, учитывая длительную традицию строительства этнонаций в СССР, как и невозможен официальный раздел этнических общностей по категориям. Пусть этим занимаются общественные активисты и ученые-схоластики. Государству важно зафиксировать не некий реестр "наций, народностей и этнических групп", а этнокультурную самоидентификацию тех, кто проживает в стране. Поэтому вопрос должен быть сформулирован так: "Каковы Ваша этническая (национальная) принадлежность или происхождение?" Слово "национальная" необходимо лишь в разъяснительном смысле, учитывая длительную традицию употребления этого слова в его этническом значении.

Следуя мировым научным и переписным стандартам, а также учитывая российскую реальность, нужно предусмотреть возможность множественного ответа на данный вопрос, отсутствие ответа вообще или, в случае затруднения, нейтрального ответа типа "житель Российской Федерации", "россиянин" или "дагестанец". Дело в том, что в России, как и в других странах мира, живут миллионы людей смешанного этнического (национального) происхождения, которые могут в равной мере разделять язык и культуру как отца, так и матери и чувствовать свою принадлежность не к одному, а к двум или нескольким народам или же вообще считать себя россиянином без четкой идентификации с какой-либо одной этнокультурной общностью. Это скорее норма для многоэтнических стран, а не аномалия, а уж тем более не "манкуртизация" или "маргинализация". Многоязычие и многокультурность везде считаются преимуществом и силой как человека, так и общества, за исключением отравленного этнонационализмом постсоветского пространства.

Кроме этого, в России имеет место обычный в мировой практике феномен множественного и не взаимоисключающего этнокультурного самосознания (идентичности) вертикального характера. Кубачинец считает себя даргинцем, дидоец — аварцем, оба — дагестанцами (что тоже можно считать не только чистой административной общностью), при этом не теряя ни одну из своих культурных идентичностей. Менгрел и сван считают себя одновременно и грузинами, казак — русским или украинцем, и так в огромном числе случаев. И неужели наша перепись опять будет распахивать людей — "этнофоров" (на язы-

ке некоторых этнографов) по списку народов, да еще исключительно по одному из родителей, потакая попыткам восстановить до косточки все "этноты" со всеми их "настоящими" названиями.

В переписи должны иметь место ответы типа "украинец-русский", "русский-казак", "эрзя-мордвин", "аварец-русский", "татарин-мишарь", "еврей-русский", "эвенк-якут", "грек-армянин", "дигорец-осетин", "лакец-осетин-русский" (едва ли будут более чем тройные ответы).

Я назвал эти возможные сочетания, зная за каждым из них конкретных жителей страны, для которых это была бы наиболее верная и приемлемая идентификация в соответствии с этнокультурным самосознанием. Пусть потом политики и ученые, если им для чего-то это нужно, подсчитывают сколько "наций и народностей" работают на том или ином заводе или населяют тот или иной субъект федерации. Зато людям станет легче и понятнее жить, избавившись от изуверских процедур определения национальности по лицу, т.е. по крови. Тогда, может быть, и спадет позор стереотипов типа "лица кавказской национальности". Кстати, во многих странах уголовно наказуется даже сам вопрос об этнической принадлежности, особенно если он задается работодателем, а мы по-прежнему собираемся нести в своих новых российских паспортах этот рудимент тоталитаризма.

Теперь о вопросе переписи: "Родной язык. Указать также другой язык, которым свободно владеете". Вопрос о языке в переписях задается, чтобы прежде всего выявить, сколько, где и на каких языках жители государства разговаривают, какими языками пользуются в разных общественных сферах. Это необходимо для определения многих вопросов управления: на каких языках должны говорить государственные службы, средства информации, вывески и уличные названия, сколько и на каких языках издавать учебников и как готовить учителей и т.п. Никакой такой информации ответы отечественных переписей на вопрос о языке не содержат. Задаваемый сразу же после вопроса о национальности, да еще в столь наводящей "родной" форме, он фактически повторяет предыдущий вопрос. Отвечающий, только что определив (или за него это сделали родители) свою национальность, в огромном большинстве случаев просто повторяет название языка своей национальности, ибо стереотип "родной язык — язык своей национальности" прочно укрепился в российском сознании. Лишь незначительная часть жителей страны, давно и прочно перешедших на "неродной" язык и не владеющих "родным", указывает в данном случае язык, который не совпадает с предыдущим ответом. Миллионы же людей

называют в этой графе язык, на котором не разговаривают ни на работе, ни дома, и даже фактически его не знают. Считается как бы неудобным или политически некорректным, определив себя бурятом, чувашом или эвенком, записать в графу "родной язык" русский, татарский или якутский языки. Отвечающий вынужден задумываться больше о соответствии языка и этничности, а не о своих языковых навыках. В итоге получается искаженная картина языковой ситуации и языкового поведения населения страны, прежде всего в сторону уменьшения степени распространения и использования русского языка жителями России.

С точки зрения науки, политики и частной стратегии людей языковую ассимиляцию большинства россиян нерусской принадлежности можно оценивать по-разному. Ученые рассматривают утрату культурного многообразия, особенно исчезновение языков, как негативное явление для человеческой цивилизации и для каждого отдельного государства, хотя добровольную языковую ассимиляцию в пользу более мощных конкурентных языков (особенно так называемых мировых, к которым относится и русский) следует расценивать как явление, способствующее жизненной карьере человека. Это, собственно говоря, лучше всего понимают родители, определяя своих детей в школы. Что касается политиков, то для них вопрос о языке чаще всего связан с мобилизацией граждан и созданием коалиций для достижения власти или исключения из нее. Не знаешь башкирского языка (а это относится почти к 80% населения Башкирии, включая часть самих башкир), значит, не можешь рассчитывать на избрание на высшие государственные посты. Таково требование республиканской Конституции. Государство же, т.е. бюрократический аппарат, тяготеет к одноязычию (так легче управлять, рассылать инструкции и отдавать армейские приказы) и не любит официального многоязычия, хотя для России оно необходимо, причем не только на уровне республиканских и местных властей.

Следует сменить очередность вопросов и сначала получить сведения о языке, а потом об этнической (национальной) самоидентификации. В этом случае уже ответы на вопросы о языковом поведении (ориентации) могут отчасти влиять на определение этнической принадлежности. Однако такой вариант гораздо более логичен и научно обоснован, ибо этническая ассимиляция может следовать за языковой, хотя далеко не всегда (можно говорить на английском и оставаться ирландцем, говорить на русском и оставаться чувашом, бурятом, якутом и т.д.). Обратной ситуации фактически не бывает.

Необходимо собрать в полном объеме сведения по демографии и экономике малочисленных народов Севера, включив соответствующий раздел вопросника не в 25- или 5-процентную выборку, а в сплошную часть переписи в районах проживания малочисленных народов Севера при обследовании семей, включающих представителей этих народов. Современные тенденции развития законодательства РФ, равно как и опыт других стран мира, свидетельствуют, что граждане делятся по этническому признаку только на две группы — основное (чаще всего полиэтническое) население и аборигенное население. К вопросу длительности проживания или пришлости населения это не имеет никакого отношения (в России фактически все население может считаться коренным). Этот вопрос не должен связываться и с этнической принадлежностью, а прежде всего с образом жизни.

Население, сохраняющее традиционные системы жизнеобеспечения (прежде всего оленеводческо-промысловое хозяйство), должно иметь особые права и льготы в резервировании для аборигенных общин территорий традиционного природопользования на правах исключительного пользования либо владения. Но эти права могут распространяться на членов хозяйственных общин, а не на всех членов малочисленных "этносов". Другими словами, москвичка-нанайка Евдокия Гаер и петербуржец-чукча Юрий Рытхэу имеют ровно столько прав, как и все остальные граждане, хотя принадлежат к малочисленным народам Севера. А вот ведущие оленеводческо-промысловое хозяйство некоторые якуты, коми и русские старожилы имеют право на категорию и права аборигенного населения. Членство аборигенных общин, как и многие внутренние правила жизни, вплоть до местных таможен и сухого закона, обычно определяют сами общины в кооперации с местными властями. Перепись же должна выявить лиц, занятых в традиционном оленеводческо-промысловом хозяйстве во всех районах Севера и приравненных к ним местностях для любых национальностей. Это может быть сделано в рамках дополнительного варианта ответа на вопрос об "источниках средств существования".

Госкомстат России, а также некоторые эксперты и политики могут воспротивиться нашим предложениям под разными предлогами, в том числе и финансовыми. Но в силу произошедших существенных перемен было бы губительным сохранять старый подход к переписи населения еще десять лет — до первой переписи XXI в.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ*

Образование новых государств после распада СССР создало ситуацию, когда за пределами России несколько десятков миллионов, главным образом этнических русских и ассимилированных в русскую культуру лиц, столкнулись с неблагоприятной социально-политической и культурной ситуацией, заставившей их заявить о своей связи с Россией и назвать ее своей первой или второй родиной, и даже предпринять переезд в Россию с мест своего проживания. Это, в свою очередь, создало долговременную и сложную политическую и гуманитарную проблему в отношениях между новыми государствами, а также ее болезненные внутривнутриполитические проекции в самой России. Причинами появления проблемы соотечественников стали следующие:

— неординарный уровень социально-экономического развития новых государств, при котором Россия имеет реальные или потенциальные преимущества перед всеми, кроме стран Балтии, что заставляет многих жителей отдать предпочтение России как более благоприятному месту проживания и использовать для осуществления этого решения факт этнической принадлежности к одной из российских национальностей;

— доктрина и практика этнонационализма, утвердившаяся в постсоветских государствах, а также недостаточный уровень демократии и гражданских институтов, которые не дали возможность установить, а тем более осуществить равноправие тех, кто эти государства создал, т.е. всех жителей, но позволили дискриминировать часть населения по этническому признаку вплоть до исключения из гражданства и попыток насильственной ассимиляции и выталкивания;

— нестабильность ряда новых государств, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные

* Текст был подготовлен для Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом в 1997 г., когда я руководил рабочей группой по выработке концепции государственной политики в данной области.

конфликты, бытовой национализм и нетерпимость, возрастающие межэтническая разобщенность, узурпация власти, ресурсов и культурно-информационного пространства в пользу представителей так называемых коренных наций;

– наличие в России значительной и политически активной части граждан, которые имели и сохраняют глубокие связи с бывшими республиками, а также тех, кто уже был вынужден переехать в Россию, неся с собою травмы, недовольство и политический активизм;

– проявленный в отношении этой проблемы со стороны международного сообщества двойной стандарт, который был обусловлен стремлением закрепить распад СССР и не позволить России занять место определяющей державы в регионе, а тем более осуществить в его рамках частичную реинтеграцию.

Многозначная природа проблемы создает различные формы ее проявления и требует адекватной и перспективной политики государства в данной сфере. Главные стратегические вопросы: кто есть и будет в будущем считаться российскими соотечественниками, какое государство несет за них основную ответственность, каковы цель и содержание политики России в данных вопросах и как эта политика увязывается с другими аспектами внешней политики и внешних связей? Поиск точных ответов и политический курс в отношении российских соотечественников претерпел в целом позитивную эволюцию: от непонимания и игнорирования проблемы до ее осознания как одной из важнейших государственных проблем и принятия особых правовых актов, деклараций и федеральной программы. Однако до сих пор нет согласованного мнения и политического консенсуса в данном вопросе. Продолжаются политические импровизации и амбициозные попытки осуществить непродуманные проекты наподобие массового двойного гражданства или репатриации выходцев из России и бывшего СССР.

Отправным принципом политики должно быть положение, что основную ответственность за гарантии индивидуальных и коллективных прав и обеспечение приемлемых условий социального существования всех бывших жителей союзных республик несут образовавшиеся на их территориях государства. Задача России вместе с международным сообществом состоит в поддержке развития демократии, экономического преуспевания и политической стабильности в этих государствах, на основе которых могут быть обеспечены благоприятные условия для жизни и социально-культурных запросов многочисленного населения русского и иного этнического происхождения, связанного с культурой народов России и идентифицирующего себя с ней в той или иной степени.

Следует настаивать на предоставлении властями новых государств основных прав и создании необходимых условий для данной категории населения. Политика Латвии и Эстонии по вопросам гражданства противоречит основам демократии и международным нормам, грозит внутренней стабильности этих государств, а значит и интересам России. Мягкая позиция Запада в этом вопросе вызвана антироссийским синдромом и североевропейским солидаризмом, которые по возможности необходимо преодолевать и осуждать.

Важно акцентировать внимание на социально-экономической и политической интеграции соотечественников в рамках новых государственных образований и сдерживании эмиграции, особенно массовой, в Россию, где отсутствуют прежде всего экономические возможности для приема и обустройства эмигрантов. Массовый отъезд русских из стран ближнего зарубежья лишит Россию благоприятно расположенной и гуманитарно связанной с нашей страной категории граждан этих государств. Именно эта часть населения сдерживает откровенный национализм и антироссийские настроения, служит связующим звеном с Россией, а также перспективной базой для экономических связей, рынком для российских товаров и культурной продукции. Отъезд русских увеличит расхождение во всех сферах жизни между Россией и ее соседями, а в самой России создаст социальную базу для долговременного недовольства и неприязни к стране изгнания.

В политике интеграции основное внимание должно быть обращено на содействие самоорганизации и экономическому благополучию русскоязычных общин, что позволит им законными средствами и в мирных формах добиваться и обеспечить свое политическое представительство и равный статус, а также создать условия для сохранения и развития собственной культуры наряду с освоением культуры "основного" народа. Ставка на культурную ассимиляцию российских соотечественников является маловероятной даже в дальней перспективе (за исключением малой части русских в центральной и западной Украине) прежде всего по причине высокого мирового статуса русского языка и культуры, а также наличия по соседству в России основного ядра представителей этой культуры.

В этой же связи следует считать необоснованным выдвигаемый соседними государствами принцип "зеркального" обеспечения культурных условий и статуса для аналогичных групп меньшинств в России. Россия обязана предоставить равные социальные и политические права украинцам, казахам, латышам и другим группам российских граждан, как это должно быть сделано в отношении русских или татар в других странах, а также всячески содействовать их культурным запросам в сфере

языка и образования. Но равного культурного статуса украинцев в России и русских на Украине быть не может, поскольку украинцы и другие аналогичные группы в России гораздо более ассимилированы в русскую культуру, чем русские в украинскую, молдавскую, латышскую или казахскую культуры. Критерием политики должны быть запросы самих граждан, и дерусификация (или украинизация) украинцев в России имеет столь же малые шансы, как украинизация или казахизация русских на Украине и в Казахстане. То и другое представляет собой форму насилия и узурпацию интересов и прав людей в угоду политическим установкам.

Более того, в силу высокого культурного статуса и значительной доли русскоязычного населения в ряде государств объем прав и условий, предусматриваемых в рамках доктрины и международно-правовых норм по защите меньшинств, является недостаточным и не может удовлетворить запросы данной категории населения. На Украине, в Латвии, Казахстане русские и русскоязычные группы населения обладают неотъемлемым правом рассматривать эти государства как равнообщинные в контексте доктрины народов-партнеров, как это имеет место в Канаде с франкофонами и украинцами, в Великобритании с шотландцами и ирландцами, Малайзии с китайцами, а также во многих других странах. Факт существования России, где проживает основное русское население, никак не означает уменьшение прав русских на Украине или в Казахстане на существующее там государство по сравнению с украинцами или казахами. Поспешная категоризация русских как меньшинств в этих странах сделана в угоду узконационалистическим целям и противоречит реальному положению — невосприятию рядовыми украинцами, казахами и латышами русских как меньшинства.

Для российской политики это означает возможность и необходимость ставить вопрос о введении официального двуязычия в таких странах, как Украина, Казахстан, Латвия, Киргизия, и возможности пересмотра некоторых основ конституционного строя в интересах почти половины населения этих стран, реальный язык общения которых не имеет равного статуса. Это касается защиты прав не только русских, но и части украинцев, казахов и киргизов. Россия должна защищать не просто русских, а прежде всего выступать в защиту русского языка и культуры, как и любого другого языка, которые ущемляются в государствах ближнего зарубежья. Здесь возможны два направления политики: одно касается побуждения соответствующих государств признать ответственность и осуществлять политику поддержки русского языка и культуры; другое — это содействие в меру возможностей России сохранению и развитию за рубежом тех культур, представители кото-

рых проживают преимущественно в России (русской, татарской, осетинской и т.д.).

За пределами ограниченной культурными правами политики в отношении меньшинств находится ряд общепризнанных норм политической организации государств со сложным составом населения, которые Россия применяет сама и должна поддерживать за ее пределами, если на то имеется выраженное волеизъявление или стремление добиваться таких норм. Это прежде всего форма территориальной автономии для культурно отличительных и компактно проживающих групп населения. В ряде государств ближнего зарубежья российские соотечественники уже имеют такую форму или могут сформулировать требования территориальной автономии в будущем. Россия должна поддерживать автономию осетин в Грузии, как ее имеют осетины в России, автономию в Крыму, а в случае требований местного населения — автономию районов преимущественного проживания русских на Украине, в Казахстане и Эстонии. Федерализация этих государств отвечает принципам демократии и возможна, если в них не будут найдены другие формы политики культурного плюрализма и равноправия через справедливое распределение власти и ресурсов на общегосударственном уровне.

Более сложным является вопрос о предоставлении в самой России каких-либо преференций гражданам соседних государств на основе этнической принадлежности. Такую практику имеют единичные государства (Израиль, Германия), и она подвергается справедливой критике. Предоставление российского гражданства жителям других государств по причине их категоризации как "соотечественников" (а это не только этнические русские, но и адыги, осетины, татары и многие другие) является сомнительной политической мерой, даже если эти граждане желают иметь второе гражданство, предоставляющее определенные преимущества. Эта мера справедливо может рассматриваться соседними государствами как угроза их суверенитету и стабильности, а само это население может рассматриваться как своего рода "пятая колонна" и недостаточно лояльная часть населения, что может отрицательно сказаться на его положении. Предоставление российского гражданства оправдано в двух случаях (в дополнение к существующей норме закона о предоставлении гражданства): когда соотечественники лишены возможности иметь гражданство страны проживания, и тогда Россия как правопреемник СССР должна предоставлять свое гражданство жителям бывшего СССР; в случае вынужденной эмиграции.

Проблема вынужденной эмиграции русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья в Россию имеет особую актуальность и является наиболее политизированной. Факты физического насилия и прямой дискриминации русских и других сооте-

чественников действительно имеют место в ряде государств, особенно Центральной Азии и Казахстана, Прибалтики и Закавказья. Россия вправе осуществлять постоянный мониторинг данной проблемы через свои дипломатические представительства и через другие каналы и использовать любые признаваемые международным правом меры воздействия по недопущению подобной ситуации. Политические и экономические санкции являются правомерными, если они достигают своей цели и не ухудшают положение соотечественников за рубежом.

В то же время из 2,5 млн недавних переселенцев в Россию из стран ближнего зарубежья значительную часть составляют экономические мигранты, пожелавшие переехать в Россию в целях улучшения или предотвращения ухудшения условий своего социального существования. Это желание является правомерным, и число таких мигрантов может возрасти в случае улучшения положения в России и сохранения кризисной ситуации в других странах. Среди этой категории переселенцев будет возрастать число и тех, кто не относится к категории соотечественников, особенно из стран Центральной Азии и Закавказья. Осуществляющие жизненно важную акцию переезда обычно склонны драматизировать ситуацию в местах исхода и добиваться преференций как "соотечественники".

Перед российской политикой рано или поздно встанет вопрос о введении более определенных правил иммиграции из стран ближнего зарубежья, чем упрощенный принцип — "все соотечественники (и только соотечественники) имеют право на возвращение". Нет оснований предоставлять больше прав на свободный переезд в Россию черкесу из Турции, чем абхазу из Грузии, татарину из Узбекистана, чем украинцу из Узбекистана, русскому из Белоруссии, чем белорусу из Белоруссии, если для этого нет других оснований, чем принцип этнической принадлежности, который во многих случаях установить достаточно сложно. Не принцип кровного происхождения, а общие правила и критерии должны регулировать переезд в Россию, и среди этих принципов должен быть принцип культурной близости и родственных связей. Таджики, свободно говорящий по-русски и проживший часть жизни в России, имеет не меньше прав на переезд в Россию, чем родившийся в Душанбе и никогда не живший в России этнический русский.

Все эти сложные проблемы политики в отношении российских соотечественников требуют гораздо более глубокой и перспективной проработки, чем поверхностные и нереализуемые принципы, заложенные в принятой Государственной думой Декларации в поддержку соотечественников за рубежом и в подготовленном законопроекте о поддержке соотечественников и репатриации.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ: КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИКА*

Проблема российской диаспоры относится к числу важнейших внешнеполитических и внутренних проблем страны. Помимо уже принятых законодательных и нормативных актов (указы президента и постановления правительства), а также разнообразной деятельности различных органов законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней сохраняется потребность в создании концептуальной и правовой базы государственной политики в отношении зарубежных соотечественников. В этом направлении последние два года в федеральных органах власти шли два параллельных процесса: Государственная дума разрабатывала закон о соотечественниках за рубежом, Правительственная комиссия по делам соотечественников готовила концепцию государственной политики. Имелось определенное взаимодействие представителей исполнительной и законодательной власти в этой работе, и даже было понимание, что необходимо сначала принять концепцию как ориентирующий документ, а затем закон как уже более строгий и обязательный правовой акт.

Возглавляемая мною рабочая группа Правительственной комиссии по подготовке концепции завершила свою работу еще в 1998 г. Документ прошел экспертизу во всех федеральных министерствах и ведомствах, в субъектах РФ, исследовательских институтах. По нему были высказаны замечания соответствующего комитета Госдумы. Концепция была одобрена на заседании Правительственной комиссии и подготовлена для рассмотрения правительством, чтобы представить ее на утверждение президентом. Однако после ухода правительства В.С. Черномырдина смена кураторов комиссии на уровне вице-премьеров затянула окончательное утверждение этого важного документа. Государственная дума приняла 5 марта 1999 г. Закон "О государственной политике Российской Федерации в

* Текст написан в июне 1999 г., но не был опубликован.

отношении соотечественников за рубежом", который был отклонен президентом.

Уязвимость принятого закона как раз заключается в слабой проработке концептуальной стороны проблемы и по этой причине в неточном определении самого субъекта данного правового акта. Взяв за основу определения кто есть "соотечественник" кровный принцип происхождения по нисходящей родственной линии, закон фактически позволяет пользоваться им доброй четверти населения США и не менее трети населения Израиля. В то же время им не могут воспользоваться многие бывшие граждане СССР, хотя их культурная и другая связь с Россией может быть неизмеримо больше. Я не думаю, что потомки бывшего израильского премьера Голды Меир могут в большей мере считаться "соотечественниками", чем, скажем, бывший руководитель Союза кинематографистов СССР Довлат Худоназаров и тысячи ему подобных. Некоторые экономические, образовательные и другие преференции для соотечественников, предусмотренные этим законом, накладывают непомерные обязательства на Россию, в том числе и финансовые. Канадские, американские и израильские граждане, чьи предки в свое время уехали из царской России или из СССР, вполне могут сами платить за свое образование и обучение русскому языку, если они этого желают, а в своей предпринимательской деятельности на территории России обходиться и без особых льгот. Этих и других недочетов, а также излишней политизированности проблемы соотечественников, вероятно, можно было бы избежать при принятии закона, если бы концептуальный документ был принят раньше. К сожалению, вместо этого появляется некорректная критика документа даже со стороны тех, кто сам его разрабатывал в составе рабочей группы ("Российская газета". 1999. 15 мая). Поскольку сам документ не публиковался в печати, видимо, необходимо изложить его основные положения.

Оценка ситуации и перспектив ее развития

Концепция определяет основы государственной политики в отношении зарубежных российских соотечественников, под которыми понимаются проживающие вне пределов Российской Федерации лица, связанные с Россией историческими, этнокультурными и духовными связями и стремящиеся сохранить их независимо от гражданства и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, социального и имущественного положения. К ним относятся представители русского и других народов РФ, проживающие в странах СНГ и Балтии (нового зарубежья), а также жители дальнего (традиционного) зару-

бежъя, т.е. государств за пределами бывшего СССР, включая проживающих в них граждан Российской Федерации. Таким образом, главное в определении категории "зарубежный соотечественник" (более широкое и точное понятие, чем "соотечественник за рубежом", которое охватывает только российских граждан) — это духовная связь с Россией и наличие стремления сохранять эту связь. Иначе в мире найдутся десятки миллионов людей, которые не знают ни одного слова по-русски или по-татарски и часть которых может воспользоваться статусом соотечественника, чтобы сделать "легкие деньги" в России и не более.

Сколько таких людей, ощущающих и демонстрирующих свою связь с Россией, сказать довольно сложно, ибо большинство представителей дореволюционной и даже послереволюционной эмиграции уже давно ассимилировалось в странах своего проживания и другой родины не знает. Однако никто не гарантирует, что в будущем кто-то из этой категории людей может активизировать свое российское происхождение, особенно если появятся новые притягательные мотивы в отношении более привлекательной России. Такие чувства могут появляться и в третьем, и в четвертом поколениях эмиграции, что представляется вполне нормальным и даже полезным для России. Чем больше у страны состоятельно живущих и позитивно к ней относящихся представителей диаспоры, тем лучше. Однако следует помнить, что в современном мире диаспора может играть и негативную роль, что продемонстрировали зарубежные чеченцы в отношении России или зарубежные албанские косовары в отношении Югославии. Поскольку диаспора или зарубежные соотечественники — это прежде всего состояние самосознания, а значит, это подвижное явление, то проводить по всему миру "паспортизацию" через выдачу "удостоверений соотечественника" не следует, и это невозможно осуществить технически.

Что достаточно ясно, так это то, что после распада СССР в новых государствах оказалось около трех десятков миллионов человек, главным образом этнических русских или связанных с русской и другими культурами российских народов, которые имеют и заявляют о своей органической связи с Россией как с родиной. Как отмечается в концепции, именно проблемы, связанные с положением соотечественников в государствах нового зарубежья, вызывают наибольшую озабоченность Российской Федерации. Основными причинами общественной озабоченности и выступления России за развитие связей и поддержку этой категории жителей зарубежных стран стали следующие:

— дискриминация по этническому признаку вплоть до отказа в гражданстве, попытки насильственной ассимиляции или

миграционного выталкивания, скрыто или явно утвердившиеся в ряде стран;

- нестабильность экономической и социально-политической обстановки в ряде новых государств, внутренние и межгосударственные конфликты, угроза личной безопасности и межэтническая напряженность;

- неодинаковый уровень социально-экономического развития новых независимых государств, предопределяющий выбор многих бывших советских граждан в пользу переезда в Россию как в более благоприятное место проживания;

- наличие в России значительной части граждан, которые имели и сохраняют личные связи с бывшими союзными республиками, а также тех, кто уже был вынужден переехать в Россию, неся с собой недовольство и соответствующую политическую активность.

Последний момент может показаться неожиданным в перечне причин проблемы соотечественников, но нельзя отрицать, что отчасти эта проблема и внутрироссийская, особенно в аспекте политических драматизаций. Если депутат Госдумы Ю.П. Кузнецов заявляет, что "пока мой народ разделен, я не перестану бороться", а К.Ф. Затулину невозможно принять родную Одессу как "заграницу", то это тоже часть проблемы соотечественников в ее сложном внутрироссийском мироощущении. Этот аспект проблемы нельзя не видеть и не учитывать, ибо он реально присутствует в нашей жизни и может сохраняться долго. Однако ответственная государственная политика и научная экспертиза не могут строиться только на основе настроений и интересов этой части россиян.

Современное положение зарубежных соотечественников характеризуется следующим:

- несмотря на то что почти во всех новых государствах основные гражданские и политические права закреплены в национальных законодательствах и распространяются на всех их жителей, наблюдается снижение гражданского и социального статуса этой части населения по сравнению с представителями титульных этнических групп;

- хотя большинство соотечественников принимают свой статус граждан новых государств и включены в экономическую и общественно-политическую жизнь стран проживания, имеет место сужение их политического представительства и участия в государственном управлении вследствие прямой или косвенной дискриминации, которая осуществляется посредством провозглашения официального одноязычия, ценза оседлости, непредоставления гражданства и ограничения общественно-политической и даже культурной деятельности;

- в некоторых новых государствах ухудшается их эконо-

мическое положение по сравнению с другими группами населения в связи с характером социально-экономической политики, а также этнически избирательной политики занятости, приватизации и доступа к ресурсам; в особо сложном положении находятся пенсионеры, ветераны и другие наименее социально защищенные группы;

– сохраняется негативное влияние таких факторов, как затруднение или разрыв семейно-родственных и производственных связей с Россией, разрушение структуры занятости;

– в ряде государств, несмотря на наличие законов и принимаемые меры по обеспечению культурных запросов национальных меньшинств, сокращается сфера применения родного языка соотечественников, уменьшаются возможности удовлетворения их образовательных, культурных и информационных потребностей;

– ухудшился морально-психологический климат, не пресекается бытовой национализм, увеличивается этнокультурная дистанция с представителями титульных народов, что вызывает у российских соотечественников стремление приобрести гражданство РФ и, следовательно, право на защиту России в соответствии с нормами международного права.

В то же время следует сказать, что процесс адаптации соотечественников к новым условиям не прекращается. В последние годы снизилась эмиграция этой категории населения в Россию, повысилась ее общественно-политическая самоорганизация. Именно недостаток последней, а не только слабая политика России начала 1990-х годов позволили в свое время низвести эту часть населения до категории меньшинств и даже лишить ее гражданства, хотя русские и другие "нетитульные" жители являются такими же равноправными создателями новых государств, ибо участвовали в референдумах и даже выступали за независимость. В таких странах, как Украина, Казахстан и Латвия, само население оправданно не считает русских меньшинствами, как бы пропаганда и политика ни старались навязать данный статус. Правильнее было бы считать эти страны равнообщинными государствами, но это, видимо, уже вопрос прошлого или будущего.

Жизненные перспективы зарубежных российских соотечественников в постсоветских государствах зависят от ряда факторов. Основными из них являются успешное развитие этих стран, а также России по пути экономического подъема, утверждения демократии, обеспечения внутренней, региональной и международной стабильности. Важнейшим фактором является налаживание и укрепление дружественных отношений России с этими государствами и в рамках этих отношений осуществление программ поддержки соотечественников и

при необходимости защиты их прав. В этом случае наиболее вероятным вариантом развития ситуации будет сокращение миграции соотечественников в Россию, их интеграция в гражданские сообщества новых государств, активное и плодотворное участие в разнообразных связях с Россией. Сохранение многочисленной и гуманитарно связанной с ней диаспоры отвечает национальным интересам нашей страны.

Цели и принципы государственной политики

Вокруг данной темы существует много внутренних дебатов и внешних спекуляций. В подготовленной концепции целью государственной политики провозглашается содействие реализации прав зарубежных российских соотечественников на полноправное социально-политическое, экономическое и культурное развитие в странах проживания и обеспечение духовных и других связей с Россией. Что в этой емкой, сильной и открытой формулировке может показаться неприемлемым и кому? Она, безусловно, отвечает интересам России, ее соотечественников и государств их проживания.

Следующее принципиальное положение заключается том, что Россия в формировании государственной политики в отношении зарубежных соотечественников, и прежде всего проживающих в новых государствах, исходит из положения, что главную ответственность за гарантии индивидуальных и коллективных прав и за обеспечение достойных условий социального существования всех жителей бывших союзных республик несут образовавшиеся на их территориях государства. Поэтому Россия будет настаивать на предоставлении их властями основных прав и свобод в соответствии с их международными обязательствами, включая право на гражданство.

Хотя российская политика направлена на интеграцию (что, конечно, не равнозначно ассимиляции) и сдерживание массовой эмиграции соотечественников, Россия, в случае возникновения в странах их проживания конфликтных ситуаций, угрожающих жизни, здоровью, благополучию, готова обеспечить прием соотечественников в соответствии с международными обязательствами и внутренними законами. Последний случай с приемом косовских адыгов доказал это положение на деле. Россия будет принимать и тех, кто не смог адаптироваться к новым политическим и социальным реалиям в государствах проживания.

В политике содействия интеграции основное внимание обращается на поддержку самоорганизации соотечественников, что позволит им законными и мирными средствами обеспечи-

вать свои права, доступ к власти и материальным ресурсам, а также создать условия для сохранения и развития собственной культуры наряду с освоением культуры титульного народа.

В ряде государств нормы национального законодательства, регулирующие защиту прав меньшинств, являются недостаточными и не могут удовлетворить в полной мере запросы соотечественников. В этой связи в странах, где русское население имеет большую численность и является старожильческим (более одного поколения), Россия считает допустимым поддерживать постановку вопроса о введении официального двуязычия, защищая тем самым права не только соотечественников, но и представителей всех национальностей этих государств, для которых русский язык является родным или языком повседневного общения.

Выступая в защиту принципа культурного многообразия, Россия поддерживает развитие русского языка и культуры, как и любого другого языка и культуры представителей российских народов за рубежом. Она будет побуждать определенные государства признать ответственность и осуществлять политику поддержки русского языка и культуры, а также содействовать сохранению и развитию за рубежом тех культур, носители которых проживают преимущественно в ее пределах.

Россия с пониманием относится к требованиям культурной, а также территориальной автономии для компактно проживающих групп российских соотечественников, если эти требования основываются на законно выраженном общественном мнении и не нарушают территориальную целостность того или иного государства.

Направления государственной политики

В концепции достаточно подробно определены основные направления политики в отношении соотечественников и механизмы их реализации. Назову только сами эти направления:

- установление взаимных мер доверия и контроля за соблюдением индивидуальных и коллективных прав и основных свобод человека;
- финансовая и экономическая поддержка соотечественников в странах нового зарубежья;
- функционирование культурного, образовательного, научного и информационного пространства;
- обеспечение прав на свободу передвижений, переселения в Россию на добровольной основе или в силу чрезвычайных обстоятельств;
- обеспечение механизмов защиты и поддержки беженцев и вынужденных переселенцев;

- поддержка общественных организаций (ассоциаций) и объединений российских соотечественников;
- поддержка социально незащищенных слоев среди зарубежных соотечественников.

Концепция определяет также приоритетные направления государственной политики в отношении соотечественников, проживающих в странах за пределами бывшего СССР. Здесь имеется своя специфика, но главное – это поддержка гуманитарных контактов, экономических, культурных и информационных связей, содействие сохранению и развитию русского языка и российской культуры, поддержка молодежных групп и культурных ассоциаций.

Что касается форм и механизмов реализации государственной политики, то концепция определяет компетенции и обязанности федеральных органов власти, в том числе конкретных министерств и ведомств, а также предметы ведения субъектов РФ в области отношений с соотечественниками. Предусматривается подготовка ежегодного национального доклада о положении соотечественников в зарубежных странах, развитие нормативно-правовой базы и научных исследований в данной области и многое другое. Особо отмечается, что РФ проводит свою политику в отношении соотечественников во взаимодействии с органами государственной власти стран их проживания, а также способствует установлению связей между хозяйственными субъектами и общественными организациями, деятельность которых способствует реализации целей государственной политики.

Координацией всей деятельности занимается Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Однако мои наблюдения за имеющимися место межведомственным соперничеством и правительственной нестабильностью наводят на мысль о целесообразности общей координации данной политики под эгидой президента страны.

Итак, концепция государственной политики в отношении зарубежных соотечественников в стране имеется. Она сделана на высоком научном уровне, реалистична и перспективна, носит открытый и ответственный характер. Можно волокитить этот вопрос еще долго, мелочно споря скорее из-за претензий на авторство или политических пристрастий. Но лучше и полезнее принять документ, который уже прошел должную апробацию среди тех, кому эту политику претворять в жизнь.

ПРОЩАНИЕ С ПЯТЫМ ПУНКТОМ*

Если бы меня спросили, какое самое значительное событие произошло в России за последние годы в сфере национальной политики, то я бы назвал начало выдачи новых гражданских паспортов. Наше государство наконец-то отменило введенную в 1934 г. практику официальной фиксации этнической принадлежности своих жителей в документе, который призван удостоверить гражданство. Эта практика была нелепой и достаточно злостной по замыслу и исполнению. Выражение "пятый пункт" вошло в советский фольклор как символ дискриминации граждан по этническому признаку. Именно эта паспортная запись, а не внешность или звучание фамилии, служила основным признаком селекции граждан для осуществления наиболее преступных нарушений их прав прежде всего со стороны самого государства. Репрессии, депортации, "поражения в правах", отказ в выборе места проживания и в получении работы, сдерживание продвижений по службе, зачисление в категорию "невъездных" и многие другие печальные явления прошлой жизни творились почти при обязательном заглядывании чиновника в данный пункт паспорта или кадровой анкеты.

Не вдаваясь в историю введения такой практики, можно только определенно сказать, что сделано это было не в интересах граждан и не ради сохранения и развития проживающих в стране народов. Это было сделано прежде всего в целях тоталитарного контроля, как и введенная несколько позднее отметка о жилищной прописке все в том же паспорте. Паспортная запись национальности граждан обязательно по одному из родителей и без права ее последующего изменения противоречит самой природе этнической принадлежности человека. Чувство принадлежности к тому или иному народу и его культуре лишь косвенно связано с кровным происхождением, внешним обликом и местом рождения. Это только обывателю кажется,

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Независимая газета. 1997. 22 окт.

что национальность дана человеку от рождения и является его основным атрибутом, как от рождения человеку даются нос, глаза и уши. На самом деле человек становится татариним, чеченцем, якутом, русским в процессе воспитания, начиная с материнского языка и близкой среды обитания (родственники, друзья, школа). Чувство принадлежности к тому или иному народу, или этническое самосознание, развивается, ослабевает или усиливается на протяжении всей жизни под влиянием социального опыта, который включает как внутренние установки и личный интерес, так и внешние воздействия.

Советское понимание национальности было основано не только на кровном принципе, но и на убеждении, что у каждого человека должна быть национальность и притом только одна-единственная. На самом же деле в зависимости от состава семьи, жизненной среды и собственной деятельности человек может знать и понимать не только одну культуру и один язык, а два или несколько и чувствовать свою принадлежность к двум или нескольким этническим общностям или вообще благополучно существовать только с чувством гражданской принадлежности.

В России с ее высокой долей смешанных браков и с вековыми контактами разных народов и культур, людей с двойной, тройной или даже множественной этнической идентичностью — десятки миллионов. Такая же ситуация и в других крупных государствах с многоэтничным составом населения, если там не господствуют жесткие разграничения по цвету кожи или по религии.

Получая прошлые паспорта, граждане нашей страны записывали себе национальность как обязательное требование государства (часто за них это делали родители или работники милиции), но в действительности их культурная жизнь, язык общения, гражданская деятельность были гораздо более многообразными и сложными. Знание культуры и любовь к своему народу меньше всего зависели от записи в паспорте, а уж повседневные заботы и жизненные устремления — тем более. Современная наука доказала, что для человека существуют более сильные и важные связи и чувства групповой принадлежности, чем чувство принадлежности к этнической общности, если последнее не имеет каких-либо решающих преимуществ. В повседневной жизни связи человека по кругу родственников и друзей, по профессиональной деятельности, по месту жительства, по полу и возрасту и, наконец, по гражданской принадлежности к той или иной стране гораздо важнее и значимее, чем связи по национальной принадлежности. Конечно, каждый человек чувствует себя комфортнее, если все его друзья, сослуживцы и даже вся страна говорили бы на его родном языке и следовали привычным для него традициям и обычаям. Но

таких ситуаций в мире просто не бывает, не может быть ее и в России. В нашей стране человеку важнее, чтобы его воспринимали как равноправного гражданина, а не "лицо определенной национальности". С последним гражданин разберется сам без подсказки государства и без назойливого вопроса милиционера в метро или учрежденческого кадровика — "а кто ты по национальности?" (в некоторых странах за такой вопрос можно даже призвать к юридической ответственности).

Россияне умеют жить в многоэтничной среде и работать в многоэтничных коллективах, а также ценить людей по их человеческим и профессиональным достоинствам. Не страдают они и так называемым национальным нигилизмом. Крупные и компактно проживающие нерусские народы имеют высокую форму внутреннего государственного самоопределения в виде республик или автономных округов. Активно развиваются формы внетерриториальной национально-культурной автономии. Фактически все население страны, независимо от этнической принадлежности, знает и разделяет общероссийские культурные нормы и ценности, основанные на русском языке и обогащенные культурами многих народов страны.

Главная задача государства, созданного россиянами, своими налогами содержащими власть, — это обеспечивать социальное благополучие, внутригражданский и внешний мир, равные возможности и права своих подданных. Для выполнения этой миссии каждое государство вводит систему фиксации гражданской принадлежности через основной документ — паспорт гражданина. Подчеркиваю — гражданина, а не члена той или иной национальности! Делается это не только для утилитарных целей осуществления управления, исполнения законов и отправления гражданских прав, а также для отличия граждан с их особыми правами и обязанностями от иностранцев.

Через систему паспортов российское государство содействует развитию крайне важного чувства общегражданской общности и принадлежности к стране, ибо без такого общеразделяемого чувства нет и самого государства, как бы прочно оно ни охраняло свои границы. Жесткое разделение граждан на категории по национальному признаку и тем более фиксация его в паспортах ведет к ослаблению общегражданской идентичности и лояльности и создает условия для возможной дискриминации и внутригражданских коллизий. Ни для каких других целей запись национальной принадлежности использована быть не может, ибо конституция страны и ее законы провозглашают равенство граждан независимо от национальности и других различий.

Означает ли это, что государство уходит от своей ответственности за сохранение культурного многообразия населения

России и соблюдение ряда особых, так называемых коллективных прав народов? Означает ли это, что государство ликвидацией "пятого пункта" в паспортах собирается "отменить национальности"? Конечно и однозначно, нет!

Государству необязательно и не нужно знать национальную принадлежность каждого отдельного гражданина; но этнический состав населения, численность проживающих в стране народов, их социальные и культурные запросы государство должно не только знать, но и учитывать в управлении. Для этого существуют специальные процедуры, прежде всего регулярные переписи населения, в ходе которых фиксируются численность и география расселения представителей разных народов, языковые потребности и социально-экономические параметры жителей разных регионов и отдельных населенных пунктов. На основе именно этих данных решаются такие важнейшие вопросы государственного управления и национальной политики, как государственно-административный статус отдельных регионов и их границы, представительство в органах власти, политика в сфере образования и культуры, информационное обеспечение и т.д. Именно эти данные дают основания для осуществления мер социально-экономической поддержки и культурно-языковых программ, если условия жизни отдельных этнических групп или состояние их культур и языков требуют особых преференций и государственного вмешательства.

Отсутствие записи национальной принадлежности в новых российских паспортах создает скорее проблемы психологического и бюрократического характера, к которым следует относиться спокойно и которые несложно разрешить. Многие граждане привыкли за шестьдесят лет указывать свою национальность даже в библиотечных формулярах, и запись в паспорте представляется им своего рода гарантией, что никто их не может лишит национальной принадлежности. В свою очередь, многим чиновникам кажется, что без записи в паспорте нет других оснований проверить или установить национальную принадлежность гражданина, если последний этого требует (обратной ситуации по закону быть не должно!). Эти проблемы можно решать разными, апробированными в мире путями. Если гражданин желает объявить свою национальность, он может сделать соответствующее заявление в той ситуации, где это ему необходимо: в суде, в школьной администрации, в органах власти, в ОВИРе и т.д. Именно это заявление в любой форме и должно быть достаточным основанием для чиновника и администратора, чтобы исполнить необходимые действия, касающиеся этнокультурных запросов и прав как отдельного гражданина, так и группы граждан.

Вне взаимоотношений с властью граждане вольны объявлять о своей национальности в любой общественно приемлемой форме. В Канаде я видел автомобили, на номерах которых водители написали "Я — квебекец". В испанской провинции Каталония продаются майки и кепки с надписью "Я — каталонец". Но существуют и более значительные формы частной и коллективной демонстрации национальной принадлежности, в том числе и в России: имена и фамилии, язык, элементы одежды и жилища, празднества и обряды, символика. Нам это кажется настолько привычным и обычным, что мы даже и не замечаем подобных изъятий своей национальной принадлежности, тогда как во многих государствах мира они не поощряются и даже преследуются. В российских этнотерриториальных автономиях национальная принадлежность граждан мощно демонстрируется через институты республиканской государственности. Представители самого многочисленного народа страны — русские — объявляют о своей национальной принадлежности повсеместно и ежечасно через тысячи механизмов, в том числе и через институты общероссийской государственности, в которых доминируют их язык и определяющий пласт культуры.

Существуют и специфические формы объявления и регистрации этнической принадлежности граждан. Во многих странах общины коренных малочисленных народов с особыми запросами и правами, а также национально-культурные объединения и ассоциации устанавливают собственные реестры и регистрируют свой состав (или даже принимают в членство!). На Гавайях я присутствовал на заседании местной аборигенной общины, когда в нее принимали одну "белую" американку — учительницу гавайского языка, потому что "она живет по-гавайски", как объяснил лидер общины.

Уверен, что нет в России проблемы с правом указывать или не указывать национальную принадлежность, а тем более сохранять и развивать свою этническую отличительность. В стране для этого делается много и даже больше, чем это предусматривают международно-правовые нормы. В России есть проблема общегражданской лояльности и преодоления провоцирующего конфликта официального и жесткого разделения граждан по этнической номенклатуре. Государство вправе позаботиться о решении этой проблемы. Скромный, но важный шаг в этом направлении наконец-то сделан.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПАСПОРТ*

Запоздалая, но крайне нужная акция выдачи новых российских паспортов стала предметом политических спекуляций радикал-националистов и шовинистов из-за отсутствия в них пункта "национальность" под видом якобы заботы о "своем" народе. Политики и активисты в некоторых российских республиках пытаются представить мнение о сохранении "пятого пункта" как позицию нерусских жителей страны, забывая, что из 28 млн таковых в "своих" республиках живет меньше половины. В данном вопросе интересы и позиция, например, московских татар, которых не меньше, чем в Казани, должны учитываться в равной мере, несмотря на то что они отличаются от интересов и позиций тех, кто сжигал макет российского паспорта в столице Татарстана. Но самое главное — в условиях свободного выбора и демократии государство уже не только не имеет права, но и не сможет сохранить данную графу. Попытаюсь объяснить почему.

Когда российские граждане заполняют визовые анкеты в посольствах зарубежных стран, они в графу "национальность" ставят слово "Россия". Во всем мире понятие национальности равнозначно гражданству, хотя, конечно, во всех странах, за редким исключением, живут люди, говорящие на разных языках, имеющие различные культурные традиции и исповедующие разные религии. В государствах Азии и Африки, в странах Европы и Америки проживает около 2 — 3 тыс. народов, представители которых имеют паспорта своих государств с указанием гражданства. В Европейской конвенции по гражданству сказано, что "гражданство означает правовую связь между отдельным лицом и государством и не указывает на этническое происхождение этого лица".

В России под словом "национальность" понимаются этнические общности, или народы. Осознание человеком принад-

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Известия. 1997. 4 нояб. (№ 210). С. 5.

лежности к одному или нескольким народам и культурам носит личный и меняющийся характер. Важнее для человека — это самоопределение по принадлежности к государству, которое несет обязательства перед гражданами, а граждане, кроме прав, имеют обязанности перед государством. Эти отношения оформляются законами и другими нормами в отличие от отношений между отдельным человеком и тем народом, к которому он себя причисляет. Ведь русские или татары, например, живут как в России, так и во многих других странах мира.

Гражданство, как правовая связь между лицом и государством, удостоверяется основным документом — паспортом, в который заносятся имя, отчество и фамилия, время и место рождения. Дополнительно в паспорт вносятся сведения о регистрации гражданского брака и о наличии детей. Перестав записывать в паспорт национальность, государство не снимает с себя заботу о поддержке культуры народов страны и о правах граждан, которые связаны с их национальной принадлежностью. Сами российские национальности никто не собирает и не может отменить. Они были в веках и до того, как была придумана эта графа. Народы и этническая идентификация существуют не потому, что есть соответствующая запись в документе.

Новый образец российского паспорта не будет иметь отметку о национальной принадлежности граждан, которая существовала в советских паспортах с 1934 г. Часть граждан страны это изменение воспринимает не совсем правильно, а некоторые политики пытаются использовать ситуацию для разжигания националистических настроений и обвиняют власти в намерении "отменить национальности".

Сведения о национальном составе населения страны и о родном языке граждан собираются в ходе переписей населения. На их основе определяются государственная политика и деятельность органов власти и местного самоуправления, особенно в области образования, культуры, информации. Эти же данные могут учитываться при формировании органов власти и управления, в некоторых избирательных процедурах, но в соответствии с Конституцией страны какие-либо преимущества или ущемление граждан в зависимости от их национальности не допускаются.

Этнический фактор учитывается, чтобы защитить представительство и интересы меньшинств, поддерживать их культуру. Во всех других случаях (наем на работу, приобретение собственности, определение места жительства, отношения с правоохранительными органами и судом и т.д.) национальная принадлежность не имеет никакого значения, а работодателям и чиновникам должно быть запрещено даже задавать гражданам этот вопрос.

Почему сегодня некоторые политики высказываются за сохранение пункта "национальность" в российском паспорте? Если исключить больных вирусом этнического национализма, то здесь, скорее, действует не столько привычка носить отметку в паспорте, сколько современный политический расчет. Национализм от имени как русского, так и нерусских народов разыгрался в России до неприемлемых форм, включая неофашизм и вооруженный сепаратизм. Бесстыдствует на бытовом уровне. Многие политики, избираясь в органы власти, не стесняются использовать этнический фактор. Не секрет, что и некоторые престижные назначения делаются в зависимости от национальности. Отсюда рождаются надежды и требования: если я русский, или татарин, или еще какой-то национальности, то у меня должно быть право первого на что-либо.

Политики и идеологи национализма, чтобы получить должность или признание при нехватке способностей, но при "выигрышной" записи в паспорте, нещадно манипулируют людьми, для которых гораздо значимее не мифическое "национальное возрождение", а собственные здоровье, безопасность и благополучие, которые могут быть обеспечены только в государстве и при помощи государства. Заметим, что от имени "наций" пока еще ни одной пенсии выплачено не было, образование никто не получил и болезни свои не вылечил. Делается это государством за счет налогов граждан и в результате общих трудовых усилий всего населения. Отсутствие записи национальности в паспортах уменьшит возможности манипулировать чувствами граждан и создавать между ними неоправданные коллизии. Рядовые граждане страны умеют жить мирно и уважать национальность других или вообще не обращать на нее внимания, если их не провоцируют так называемые этнические предприниматели из числа политиков и интеллигенции, чтобы получить весомый довесок в виде голосов и признания.

Большинство россиян не знает, что в советские времена действовал официальный "Список народов СССР", который составлялся Институтом этнографии имени Миклухо-Маклая (старое название нашего института) вместе с ЦСУ. Этот список использовался при подведении итогов всеобщей переписи населения, и на его основе записывалась национальность в паспорте. Сейчас такой список возглавляемый мною академический институт составлять не намерен, ибо сам его факт содержал элемент принуждения.

Если записывать в паспорт национальную принадлежность по желанию отдельного человека, а затем менять ее на другую по его же желанию, то нас ожидают большие проблемы и неожиданности. По моему мнению, в нынешней ситуации свободного выбора и выросшего интереса к культурным корням

возможно появление новых 50–60 российских национальностей, особенно если будет принят Закон о коренных малочисленных народах, который предусматривает некоторые льготы представителям малых культур. Из крупных народов выделятся более мелкие. Историко-культурных и языковых различий для этого, а также агитаторов найдется достаточно. У меня есть досье, которое я назвал “ходатайства этносов”. В нем содержатся обращения инициаторов возрождения чуди, булгар, скифов, великороссов и т.д.

Желающие на выделение находятся обычно в больших группах, но не обязательно. Многие татары назовут себя в паспортах булгарами, мишарями, кряшенами, калмаками, нагайбаками. В Челябинской области несколько тысяч нагайбаков (православных татар), и многие в прошлом были против, чтобы их записывали татарами. Перейдет в ногайцев часть астраханских татар, к которым они культурно ближе. Появится около десятка новых национальностей из числа сибирских татар, которые отличаются от казанских.

Нескольких миллионов могут недосчитаться русские. Часть запишется казаками, великороссами, колымчанами, поморами, а потомки смешанных браков будут определяться в зависимости от частного интереса. В Мордовии исчезнет мордва и появятся две национальности — эрзя и мокша. Это, собственно, уже произошло в ходе промежуточной переписи населения 1994 г. Но перепись не так жестко связана с государственностью, как паспорт.

Но больше всего может “пострадать” родная для главного радетеля вечности и святости наций Р.Г. Абдулатипова аварская нация, а также даргинцы. Из последних наверняка выделятся кубачинцы и кайтакцы, которые имеют свои собственные языки и записались даргинцами, когда первым секретарем КПСС в Дагестане стал даргинец. Из числа аварцев может выделиться более десяти народов, но наверняка андийцы, арчинцы, бештинцы. Подобный перечень я могу продолжать долго.

Не менее важно и то, что первая запись национальности в паспорте делается в 14–16 лет. Человек в таком возрасте еще точно не знает, с какой национальностью себя связать: отца, матери или тех, среди которых он вырос и повседневно общается. Неизбежны многократные изменения в паспорте, а также справедливые требования записывать двойную или тройную национальность. И вообще в это частное дело человека неприлично лезть политикам и чиновникам.

В связи с выдачей новых паспортов есть проблема, на которую обратил внимание президент Татарстана М. Шаймиев, — исполнение текста паспорта только на одном русском языке. В стране имеется небольшое число граждан, которые с трудом

владеют русским языком. В некоторых языках написание имени и фамилии отличается своеобразием. В традиции некоторых народов отсутствует отчество. Для решения этой проблемы возможно использовать практику, которая существовала в бывших союзных республиках СССР, т.е. дублирование основных сведений и названия документа на официальном языке республики, если таковой имеется. Там, где официальный язык или языки не установлены конституциями республик, этот вопрос может решить их высший законодательный орган, но отнюдь не механически. В ряде республик (Карелия, Коми, Северная Осетия, Удмуртия, Чувашия и другие) русский язык является основным и даже единственным для населения. В некоторых республиках имеется более двух основных языков проживающих там народов и русский служит языком общения, которым фактически владеют все. Отступать от единого общероссийского образца здесь мало смысла.

Двухязычный паспорт, например в Татарстане, может быть реализован через отдельный вкладыш или через печатание местного варианта, как это было в союзных республиках СССР. Только нужно помнить, что три четверти российских татар двухязычный паспорт все равно не получит, и вопрос удовлетворения озабоченности за татарский язык или даже за весь татарский народ здесь не является главным. Если речь идет об обозначении государственности республики через двухязычную форму паспорта или дополнительную символику, это заслуживает внимания. Одно абсолютно ясно: графы "национальность" в российском паспорте быть не должно, иначе Россия будет еще полвека заниматься своим государственностроительством, причем с неясным исходом.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРОПИСКИ*

Институт прописки достался российскому обществу в наследство от советской системы и достаточно устойчиво сохраняется в нем, несмотря на все попытки (включая конституционно-правовые процедуры) демонтировать разрешительную систему регистрации граждан и неграждан по месту своего жительства. Проблема прописки касается практически всех жителей страны, а не только одних вынужденных мигрантов. В равной мере проблемы последних далеко не ограничиваются проблемами прописки. Однако именно в случае с пропиской мигрантов мы имеем наиболее сложное и болезненное переплетение двух трудноразрешимых проблем общественной жизни — ограничение права на свободный выбор места жительства и проживание в пределах Российской Федерации, ограничение свободы передвижения. И поэтому задача специалистов состоит в том, чтобы объяснить ситуацию и предложить меры по устранению наиболее серьезных нарушений прав человека.

Уже имеется достаточно фактического материала о том, как и где действует система разрешительной прописки и какие в данном случае законы и международные правовые нормы нарушаются, особенно применительно к вынужденным мигрантам. Но почему эта система продолжает действовать, какие силы и интересы, а также, возможно, страхи и озабоченности за ней стоят? Неужели только злокозненность, бездушие и коррупция государственных чиновников, чаще всего называемые экспертами? Определенно данное объяснение выглядит слишком упрощенным, а значит, оно не может быть признано удовлетворительным.

Итак, сначала о *прописке* — термине, который приобрел печальную международную известность и даже не нуждается в переводе для многих иноязычных людей, сталкивающихся с

* Ранее опубликована под тем же названием. См.: Вынужденные мигранты и государство /Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1998. С. 7–12.

российской действительностью или занимающихся изучением России. Прописка родилась в сталинские времена как один из институтов тотального контроля над гражданами, а также как одна из мер регулирования (вернее ограничения) роста населения наиболее крупных советских городов. Со своей первой задачей эта система справлялась достаточно неплохо, но и то благодаря дополнительной оперативной работе органов милиции и КГБ, без которых сама по себе прописка по месту жительства мало что значила. Вторая задача решалась достаточно плохо, хотя прописка и служила определенным сдерживающим фильтром для массовой миграции в столичные города страны, особенно в Москву и Ленинград. Самое главное, чего добилась существовавшая почти полвека система разрешительной прописки, — это прочное утверждение в массовом сознании и в чиновничьем менталитете представления о том, что право на место жительства не является неотъемлемым правом человека, а тем более гражданина страны, а есть привилегия государства, даже если оно жестко не фиксирует внутренние перемещения людей, как это было в СССР уже в постсталинские времена, когда миграционные потоки определялись в основном через политику найма и через пропаганду.

Прописка утвердила представление, что человек не может быть "без определенного места жительства" (известная аббревиатура — *бомж*), и это место жительства он может выбирать (кроме "закрытых" городов и мест), но окончательно определять и обязательно знать это место должны органы государственной власти, иначе будет хаос. "Как же можно обойтись без прописки?!" — искренне и убежденно вопрошал на одном из правительственных заседаний в 1992 г. тогдашний министр внутренних дел Виктор Ерин.

Это представление сохранилось в стране и по сегодняшний день как среди подавляющего большинства граждан, так и среди государственных служащих, включая достаточно просвещенных мэров самых крупных городов, губернаторов и президентов субъектов федерации. Значит, за этим прежде всего стоит устойчивый стереотип массового сознания, который не так просто разрушить, ибо он основывается на прошлой политической культуре слабого гражданского общества, когда государство — это всё, а гражданин — ничто. И данный стереотип о необходимости прописки сохраняется сегодня потому, что нет достаточной осведомленности о возможностях иных способов осуществления правомочия государства иметь информацию о перемещениях и размещении жителей страны, а если эта осведомленность и имеется, то нет материальных средств и профессиональных навыков, как эти иные способы претворить в жизнь.

Но самое главное, почему сохраняется приверженность прописке, — это кажущееся невероятным допущение, что человек (тем более гражданин страны) имеет изначальное и неотъемлемое право (кроме отчуждения этого права путем судебного приговора) перемещаться в пределах государства и за его пределы и право на территорию путешествует вместе с самим гражданином? Вот эту правовую истину и одну из новых фундаментальных свобод российских граждан следует прежде всего широко разъяснять, научить граждан этим правом пользоваться, а властей — это право уважать. Иначе ни о каком демонтаже системы прописки и ее новых суррогатов речи быть не может. Если нет потребности в осуществлении права его субъектами, оно быть не может, даже если наиболее просвещенные граждане записали его в тексты конституции и законов, как это имеет место в Российской Федерации.

Устаревший менталитет и недостаточная гражданская просвещенность — главные, но далеко не единственные причины системы прописки. Как и любой государственный институт, *она породила свою бюрократию, которая имеет собственные интересы, в том числе как сугубо материальные, так и социально-психологические.* Уже много десятилетий в стране трудятся сотни тысяч людей и зарабатывают свой хлеб насущный тем, что выдают через тесные окошечки жэковских перегородок и паспортных столов многочисленные справки и формы (особенно знаменитую форму № 6) и ставят штампы в гражданские паспорта. Сотни тысяч учрежденческих “кадровиков” затем проверяют эти штампы, прежде чем вести речь о найме на работу, и не меньшее число людей трудится, чтобы переписывать эти сведения для различных нужд многочисленных социальных институтов государства. Если все эти люди получают за свой труд заработную плату, то это означает, что они верят в правомочность и необходимость своей государственной службы и, естественно, не хотят потерять источник своего жизненного существования. Следовательно, отмена прописки потребует трудоустройства армии клерков, никак не меньшей численности шахтеров в нашей стране. Это, безусловно, серьезная социальная проблема, которую рано или поздно необходимо будет решать.

Как трудно разрушать некогда идеологически воспетую, но уходящую в прошлое шахтерскую субкультуру, так и не менее сложно демонтировать субкультуру паспортисток и кадровиков. Социально-психологический контекст данной субкультуры заключается в том, что многочисленные служители этой малоквалифицированной и плохо оплачиваемой профессии поставлены самой системой в положение собственной значимости по отношению к остальному населению. В силу природной

склонности человека к выстраиванию иерархии взаимоотношений и стремления к доминированию они компенсируют свой недостаточный статус в гедонистическом удовлетворении чувства зависимости других от их собственных распорядительных действий. "Я Вашего сына прописать не могу, потому что..." — сказала мне жэковская паспортистка, когда я с заинтересованностью включенного в бюрократический процесс наблюдателя проходил процедуру регистрации сына в приобретенной нашей семьей квартире. В этом "я" заключен огромный социально-психологический смысл: видеть как ученый, артист, бизнесмен, инженер или просто хорошо одетые и уверенные в себе молодые и немолодые люди оказываются в зависимости от твоего решения или простого действия, — это многого стоит и уж по крайней мере является некоторой компенсацией за собственную скромную зарплату и за простенькое образование. Нет необходимости говорить, что написанные на лице новоприбывшего вынужденного мигранта неуверенность и смятение дают особую свободу для проявления не самых лучших личностных черт и недостаточной человеческой культуры многих служащих системы прописки. Взятки и мелкие подношения суют далеко не все посетители, да и берут их далеко не все служащие, но продемонстрировать свою власть над другим человеком — в этом отказать себе могут немногие.

В утверждении превосходящего социального статуса особенно рьяно проявляют себя представители низовых органов власти и самоуправления, которые через прописку осуществляют, как им представляется, заботу о благополучии местного населения, сохранении за так называемым коренным населением земельных ресурсов и жилищного фонда, предотвращают преступность и межнациональную напряженность. Эта демонстрация перед местными сообществами собственного патриотизма и образа "хозяина" густо замешана на невежестве и ксенофобии и на откровенном попрании конституционно-правовых норм. Seriously грешат антииммигрантской ксенофобией власти многих субъектов федерации, особенно регионов наиболее активного размещения вынужденных мигрантов. Это прежде всего регионы европейского Юга России (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), в том числе и некоторые республики Северного Кавказа.

Правозащитным центром "Мемориал", а также рядом исследователей выполнен обстоятельный анализ массовых нарушений прав вынужденных мигрантов, особенно в Краснодарском крае. Именно система прописки является в данном случае главным инструментом осуществления политики дискриминации. Все больше аналитических материалов о дискриминационной прописочной политике властей накапливается по Моск-

ве и Московской области. Почему эта практика продолжается даже после Постановления Конституционного суда РФ от 25 апреля 1995 г., установившего, что регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или реализации прав и свобод? Видимо, объяснение данного феномена не может ограничиться только личной политикой краснодарского губернатора Н.И. Кондратенко или мэра Москвы Ю.М. Лужкова. Неправовой институт разрешительной прописки с энтузиазмом разрабатывается экспертами при органах власти субъектов федерации, старательно исполняется огромным числом госслужащих, включая прежде всего милицию, стыдливо замалчивается или даже оправдывается наиболее просвещенной частью местной общественности.

Видимо, помимо отмеченных выше факторов, прописка обрела некоторый новый смысл в современной ситуации, который заключается прежде всего в ее этнической проекции. *Прописка стала одним из политико-бюрократических элементов постсоветского этнонационализма.* Институт прописки не был этнически нейтральным и в советские времена. Именно через него ограничивалось возвращение и поселение депортированных граждан в места своего прежнего проживания. Особенно это касалось крымских татар в Крыму и ингушей в Северной Осетии, где прописочные ограничения действовали фактически вплоть до распада СССР и даже после. В нынешних условиях право на жительство стало идеологически оправдываться не столько аргументом политической благонадежности, сколько такими постулатами, как "наша земля", "историческая территория", "коренное население" и т.п. У российских регионов оказались свои "хозяева" в лице части граждан определенной этнической принадлежности: осетины в Северной Осетии, кабардинцы и балкарцы в КБР, русские в Краснодарском крае, в Москве и Московской области.

Политики и этнические предприниматели довольно беззащитно, а иногда и вполне искренне, стали использовать страхи и озабоченности простого населения, вызванные радикальными общественными преобразованиями, в том числе и массовыми перемещениями населения. Последние действительно нарушили привычный уклад жизни во многих регионах, принеся с собой не только новый динамизм и новые полезные услуги, но и социальные и психологические проблемы. В этнических чужаках старожильческое население стало видеть причину жизненных неурядиц, роста насилия и цен на товары. Это бытовое настроение оказалось удобным оправдательным аргументом и для тех, кто по роду своей службы призван решать в числе прочих вопросы социального обустройства граждан. Дешево завоеванные симпатии электората оказались более зна-

чимыми, чем просвещенческая деятельность по поводу гражданских прав и пользы мигрантов. *Именно в этом союзе бытовых фобий и их политической эксплуатации разрешительная прописка нашла свою прочную нишу и защиту, которую пока не могут разрушить никакие судебные исполнители и достаточно слабые правозащитные организации.*

Институт разрешительной прописки нарастил новую скорлупу из кошелки прошлого, и совладать с ним одномоментно не так просто. Мы можем предложить лишь несколько стратегий демонтажа этого института:

во-первых, последовательное утверждение существующих конституционных и других правовых норм в отношении права на жительство и прав вынужденных мигрантов. В рамках усилий по укреплению российской государственности должны быть приняты меры в отношении представителей региональных и местных властей, которые нарушают действующее законодательство и международные обязательства страны;

во-вторых, идеологический демонтаж института разрешительной прописки через просвещение и массовую пропаганду базовых прав граждан страны, а также прав вынужденных мигрантов и переселенцев. Требования закона о защите прав и свобод человека должны стать известны широким слоям населения, тем более представителям органов власти. Необходимы соответствующие памятки и для самих вынужденных мигрантов, чьи интерес к закону и стремление его использовать остаются недостаточными;

в-третьих, подрыв бюрократических основ института прописки через реформу соответствующих государственных служб и введение новых современных систем государственного контроля за местопребыванием граждан и неграждан в пределах страны. Должна быть заново определена целесообразность и эффективность, а также социальная цена действующей системы прописки;

в-четвертых, осуществление экспертного мониторинга за ситуацией в области прописочной политики и укрепление общественных организаций и объединений, выступающих за обеспечение прав вынужденных мигрантов и переселенцев. Включение данной проблемы в число приоритетных задач института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Таким образом, институт прописки может быть демонтирован только при обоюдных усилиях участников гражданского процесса: государства и личностей. Государственная система эволюционирует не сама по себе, а с осознанием прав и свобод граждан данного государства.

КУЛЬТУРА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИИ*

Программа "Культура мира" имеет особую значимость для Российской Федерации, ибо в нашей стране проживает сложное по этническому и религиозному составу население и в ней имеют место межэтническая напряженность и сложная религиозная ситуация в ряде регионов страны. Конфликты и нетерпимость на этой почве стали причиной многих гуманитарных бедствий и растущей среди населения ксенофобии в отношении этнических и расовых меньшинств, вынужденных мигрантов и иностранных граждан. Межэтнические противоречия и нетерпимость являются одним из основных препятствий на пути утверждения демократических порядков в России, осуществления социально-экономических преобразований и достижения гражданского согласия и мира. Имеют место прямые нарушения международных норм и обязательств России по части соблюдения и обеспечения прав меньшинств и вынужденных мигрантов. Все это обуславливает необходимость особых усилий общества и государства по реализации основных идей и положений предложенной ЮНЕСКО программы и тех направлений, которые выработаны в рамках ее российского варианта.

Межэтнический и межрелигиозный диалог должен вестись через следующие основные сферы:

- органы государственной власти и управления;
- образование и воспитание;
- средства массовой информации;
- общественные организации и другие институты гражданского общества;
- научные исследования и прикладной мониторинг.

Каждому участнику программы "Культура мира" (коллективу или отдельному лицу) необходимо прежде всего опреде-

* Работа была подготовлена в 1998 г. в форме методической брошюры для национальной комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, но не публиковалась.

лить свои место и возможности работы по одному или нескольким из этих направлений, в зависимости от своей профессии, служебного положения и той конкретной ситуации, в которой он пребывает. Однако есть общие принципы и установки, которыми следует руководствоваться в данной работе:

- в России издавна проживают представители разных национальностей и различных религиозных убеждений, которые пользуются одинаковыми гражданскими правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру и исповедывать разные религиозные верования;

- межэтническое согласие и сотрудничество являются нормой и глубокой традицией населения страны, которые обеспечивают ее существование и развитие;

- нет больших и малых культур, как и нет природного неравенства представителей разных рас, национальностей и религий; неравенство и дискриминация порождаются социальными и политическими условиями, а нетерпимость и конфликты являются следствием неправильного воспитания, идеологического воздействия и политической мобилизации;

- граждане России имеют гораздо больше общих историко-культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе религии и этнической принадлежности;

- напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия;

- ксенофобия и негативные стереотипы бытуют среди разных категорий людей, и они могут носить устойчивый и массовый характер, но есть пути и меры, которые позволяют не допускать или устранять эти явления;

- образование в духе культурной и религиозной терпимости является основополагающим средством утверждения в обществе культуры мира и согласия;

- государство, его общественное устройство и политика могут создавать институты и климат неравенства и дискриминации, но государство обладает и всеми средствами обеспечивать межэтническое согласие, и только оно имеет право применять силу для противодействия разжиганию розни и проявлениям насилия;

- общественно-политическое устройство Российской Федерации, в том числе ее Конституция и другие законы, обеспечивают возможности для национального равноправия и самоопределения народов в разных формах, а также для религиозных свобод и церковной деятельности;

— в утверждении благоприятного климата межэтнических отношений важную роль играют средства массовой информации, профессиональная культура и литература, но через них же могут насаждаться и распространяться предрассудки и ненависть, а также слухи и призывы, которые могут приводить к конфликтам;

— нетерпимость, рознь и конфликты не носят необратимый характер, и они могут устраняться и разрешаться целенаправленными усилиями в достаточно короткое время.

Руководствуясь этими принципами, многое могут сделать различные институты, организации и отдельные люди, а именно:

По линии органов государственной власти и управления:

— строго и последовательно обеспечивать конституционные права и законы, гарантирующие равенство граждан любой расы и национальности и свободу вероисповедания;

— разработать и принять в России новые федеральные и региональные законы и другие правовые акты в данной области, ратифицировать и соблюдать международные правовые нормы и специальные декларации;

— соблюдать представительство на всех уровнях власти граждан различных национальностей, учитывать интересы и права народов и местных этнокультурных общин в проведении социально-экономической и информационно-образовательной политики;

— организовать специальную подготовку государственных служащих, в том числе и работников органов правопорядка, в области культуры межэтнических отношений, обучить их методам борьбы с проявлениями групповой напряженности и конфликтов;

— утвердить в государственной идеологии и символике общероссийские гражданские и историко-культурные ценности и демонстрировать многокультурную природу российского государства;

— осуществить государственные программы поддержки малых культур и языков и защиты меньшинств наряду с программами развития русского языка и общероссийской культуры на всей территории страны;

— в судебном порядке преследовать лиц, группы и организации, проповедующие нетерпимость и насилие или осуществляющие акты насилия по этническому или религиозному принципу;

— создать специальные государственно-общественные системы мониторинга среды межэтнических отношений и активизировать деятельность Комиссии при Президенте РФ по борьбе с общественно-политическим экстремизмом, а также института Уполномоченного по правам человека;

– осуществлять защиту вынужденных мигрантов и беженцев, устранять бюрократический произвол в процедурах регистрации по месту жительства и отменить противозаконные акты региональных и местных властей в отношении этой категории населения.

В сфере образования и воспитания:

– устранять из учебников этноцентристские версии истории и культуры, а также устаревшие этнонационалистические и расистские интерпретации и взгляды;

– утверждать в школьной и вузовской системах образования доктрину многокультурности вместо устаревшей и разъединяющей концепции так называемой национальной школы;

– организовать курсы по народоведению и по истории религий, а также преподавание истории межкультурных взаимодействий и сотрудничества наряду с историей массовых геноцидов и преступлений против "иноверцев" и "инородцев";

– проводить специальную аттестацию школьных учителей и вузовских преподавателей на предмет их собственных знаний и убеждений в вопросах межэтнического и межрелигиозного диалога и установок на культуру мира;

– необходима воспитательная и просветительская работа с родителями и другим взрослым населением о принципах поведения в вопросах веротерпимости и согласия, в том числе в отношениях с детьми и подростками;

– реагировать на случаи проявления среди детей и молодежи негативных стереотипов, межэтнической розни и личностного унижения представителей других национальностей и расового облика;

– пресекать деятельность и запрещать символику ультранационалистических и неонацистских групп и организаций в школах и вузах;

– индивидуально работать с теми, кто вовлечен в деятельность подобных групп или разделяет подобные взгляды, в том числе и прежде всего с молодежными активистами ультранационалистических групп;

– расширять для школьников и студентов экскурсионно-туристическую деятельность для углубления их знаний о стране и ее народах;

– развивать художественную самодеятельность на основе различных народных традиций и культурного наследия;

– специалистам и государственным органам образования разрабатывать школьные методические рекомендации, создавать особые курсы для учителей и родителей с целью прививать школьникам негативное отношение к оружию и насилию, не разрушая при этом основ патриотического воспитания, которое включает уважение к армии и милиции.

В сфере средств массовой информации:

— расширять сеть теле- и радиовещания и номенклатуры передач для более полного и адекватного отражения культурной мозаики России, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога;

— создать общероссийский телеканал и радиостанцию для вещания на языках народов России и передач, организуемых национально-культурными объединениями и республиканскими журналистами;

— осуществлять регулярные экспертизы печатных изданий с целью выявления газет и других публикаций, проповедующих расовую, этническую и религиозную вражду и ненависть и призывающих к насилию;

— включить в систему журналистской подготовки курсы по культуре и традициям народов России и мира, на которых объяснять принципы освещения этнокультурных вопросов, религиозных тем и конфликтов;

— совместно с учеными-специалистами разработать этический кодекс журналиста, работающего в данной области;

— не допускать к телеэфиру и к периодическим печатным изданиям политических лидеров и общественных активистов, которые исповедуют националистические и неофашистские взгляды, а также широкой трансляции их прямых высказываний и призывов;

— снижать в публичных дебатах значимость этнокультурных различий российских граждан, их "цивилизационной" несовместимости и "исторических несправедливостей", якобы причиненных одним народом другому;

— порицать журналистов и других авторов, исповедующих от имени самозванных этнических предпринимателей ("вождей народов" или "лидеров мусульман") этнографический романтизм и энтузиазм разрушения России как "мини-империи" под лозунгом этнического самоопределения;

— более критически реагировать на зарубежные СМИ, особенно специальные передачи и издания на Россию, в которых основной установкой является нелегитимность многоэтнического российского государства и отвергается общероссийская общность в пользу этнического партикуляризма и сепаратизма;

— расширять религиозные передачи миротворческого направления, в том числе с одновременным и постоянным участием представителей разных религий.

По линии общественных организаций и других институтов гражданского общества:

— политическим партиям и движениям иметь в своих программах сформулированные на основе конституционности и

общественной значимости принципы и позиции по вопросам межэтнических отношений и отношения к религии;

– создавать неправительственные организации и объединения, которые специально занимаются миротворческой деятельностью, гражданским служением делу мира и согласия, созданием “зон мира” и налаживанием диалога в районах, пострадавших от конфликтов;

– религиозным обществам и организациям расширить свою деятельность среди всех категорий населения (не только верующих) по предотвращению насилия и конфликтов в обществе, среди пострадавших от насилия или подвергающихся дискриминации, а также среди тех, кто подвержен ксенофобии и ультрарадикальным идеологиям;

– более оперативно работать на уровне небольших проектов и программ, которые достигают прямого контакта с людьми, в том числе противоборствующими сторонами в конфликтных ситуациях;

– осуществлять демократический контроль за лидерами и активистами и воздействовать на тех, кто разрушает согласие и мир и провоцирует конфликты;

– создавать местные “комитеты (или комиссии) мира”, которые возьмут на себя работу по снижению предубеждений и предрассудков среди части населения, особенно в отношении представителей этнических и религиозных меньшинств;

– создавать школьные, общинные, районные, городские комиссии или комитеты, которые следили бы за чистотой среды межэтнических отношений и своевременно реагировали на неблагоприятные ситуации;

– привлекать общинных лидеров, старейшин, авторитетных граждан к процессам выхода из глубоких конфликтов, в том числе и к переговорам в качестве представителей “дипломатии второго уровня”, а также в качестве гарантов соблюдения и выполнения достигнутых соглашений;

– создавать коалиции и устанавливать связи с аналогичными неправительственными организациями в других странах мира и с международными организациями с целью использования позитивного опыта и привлечения средств.

В области научных исследований и прикладного мониторинга:

– наладить подготовку специалистов и осуществление научных исследований по проблемам мира и толерантности, насилия и конфликтов, в том числе в рамках таких дисциплин, как социальная психология, этнология, социология, политология и история;

– создать центры и исследовательские группы междисциплинарного характера, а также наладить издание специальных

журналов, серийных публикаций и методической литературы по проблемам мира и конфликтов, рассчитанных как на специалистов, так и на более широкую аудиторию;

– показать несостоятельность и общественный вред, а также преступный характер идеологий, программ и действий, которые заключают в себе ненависть и вражду к людям других рас, национальностей и вероисповеданий;

– установить глубинные причины и природу нетерпимости и конфликтов и наиболее эффективные средства их предотвращения и разрешения;

– создать атмосферу осуждения тех коллег, кто своими трудами и другой деятельностью способствует обоснованию расистских и националистических взглядов среди населения, а также симпатизирует разрушителям общественного порядка и конституционно-правовых основ государства;

– научным работникам создавать неформальные сети и организационные структуры для осуществления мониторинга состояния общественного мнения, межэтнических отношений, деятельности политических, общественных и религиозных организаций с целью выявления кризисных ситуаций и выработки прикладных рекомендаций;

– больше использовать печать, радио и телевидение для изложения современных положений науки о роли и значении различных культурных традиций и межкультурного диалога.

Несколько простых истин для налаживания межэтнического и межконфессионального согласия в рамках программы "Культура мира" в России.

• Толерантность — это не когда жители города или села спокойно относятся к строительству мечети или синагоги недалеко от православного храма, а когда они все вместе помогают построить новый храм представителям другой веры.

• Отдельный человек может терпимо относиться к близким и друзьям любой веры и национальности, но быть ксенофобом и расистом в более широкой общественной среде (на работе, в политике, в творчестве).

• Терпимость и уважение к другой культуре выражаются не в отсутствии к ней негативного отношения, а в стремлении ее познать и заимствовать все ценное и полезное.

• Установка на диалог и согласие дается труднее, чем отторжение и вражда, которые не способствуют развитию личности и демонстрируют узкий кругозор и невежество.

• Ксенофобия и нетерпимость свойственны людям не только ограниченным и плохо образованным, но порой и самым просвещенным, объясняющим свои взгляды и действия более изощренными аргументами.

- В демократических обществах могут быть самые различные проявления нетерпимости, и задача государства и общества не допускать их крайних, в том числе насильственных форм, которые подрывают общественный порядок и основы государственности.

- С противниками мира и сторонниками насилия следует бороться не только методами публичных кампаний осуждения, но и другими, не менее эффективными методами: отказом в публичности, судебными преследованиями, просвещением и включением их в существующие системы институтов власти и гражданского общества. Нетерпимость к нетерпимости может порождать новую нетерпимость и плодить ее новых сторонников. Важнее видеть человека в человеконенавистнике и постараться воздействовать на его взгляды и поведение.

- Работа по налаживанию межэтнического согласия и предотвращению конфликтов требует самоотдачи и добрых человеческих качеств, но она может быть результативной, если делается сообща и при поддержке государства.

- Сильная власть и благополучная жизнь не гарантируют мир и согласие, а конфликты между представителями элит бывают чаще и сильнее, чем между простыми людьми, но порядок и благополучие дают больше возможности избежать нетерпимости, насилия и конфликтов.

СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ*

Начало 1999 г. в России было отмечено явлением, которое ведущая новостей НТВ Татьяна Миткова назвала "новой волной антисемитизма в России". Это определение относилось к заслуживающим, на мой взгляд, уголовного наказания антисемитским высказываниям депутата Госдумы Альберта Макашова, которые многократно цитировались СМИ. К сожалению, никто не указал журналистам, что тиражирование подобных высказываний есть тоже преступление. Просто мало кто профессионально знает, что такое экстремизм и каковы методы противодействия ему в зрелых обществах. Поверхностные дебаты экспертов и неточные заявления политиков по данному вопросу обескураживают, хотя речь действительно идет о сложном и тревожном явлении в жизни страны.

Отказ в публицити

Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что, разумеется, никак не служит его оправданию. Экстремизм имеет внешние ресурсы и может быть формой внешних воздействий и вмешательства.

Экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, но от него не застрахованы и благополучные страны с демократической формой правления. Достаточно сказать, что в США действуют около 500 экстремистских групп, главным образом неонацистского, антисемитского и сепаратистского ха-

* Газетный вариант опубликован под тем же названием. См.: Независимая газета. 1999. 18 марта. (№ 48). С. 8.

рактера. Плата за демократию, точнее, за право на свободу слова, в этой стране весьма велика. Некоторые тамошние неонацисты, десятилетиями ведущие в самих США и по всему миру пропаганду своих взглядов, могут быть арестованы, только когда оказываются на территории, например, Германии, где действуют более жесткие законы. При этом в Америке проводится мониторинг подобных групп, а власти способны без лишних сантиментов спалить целиком псевдорелигиозную изуверскую общину, отвергающую общество и государство. Правда, в ответ могут появиться новые фанатики-экстремисты и устроить взрыв здания правительственного учреждения, как это было в Оклахоме в 1996 г.

Экстремистские молодежные организации, в основном антииммигрантского и неонацистского толка (так называемые *скинхеды* — бритоголовые) действуют в европейских странах, в том числе в сытой Скандинавии. Ультраправые партии и организации, действующие на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть хоть минимальная свобода общественных организаций. Таковых, пожалуй, нет только в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе.

В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления, и это в какой-то мере тоже результат демократии. *Толерантность демократии допускает проявления нетолерантности, но только до тех пор, пока последняя не угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан.* Противодействовать нетерпимости сложно, ибо в бескомпромиссной борьбе с ней можно потерять и саму демократию.

В России нет достаточного опыта противодействия экстремизму, и уже совершено много ошибок по этой части. Тем не менее противостоять злу можно и нужно без всяких ссылок на состояние дел в стране и на умонастроение населения. Хорошая жизнь — не гарантия исчезновения экстремизма. Наоборот, в богатом обществе может появиться больше материальных возможностей для разрушительной деятельности экстремистских организаций. В США, например, Интернет оккупировали разного рода ультраправые, при этом они не забывают и о печатной продукции, выходящей на роскошной бумаге. Да и в России пока в рамках отечественного варианта юнесковской "Программы мира" готовятся рекомендации, как утверждать мир и толерантность, у кого-то находятся средства для раскладывания по почтовым ящикам бесплатных экземпляров книги некоего Корчагина "Еврейская оккупация России". Зато

на антиэкстремистскую литературу у общества средств не хватает, равно как и компетентности.

Для эффективной стратегии противодействия необходим более точный диагноз самого явления, ибо у него есть особенности в каждой стране. В России нет столь сильного распространения религиозного экстремизма, как, например, в Японии и Индии. Нет откровенно антииммигрантских экстремистских групп, как, например, в Германии или Швеции. В России распространяется экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнорасовой нетерпимости, политический экстремизм неонацистского толка, основанный на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. Именно эти формы наиболее опасны для страны с многоэтническим составом населения. Хотя расизм может существовать и в обществах, где нет особых расовых отличий. Экстремисты придают расовый смысл даже небольшим внешним различиям. Так, например, клише "лица кавказской национальности" и все, что с ним связано мерзкого, в том числе и задержание милицией граждан просто потому, что они брюнеты, — это расизм.

Формой расизма и ксенофобии является и *антисемитизм — враждебная пропаганда и действия в отношении представителей еврейской национальности или еврейского народа и еврейской культуры в целом*. В СССР антисемитизм существовал больше на государственном уровне. В современной России от этого почти удалось избавиться, но антисемитизм перекочевал в общественно-политическую область и оказался в арсенале не только маргинальных групп, но и заметных политических сил и экспертных сообществ.

И все-таки со времен Горбачева авторитетные службы изучения общественного мнения фиксируют снижение антисемитских настроений в обществе. Отчасти их заменили фобии, связанные с кавказцами и беженцами. Даже при резком ослаблении правопорядка случаев физического насилия в отношении евреев также не отмечалось. Правда, был взрыв в московской синагоге, осквернена новосибирская синагога и имели место надругательства над еврейскими захоронениями. Однако ситуация в последнее время стала ухудшаться отчасти по причине резкой актуализации проблемы антисемитизма, а значит, и ее пропаганды, пусть в форме отрицания и осуждения, через средства массовой информации. Многие журналисты никогда не согласятся с упреками в том, что именно они могут стать причиной "новой волны", но это так. Ибо акт речи способен вызывать реальность, а тиражированные слова могут поражать сильнее пули.

Поэтому *важнейшей стратегией противодействия экстремизму должна быть политика отказа в публицити*. На экранах телевизоров и в печати не должны появляться и цитироваться теоретики и активисты экстремизма. Более того, и сообщения на эту тему должны быть строго дозированными и целенаправленными (без пересказа аргументов и показа "как это можно делать"). В большой стране всегда найдутся параноики и неустойчивые элементы, которые воспримут теледемонстрацию парада баркашовцев в Москве как приглашение к подобному действию. Если трансляции истории с Макашовым и с баркашовцами увеличили, а не уменьшили число их сторонников в стране (а это наверняка так и есть), тогда мое замечание в адрес СМИ и предложение ограничить трансляцию экстремистских идей и действий являются бесспорными и с ними нужно согласиться.

В доказательство приведу один давний пример: громкий суд над активистом "Памяти" в начале 1990-х годов помог этой организации удвоить свои ряды, хотя осужденный и ныне покойный Осташвили скорее всего нуждался в лечении у психиатра. Среди экстремистов гораздо больше психически нездоровых людей, чем среди остального населения. И об этом тоже нужно знать. В лондонском Гайд-парке добрая половина выступающих на "уголке оратора" — именно такая категория людей. Но за пределами лужайки их не услышат. Это запрещено делать уже целое столетие, если не больше. Какие еще нужны аргументы, чтобы известные журналисты перестали гоняться с микрофоном за Макашовым, как это делал Павел Лобков?

Образование и просвещение

Следующей *стратегией противодействия является просвещение граждан по части культурного многообразия и единства жителей страны, истории геноцида и других преступлений, порожденных экстремизмом*. И тут у нас дела обстоят неважно. Иступленный поиск культурной уникальности, "национальных" характеров и психологий, глубоких исторических корней и "исторических несправедливостей", внешних врагов приводит к ужесточению разделительных линий между гражданами одного государства. Увлеченные, но недостаточно образованные журналисты ищут по России "вымирающие народы" и заставляют невинное дитя, которое хочет быть "ленинградцем", выучивать перед телекамерой: "я — русский" или "я — вепс", как это делал Игорь Воеводин.

Российский народ имеет гораздо больше общих культурно-исторических ценностей и социальных норм, чем различий, обусловленных этнической принадлежностью. Уровень повсе-

дневного взаимодействия людей в многоэтнических сообществах и коллективах (включая производственные и семейно-родственные) на порядок выше, чем среди представителей политических и интеллектуальных элит, которые никак не могут даже выговорить слова "российский народ" и "россияне". А уж чеченцы для них — вообще этнографический реликт с военной демократией, тейповой социальной организацией, законами адата и шариата. И это при том, что современные чеченцы жили и живут по тем же советским и российским законам и носят российские паспорта, не желая их обменивать на масхадовские или какие-либо другие.

Экзотизация этнических общностей и придание этнической фундаментальности характеру черт гальнейшей разобщенностью граждан. Именно это закладывает фундамент для создания стереотипов и появления ксенофобии. Национальная система образования, при которой в ряде российских школ детей начинают учить прежде всего тому, что значит быть "настоящим якутом" или "настоящим татаринном", и ни слова не говорят о том, что значит быть россиянином и ответственным гражданином своей страны, является несостоятельной. У нас до сих пор живет советское клише, по которому "национальная школа" — это не общероссийская, а адыгейская, башкирская, татарская, а теперь и русская.

В некоторых школах используется нарядно изданная и рекомендованная как учебное пособие книга Маргариты Альбедиль "Народы мира", в которой излагаются и иллюстрируются голенькими "дикарями" замшелые, питающие расизм взгляды и представления. Глава "Какого цвета бывают народы?" содержит вопросы к ученикам вроде "определите свой расовый тип". А ведь современная наука отказалась использовать расовую типологию для изучения и описания культурного разнообразия людей. Тем более недопустимо связывать расу с этнической общностью, что и делают в своих прописях экстремисты.

С такого разглядывания школьниками друг друга и начинается расовое мышление, а как следствие — могут формироваться расистские взгляды. Школьные и вузовские программы и тексты учебников за последние годы оказались напичканными паранаучными положениями и ненавистническими интерпретациями прошлого. В одном городе или даже в одной школе учебники истории в зависимости от языка обучения могут содержать противоположные версии событий. К этому добавляется зуд сносить или восстанавливать памятники, переименовывать улицы, менять символику. Многие одержимы желанием во что бы то ни стало обозначить "свое", исключительное, а не общее — будь оно славным или трагическим. *Образование не только молодежи, но и взрослых должно включать точную*

информацию об истории мировых геноцидов, антисемитских погромов и сталинских репрессий, но оно не должно позволять превращать прошлую коллективную травму в предмет сакрального значения и питать идеи реванша и "исправления прошлого" за счет новых несправедливостей.

Современный экстремизм питается не только старыми, но и новыми мифами и политическими спекуляциями. Одна из них — намеренно апокалиптическая оценка жизни и событий в стране за последние годы в целях борьбы за власть. Все — политическая оппозиция от Г. Явлинского до Г. Зюганова, каждое новое правительство, недовольная часть отечественного академического сообщества, западные эксперты, политики и СМИ — не в силах признать и объяснить позитивные перемены, которые произошли в России. Стараниями политиков и плохих обществоведов в стране царит риторика жалоб, разжигающая ненависть и экстремизм. Напуганное государство даже побоялось проводить в положенный срок очередную перепись населения, чтобы не видеть, "чего натворили". На самом же деле результаты будут вполне приличными и не хуже предыдущих десятилетий. Даже демографические показатели, несмотря на неблагоприятный цикл, не будут столь плохими, как это считают лопочущие о "вымирании" и о "геноциде народа". Обо всем этом намеренно не пишут, чтобы подпитывать ненависть к тем, кто "разрушает Россию". А поскольку любая ненависть должна иметь адресат, тогда появляются "евреи", "кавказцы", "антипатриоты", "западники" и прочие "враги нации".

В современной России некому дать спокойные и точные оценки и некому вселять в людей конструктивные эмоции. Эмоции, как и слова, — огромная сила. Если они связаны с энтузиазмом и нацелены на результат, то помогают мирному обществу, что необходимо для демократического общества. От эмоций, направленных на то, чтобы наказать кого-то за что-то во имя борьбы с врагами, один шаг до слепой ненависти и насилия.

Нейтрализация на низовом уровне

Следующая стратегия — общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на массовом, низовом уровне. Если в классе учителя не реагируют на появившиеся среди детей и подростков обидные клички этнического содержания и не знают, как им противодействовать, — это плохо. Если родители или преподаватели училища не реагируют на то, что молодой человек обрил голову и стал носить черную одежду, а у его кровати появились портреты разных фюре-

ров, — это очень плохо. Если взрослые жители и общественные организации не препятствуют появлению на улицах молодежных групп со свастиками на рукавах и спокойно смотрят на то, как у их дома продают расистскую литературу, — это уже беда. Если чиновники или владельцы сдают помещения для собраний подобных групп, а владельцы типографий готовы печатать все, за что платят, — это соучастие в преступлении.

Общество само должно мобилизовать свои ресурсы на противодействие экстремизму, понимая, что его жертвами будут не евреи, цыгане и кавказцы, а все граждане. Нужны не столько разовые акции вроде антифашистских конгрессов, а массовые и одиночные действия на самом низовом уровне. Нельзя проходить мимо нарисованных свастик без активной реакции. Тем более нельзя бояться обращения в суд или выступления в качестве эксперта по делам против разжигания розни и оскорбления достоинства граждан. В России слишком мало общественных организаций, которые вели бы подобную работу квалифицированно. В Москве действует фонд "Панорама" и издается журнал "Диагноз". Но им нужна поддержка и квалифицированная помощь.

Профилактика и нейтрализация экстремизма нуждаются в поднятии моральной планки относительно того, что допустимо в обществе и что нет, когда речь заходит об этнической или религиозной принадлежности граждан. Газета "Известия" несколько лет тому назад, информируя о ходе первого судебного процесса с участием присяжных, называя фамилии судьи, прокурора и подсудимых, педалировала национальную принадлежность только последних участников процесса — цыган, что выглядело привычно, но явно недопустимо в принципе. Я жалею, что тогда не подал судебный иск за разжигание национальной розни, ибо только наша общая атрофия адекватного восприятия этнорасовых сюжетов могла допустить подобное. Иск стал бы полезным уроком, причем не столько уважаемым "Известиям", сколько другим изданиям, которые со временем стали спокойно помещать материалы с заголовками типа "Цыгане убили детей", "Неустановленные лица кавказской национальности застрелили банкира" и т.п.

Грязный язык СМИ мало кем отслеживается, что уж говорить о каком бы то ни было наказании. Только этим можно объяснить, например, залихватский тон спортивного репортажа с хоккейного матча на олимпийских играх в Японии: "Сегодня наши должны были порвать казахов... Азиаты еще сопротивлялись в первом периоде". Слово "казахстанцы" молодой российский комментатор еще не выучил, а то, что в команде соседней страны почти все игроки — славяне, он просто не заметил. Ничем не лучше яркая (но это только усугубляет дело!) публици-

стика Валерии Новодворской, допускающая пассажи о том, что "русскому народу место у параша". В подобной развязности истоки расизма и ксенофобии.

Именно поэтому поднять планку должно прежде всего само общество, его элита, экспертное сообщество. Ведь прежде чем некто Шишкин в профашистской газете выступил с анти-семитскими баснями про разные "ксении" и "химеры", проникающие в "тело этноса" и пожирающие его, миллионными тиражами уже были изданы (и продолжают издаваться) труды Л.Н. Гумилева, откуда и пошли эти конструкции. Почти вся экстремистская литература прибегает к ссылкам на более солидные издания и авторов, у которых часто те же аргументы, но только облеченные в псевдонаучные формы. Нужны серьезные дискуссии и конференции ученых и практических работников на эту тему с выработкой научных, моральных и административных мер воздействия. Возможны и необходимы влияние общественности и меры нейтрализации в отношении и тех, кто уже "вне системы". Поначалу робкие листки, газетенки и группы крепнут не только когда их поддерживают, но и когда они просто не получают отпора и в их адрес нет никаких контраргументов.

Если ответственные граждане, вместо того чтобы попустительствовать (дескать давайте, ребята, может быть, вы и правду говорите), найдут время и силы заняться переубеждением, если они смогут предложить некоторым активным "писателям" и "теоретикам" альтернативные занятия, число рекрутов в экстремистскую среду станет меньше. Огульное неприятие этой части граждан и подход "загнать их в подполье" контрпродуктивны. Экстремистами не рождаются, ими становятся. И мы все в чем-то за это несем ответственность.

Включение в истеблишмент

Отсюда вытекает еще одна стратегия — политика инкорпорации (включения) внесистемных экстремистов в более цивилизованную среду, а их лидеров — в истеблишмент. Ранний В. Жириновский и его окружение, безусловно, представляли собой внесистемный экстремизм. До сих пор некоторые держатся обета не подавать Жириновскому руки и считают его фашистом. Но сегодняшний лидер ЛДПР, оставаясь демагогом-шовинистом, способен проявлять ответственность и умеренность. Не пробейся он в истеблишмент, не известно, какова была бы его и его последователей эволюция. Сегодня же мы имеем далеко не самый худший вариант, контролируемый и даже незаслуженно популярный. Возможна подобная метаморфоза и с другими, ибо пребывание в истеблишменте комфортнее и

лучше вознаграждается. На виду и при деле быть лучше, чем отираться по подмосковным закоулкам.

Антисемитизм и другие ксенофобские идеи в голову вбить легче, чем избавиться от них, но все равно это возможно. В связи с этим нельзя исключать необходимость диалога, в том числе антиподов и заклятых ненавистников друг друга. В США одной из рекомендаций специалистов по устранению антисемитизма среди черных американцев (а именно в этой среде он сильнее всего распространен) был призыв к активистам еврейских и негритянских общин больше практиковать прямые диалоги и контакты, ибо без этого остальному обществу справиться с проблемой очень трудно. Готовы ли к чему-то подобному россияне? Кажется, ничего такого нет и в мыслях, а зря.

Правовое преследование

Теперь о самой важной стратегии государственного воздействия, в том числе о правовом преследовании экстремизма, который должен наказываться по закону. В Уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни и за оскорбление национальной чести и достоинства. Статьи сформулированы плохо, ибо нужно подвергать наказанию не за смутно понимаемую даже учеными "национальную честь и достоинство", а за разжигание (подстрекательство), умышленное или неумышленное, любой формы межгрупповой розни среди граждан и (или) за осуществление насильственных действий на этой основе. Что касается "национальной чести и достоинства", то, видимо, речь должна идти об оскорбительных словах и действиях в отношении тех ценностей, норм и представлений, которые коллективно почитаются представителями той или иной общности (народа, религиозной общины) и оскорбление которых наносит безусловный моральный ущерб представителям этой общности. Очевидно, эти статьи нужно срочно поправить.

Но даже в нынешней форме, как показал мой опыт участия в судебной экспертизе по делу Максимовского (редактор экстремистской газеты "Штурмовик"), действующий закон может и должен работать. Причем действовать надо последовательно и настойчиво по всей стране, а не ограничиваться показательными процессами, оборачивающимися благодаря прессе негативной рекламой. И здесь главное — это неготовность нашей правоохранительной системы. На мой взгляд, называть печатно христианство "жидовствующей ересью" или евреев — "унтерменьшами", а цыган — "ублюдками" — безусловный криминал, требующий наказания. Но каковы представления рядо-

вых прокуроров, судей, судебных заседателей, если многие из них мыслят на уровне бытовых стереотипов?

Здесь нужны простые и убедительные памятки и справки, семинары и профессиональная специализация по экстремизму. Иначе судья и прокурор оказываются беспомощными перед демагогией и лжеэрудицией экстремистов и их адвокатов. Можно направить за рубеж работников правоохранительных органов или пригласить специалистов из-за рубежа для того, чтобы воспринять имеющийся опыт таких стран, как Германия, США, Франция. Нужны особая учеба и пособия для юридических институтов, для школ МВД и многое другое, чтобы переломить ситуацию в правоохранительных органах.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощное нытье. Все это заканчивается постыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов, нацеленными на то, чтобы унизить и наказать Россию.

ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА*

Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственные действия основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. На самом деле такого смысла нет ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению. Самоопределение, особенно для этнических групп, — это прежде всего право на участие в более широком общественно-политическом процессе. *Сепаратизм в его этническом варианте — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение есть всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение.*

Ошибкой идеологии и практики посткоммунистических трансформаций было неразличение задач демонтажа несостоятельной политико-идеологической системы СССР и задач улучшения правления и урегулирования противоречий в многоэтничных сообществах. Этнонационализм, в том числе в форме явочной сецессии, был неосмотрительно принят в союзники демократических преобразований, несмотря на свою утопичность и плохой послужной список в человеческой истории.

* Газетный вариант опубликован под тем же названием. См.: Независимая газета. 1999. 28 июля. С. 8.

Причины сепаратизма

Образование современной системы государств, в том числе и на основе бывших колониальных империй, произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. Каждый раз борьба политических активистов или вооруженных группировок от имени этнических групп за выход из существующих государственных образований и создание новых государств заканчивалась кровавыми конфликтами и массовыми насильственными перемещениями населения. Фактически ни один случай вооруженного сепаратизма не закончился достижением политической цели. Там, где сепаратизм существует только в политической форме, его сторонники десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения на разрушение общего государства.

Что касается распада СССР, то он произошел и был признан международным сообществом не потому, что некие этнические общности реализовали право на самоопределение, а потому, что имело место согласие правящих элит на упразднение государства (вернее, существовавшей политической системы) на основе состоявшихся референдумов среди населения вновь возникших государств. Кстати, в этом смысле все участвовавшие (и даже голосовавшие против независимости) в референдумах не латыши и не эстонцы являются равноправными создателями государств Латвии и Эстонии, и они были исключены из гражданства противоправно. Последнее оказалось возможным только по причине политической растерянности и обмана "нетитульного" населения новых государств, а также благодаря внешней поддержке невиданного по своим масштабам нарушения прав человека во имя скорейшего геополитического развода между Прибалтикой и остальной частью бывшего СССР. Западные стандарты спокойно выдержали беспрецедентный случай, когда большинство населения столицы государства Латвия перестало быть гражданами своей страны из-за этнического происхождения.

Хотя легитимность Беловежских соглашений и республиканских референдумов вызывает до сих пор много споров, распад СССР стал свершившимся фактом. Население бывших 15 союзных республик обрело государственный суверенитет и легитимные власти. Самоопределились многоэтнические гражданские нации, а не просто этнические казахи, литовцы, русские, украинцы, эстонцы и прочие, хотя риторика этнонационализма, под лозунгами которой шла политическая мобилизация за независимость, сохраняет свои позиции почти во всех постсоветских странах. Аналогичный по сути процесс, только в сопровождении более разрушительных конфликтов и с большей

долей внешних воздействий, произошел и в СФРЮ, которая распалась на пять государств со сложным составом населения.

Однако чем больше увеличивается число вновь возникающих государств, тем больше становится сторонников сепаратизма и самоопределения отдельных этнических групп. Ибо известно, что чем больше государств, тем больше меньшинств (а не наоборот!), ибо каждые новые границы создают разделенные общности и в каждом новом государстве культурное многообразие порождает новую групповую отличительность по отношению к новой доминирующей группе. "Многонациональность" как идеологическая основа сепаратизма появляется не там, где этническое разнообразие в изобилии, а там, где среди меньшинств есть достаточное число образованной интеллигенции и политических активистов, желающих стать доминирующим большинством (на языке сепаратистов — добиться "национального освобождения"). В этом смысле социалистические страны создали прекрасный материал для сепаратизма, положив с саморазрушительной декларативностью этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств ("социалистических наций"). Незадолго до распада Югославия была признана экспертами ООН как одно из самых примерных государств с точки зрения обеспечения прав меньшинств. Да и СССР выглядел с этой стороны более чем пристойно, если не считать сталинских депортаций и антисемитизма.

Вполне естественно, что попытки продолжить дезинтеграцию обруганных "многонациональных империй" инициировали лидеры бывших "двойных меньшинств" (армяне в Азербайджане, абхазы и южные осетины в Грузии, чеченцы в РСФСР, албанцы в Сербии). Эти попытки встретили жесткое противодействие со стороны властей новых государств. Однако сепаратизм оказался столь привлекательным и внешне простым способом решения противоречий для многоэтничных государств, что в ряде случаев ему удалось мобилизовать внутренние и внешние ресурсы и довести дело до разрушительных вооруженных конфликтов. Эти конфликты затронули постсоветские государства (Россию, Азербайджан, Молдову, Грузию), новую Югославию, Боснию и Македонию.

Свою долю в эскалацию сепаратистских конфликтов на уровень настоящих войн внесли сами государства и национализм шовинистического толка, а также оказавшиеся за пределами "исторической родины" местное население и военные. Абхазия — яркий пример того, как шовинизм грузин и позиция местных русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства.

Явочный распад СССР и СФРЮ породил проблемы обустройства новых многоэтнических (на советском жаргоне — “многонациональных”) государств, в которых, вполне естественно, появились свои меньшинства. В ряде ситуаций последние действительно почувствовали угрозу со стороны новых властей, исповедовавших часто крайние формы этнонационализма от имени титульных наций. Естественную тревогу не могли не вызывать лозунги типа “Грузия для грузин!” или политика языкового национализма и выталкивания нетитульного населения из власти и процессов приватизации. Кое-где, как, например, в Грузии и Югославии, были сделаны попытки силой упразднить уже существовавшие формы внутренних этнотерриториальных автономий.

Это были грубые ошибки новых властей, хотя не менее грубыми просчетами являлись установка на безграничную суверенизацию и утрата государственного контроля над армейскими арсеналами, как это произошло в России, когда воинственный сепаратизм в Чечне получил вооружения на целую армию. Аналогичные ошибки в отношении сепаратизма допустили в свое время и другие страны.

Драматичная и запутанная история сепаратизма не отменяет единственно правильной политики в современном мире — это мирное урегулирование внутренних конфликтов, связанных с жизнью многоэтнических сообществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признанием императива многокультурности. Все проблемы — от Карабаха, Абхазии, Чечни до Косово — можно и нужно было решать через мирные и демократические процедуры, через настойчивую политику отстаивания интересов определенных групп и регионов. Как показал опыт Татарстана, именно на этом пути можно было добиться гораздо большего и избежать непоправимых жертв и разрушений.

Более отчаянные головы с опытом работы с древними рукописями (Владислав Ардзинба и Левон Тер-Петросян) или занимавшиеся писательством (Зелимхан Яндарбиев, Ибрагим Ругова) предпочли мятеж. В ответ на этот вызов нашлись не ведающие компромиссов и не жалеющие жизни своих граждан президенты (З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе, М. Снегур, Б. Ельцин, С. Милошевич) и министры обороны (Т. Китовани, П. Грачев), которые стали восстанавливать “конституционный порядок”. Виноваты те и другие.

Недавние расчленения государств под напором периферийной сецессии (или инициированные Центром) позволяют сделать вывод более глубокий, чем метафора о неизбежности “распада империй” и “триумфа наций”. Этот вывод-урок касается всей современной системы государств и их общей озабо-

ченности по поводу "мира с (бес)порядком". Фактор политизированного исторического детерминизма важен, но еще более значим и научно историчен вывод о том, что *признание новых государств в уже огосударствленном мире не должно происходить поспешно. Тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада и если остаются меньшинства, выступающие против раздела.* Тогда необходимы серьезнейшие аргументы в пользу того, что новое государство действительно состоялось и что через подлинное самоопределение это ведет к благу разводящихся сторон. Поспешное же признание без такой уверенности есть признание насилия виновных лидеров и вооруженных сект, которые узурпируют "волю народа". Хельсинский принцип "нет изменению границ силой" не устарел и для нового мира.

Инициаторы сепаратизма

Важно выяснить, что питает современный сепаратизм и что можно ему противопоставить, кроме обличений. Прежде всего вооруженный сепаратизм имеет слишком много заинтересованных и безответственных (а иногда и искренне заблуждающихся) действующих лиц, чтобы избирать мирную и эффективную стратегию в интересах тех, от имени которых, казалось бы, и действуют сепаратисты. Во-первых, инициаторы сепаратизма только на словах выступают радетелями "своего народа", а на самом деле они преследуют узкоэгоистичные цели утверждения себя в качестве "лидеров государств" и создания новых бюрократий, которые надлежит оплачивать "самоопределившимся народам". Цена, которую должны заплатить соплеменники за реализацию проекта сецессии, не важна, ибо сама сецессия провозглашается священным принципом, который не подлежит никаким обсуждениям.

Во-вторых, лозунг достижения независимости сопровождается пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сецессии рисуется в намеренно искаженном виде. В Чечне это называли "народоубийством", "этноцидом" и "колониальным гнетом", при этом используется травма сталинской депортации и проявления дискриминации в отношении чеченцев. Но при этом полностью игнорировалось существование в последние десятилетия довольно процветающей автономной республики (об этом вспомнили только после грандиозных разрушений!). В Абхазии сепаратизм эксплуатирует миф о 2000-летней государственности, которой якобы были лишены абхазы, хотя к этой государственности современные абхазы и грузины имеют очень условное отношение. В Карабахе для самопровозглашенной сецессии ис-

пользовалась советская демагогия о безоговорочном праве этнонаций на самоопределение, мифы о культурном геноциде и антиармянской демографической политике. В Косово сепаратизму служила идея Великой Албании, пропагандистская кампания о притеснении албанского меньшинства сербами.

Объективный анализ не обнаруживает всех этих внешне сильных аргументов. Достаточно сказать, что в Косово в последние десятилетия имели место интенсивное хозяйственное развитие, грандиозный рост образования и культуры (около 10 тыс. выпускников вузов ежегодно!) и заметный рост уровня жизни, что и составляет главный интерес людей. Примерно такой же была ситуация в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Чечне. Однако пропаганда воздействует на население, и оно перестает видеть позитивные стороны в своей жизни, равно как и другие варианты решения имеющихся проблем, кроме единственного, к которому призывают вооруженные активисты, — "борьба за свободу" (имеется в виду за собственных начальников). Миф об "освобождении от гнета" становится морально и политически единственно приемлемым, и вырваться из его авторитарно-жестких объятий простому человеку очень трудно.

Приходится делать вывод: *часть представителей меньшинств, включая власти и общественных активистов некоторых российских республик, не выдержала экзамен на новое демократическое общежитие.* Под внешне привлекательным, но по сути пустым лозунгом "национального возрождения" началась суэта с исправлением демографической ситуации за счет "репатриации соотечественников" и выталкивания русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, включая ставший родным для большинства нерусских россиян русский язык, раздача постов и привилегий для соплеменников, низкие спекуляции вокруг обмена лояльности на федеральные финансовые субсидии.

Означает ли это необходимость более жесткой линии в отношении нерусского населения страны? Безусловно, нет. Россия сильна своим многообразием. Означает ли это конец унижающих достоинство и развращающих преференций и особых коллективных прав в ущерб правам граждан и равноправия? Видимо, да. *Судьба СССР и Югославии должна стать уроком не только несостоятельности их политико-идеологических систем, но и серьезной ущербности так называемой национальной политики, т.е. государственной политики преференций в отношении меньшинств, включая "свою" государственность.* Когда-то покойный Эрнест Геллнер, крупнейший европейский обществовед, привел в разговоре со мной единственный аргумент в пользу раздела Чехословакии: "малое — это прекрасно

(small is beautiful)". Сейчас, после Чечни и Косово, я серьезно сомневаюсь в достаточности этого аргумента в пользу этнически мотивированной сецессии.

Ресурсы сепаратизма

Сепаратисты навязывают свою волю через силу и принуждение остального населения, которое обычно живет в мире с представителями различных этнических групп и которое волнуют больше проблемы обустройства принадлежащих им земельных участков и домов, а не отвоевание территорий неизвестно у кого и для кого. Свою силу сепаратисты обретают через оружие и экстремистские организации, в которые рекрутируются молодые мужчины, готовые добывать средства существования и утверждать свое достоинство автоматом Калашникова, а не рутинным трудом. Рекруты сепаратизма в небогатых (а часто и в богатых) обществах с ослабленной государственной властью и с кризисной экономикой всегда находятся в достаточном количестве. Через автомат и простенький лозунг "это — наша земля!" гораздо легче добываются машины и квартиры. Это делается через изгнание чужаков-"оккупантов", когда не надо трудиться на сезонных строительных работах, как это было при "колониальном гнете" чеченцев. *Именно оружие и создание групп комбатантов, забросивших мирный труд в пользу военного промысла, позволяет сепаратистам бросать вызов государственной машине.*

Видимо, пришло время осознать, что повешенное на стену ружье стреляет не только в последнем акте. Попавшее в руки граждан оружие оказывается основным условием превращения политического лозунга сепаратизма в открытое насилие, совладать с которым крайне трудно, а изъять оружие еще труднее. Как скоро неработающие молодые мужчины в Чечне перестанут носить с собой автоматы, сегодня сказать действительно сложно. Но, видимо, все останется по-прежнему до тех пор, пока усилиями всей страны им не найдут более достойное занятие и пока их не принудят бросить оружие. В Косово ситуация будет аналогичной. Карабах и Абхазия уже давно представляют собой больше военные гарнизоны, чем гражданские сообщества.

Сепаратизм питает внешняя диаспора, которая всегда склонна оказывать эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на "исторической родине". Тем более, что большинство симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются.

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в США и Германии, ведет себя еще более определенно,

снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое-где диаспора, имея высокий статус в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сецессии и влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорами в Турции и Иордании.

Карабах, Косово и отчасти Чечня показали, что диаспора, особенно образовавшаяся уже в ходе конфликта, узурпирует этот конфликт и право на выражение "воли народа" и манипулирует конфликтом на расстоянии. Бывает, что вынужденная диаспора настроена на мирный исход из конфликта и осуждает вооруженный сепаратизм (ведь именно из-за этого и придется покинуть родные места). Таковы настроения значительной части чеченской, абхазской и армянской диаспор в России. Не разделяют воинственности вооруженных сепаратистов и многие косовары, хотя они вынуждены покинуть родину под силовым и пропагандистским воздействием. Но чаще дело обстоит по-другому: диаспора, несущая в себе травму и ненависть, давние или свежие обиды, хочет отомстить силами сражающихся сыновей или внуков.

Современные диаспоры столь мощны, что могут прекратить конфликт, а могут вести его десятилетиями, обеспечивая воюющие стороны деньгами и поддерживая политически. Пример — тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая финансирует (1 млн долл. в месяц!) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри-Ланке уже более 20 лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие также отчасти за счет средств диаспоры. Один из американцев, сам ни разу в Чечне не бывавший, открыто объявлял по телевидению, что отправил 10 тыс. долл. на помощь ведущим борьбу за свободу "своей исторической родины". Правительство США, только что принявшее закон о борьбе с терроризмом, не реагировало на это и подобные заявления. Российский МИД тоже промолчал. Считается естественным, что граждане с "корнями" в других странах могут вмешиваться в дела этих стран, часто не зная языка и ни разу там не побывав. В Косово американские граждане албанского происхождения фактически открыто участвовали в вооруженных действиях на территории Югославии. Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих десятилетий, то получается, что самая могущественная страна мира является откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме насильственных (вооруженных или террористических) дейст-

вий против легитимных стран и правительств. Все это противоречит национальным законам и международному праву. *Видимо, необходимы особые государственные меры и международные механизмы, которые ограничивали бы внешнее вмешательство через диаспорное население, начиная от неоправданного участия в выборах и кончая поставкой оружия и добровольцев. Какие-то национальные и международные меры необходимы на территории таких стран, как, например, США, Великобритания и Германия, где состоятельные иммигрантские общины с ведома или без ведома правительств стран пребывания осуществляют политику вмешательства и дестабилизации в отношении стран исхода.*

Крах идеологии меньшинств

Сепаратизм использует международную озабоченность нарушениями прав меньшинств в современном мире. Сами дебаты по этим проблемам и соответствующий корпус международных деклараций и конвенций были в последние два – три десятилетия инициированы активистами движений малочисленных аборигенных народов и иммигрантских меньшинств. Ученые-гуманитарии, занимающиеся изучением культурного многообразия человечества, долгое время выступали лоббистами и организаторами движений меньшинств. Именно они часто приезжают в местные сообщества и своими неоправданными обещаниями и громкими заявлениями для внешнего мира дестабилизируют межэтнический мир и политическое согласие, а также подрывают лояльность государству. Именно они осуществляют разные “миссии по установлению фактов” и руководят международными неправительственными организациями в защиту меньшинств. Среди таких специалистов попадаются и откровенные авантюристы типа господина Ван дер Пратта, руководившего Организацией непредставленных народов и наций. Известны случаи, когда представители научного мира откровенно вовлекались в вооруженную борьбу сепаратистов против государства (например, англичанка Мария Броксап-Бенигсен в Чечне и Дагестане, американец Морт Абрамович в Косово).

Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма – это скорее аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования. В случае глубоких разногласий и конфликта по крайней мере более реалистичной представляется возможность существования общества-государства с параллельными структурами (пока новое поколение политиков не найдет формулы при-

мирения), чем деление государств. Последняя процедура не устраняет конфликт, а превращает его в межгосударственный, который разрешать еще труднее. Наивно верить, что отделение Чечни от России, Абхазии от Грузии или Косово от Сербии приведет к появлению добрососедских государственных образований.

Поддержка меньшинств только по определению ("мы — такие маленькие", "наша культура гибнет", "нас все время притесняют") несостоятельна. Современные меньшинства чаще всего обладают таким же или даже лучшим социальным и политическим статусом, чем большинство, а в ряде стран они выступают в качестве господствующего меньшинства, по крайней мере на уровне автономий (Адыгея и Башкирия в России, Абхазия в Грузии до изгнания из нее грузин). *Меньшинства столь же часто иницируют насилие, что и господствующее большинство.* Фактически все наиболее разрушительные конфликты в посткоммунистическом мире были инициированы меньшинствами, по крайней мере на стадии самопровозглашаемой независимости и создания незаконных вооруженных формирований.

Мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии "прав меньшинств" и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но, кажется, *наступает другое время — время не только защиты притесняемых меньшинств, но и защиты большинства от радикализма и агрессивности меньшинства.* Последнее иногда обладает более широкими возможностями, чем большинство, для навязывания собственного сценария. В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказались мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий "досоопределить" Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего "цивилизационного пространства") и экспертно-информационное сообщество, замороженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра. В случае с Косово на стороне косоваров (опять же не населения, а воюющих комбатантов и активистов-лидеров) оказались самые мощные в мире военные и пропагандистские ресурсы: НАТО и телекорпорации CNN и BBC.

Кстати, мир уже начал менее одномерно относиться к проблеме меньшинств, а Запад незаметно перенацелил основную деятельность в этом направлении исключительно на страны бывшего СССР и на восточную Европу, особенно Югославию и Россию. Возможно, такие страны, как Индия, Китай, Пакистан, Великобритания, Испания, Канада, поступают правильно, не допуская внешних манипуляций с собственными меньшинст-

вами, включая очаги внутреннего вооруженного сепаратизма. Ни одна западноевропейская страна не допустила комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств М. Ван дер Стула на собственные территории.

В 1970-е годы, когда я проводил исследования в Квебеке, канадская полиция буквально следовала за мной по пятам ежедневно. На Гавайях моя встреча с активистами движения "Гавайская нация" в 1983 г. едва не кончилась неприятностями с властями. В США сепаратистов (техасских, гавайских и прочих) без всяких оговорок сажают в тюрьму, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестоким образом. В России быстрое утверждение внешней открытости привело к образованию своего рода серых зон, особенно на Северном Кавказе, куда устремились сочувствующие меньшинствам романтики и откровенные авантюристы со всего света, неся свои утопические рецепты или чемоданчики с долларами для оплаты антигосударственной деятельности.

Сепаратизм как новая геополитика

Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии. Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после первой мировой войны В. Вильсон, Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж, ползая по физико-географической карте, "самоопределяли" народы Юго-Восточной Европы или когда в период второй мировой войны И. Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Теперь настала пора победителей в холодной войне навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ.

Как показывает опыт Югославии, несостоятельность и разрушительный характер самого принципа "компенсируется" кабинетными прожектами создания государств, которые подкрепляются бульдожьей хваткой дипломатов типа Р. Холбрука и военной мощью "миронавязывателей". Что будет с этими государствами и их границами через одно — два поколения, это не так важно. Важно другое — продиктовать волю и реализовать идеальные, сложившиеся в головах экспертов и политиков проекты для людей, которые живут за тысячи миль.

Безответственный энтузиазм новых переделывателей мира столь велик, что они не гнушаются двойственностью подходов и намеренными фальсификациями. Геополитически невыгодный сепаратизм не поддерживается и даже осуждается (будем

бомбить и Грузию, но только не Тбилиси, а Сухуми!). Отвечающий "антиимперскому" настрою и установке на наказание избранной жертвы (Сербия, Россия) соответствующий сепаратизм (косовский и чеченский) всячески поощряется и поддерживается как отдельными государствами, так и "международным сообществом" в лице постоянных зрителей CNN.

Чечня и Косово не стали бы столь масштабными трагедиями, если бы это же самое международное сообщество вовремя сформулировало свои сигналы не в виде резолюций, осуждающих "агрессию России в Чечне" и "агрессию Сербии в Косово". В последнем случае подобная фразеология стала поощрением вооруженной сецессии и подрывом государственности, без которой в любом случае наступает общественный хаос и которую не могут заменить никакие международные структуры и инструменты.

Пришло время сделать фундаментальный исторический вывод из последних событий: человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального преуспевания людей, чем государства. Интеллектуальные дебаты об отмирании государств, квазигосударствах и т.п. на самом деле маскируют утилитарную цель — ослабление или даже разрушение одних государств для усиления других. Если существует действительная заинтересованность в "международном мире", тогда не следует спешить консультировать боевиков из Армии освобождения Косово, как это сделал бывший президент Корпорации Карнеги за международный мир американец Морт Абрамович. Не стоило спешно водружать флаги абхазских и чеченских сепаратистов над штаб-квартирой Организации непредставленных народов и наций в Гааге. У абхазов и чеченцев было более чем достаточно представительства, но не было ответственности и опыта пользования им. *Поэтому усилия должны быть направлены на обучение политиков и общественных активистов тому, что люди, исповедующие разные религии и говорящие на разных языках, должны жить в общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти (а не страны!), не изгоняя никого из собственных домов и не перекраивая границы.*

Еще одним историческим уроком сепаратизма становится вывод о слабости силы и о непоследовательности ее применения в разрешении конфликтов. Косово еще раз продемонстрировало, что демократия и мир — не одно и то же. Ясно и другое — никакие гуманитарные акции и международные миротворческие операции не заменяют государства и общества в разрешении собственных конфликтов. Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники имеют свои и часто достаточно узкие интересы. По-

этому поспешная приватизация конфликта внешними участниками — это тупиковая стратегия, которая опасно трактуется как некий новый порядок в предотвращении и урегулировании конфликтов.

После демонстрации опасных метаморфоз современного сепаратизма и еще более опасных манипуляций вокруг него будет справедливым, если государства с многоэтническим составом населения примут дополнительные меры для обеспечения собственного суверенитета и целостности. Это может означать определенное ограничение политики коллективных прав и преференций для особых групп населения. Во всяком случае после Чечни и Косово трудно представить себе ситуацию, когда бы появлялись новые этнотерриториальные автономии в составе федеративных государств. *Доведенная до абсурда тотальных бомбардировок борьба Запада по защите меньшинств в итоге дала обратные результаты.*

Как бы ни закончилась операция НАТО "по предотвращению гуманитарной катастрофы", война на Балканах и неурегулированные конфликты на территории бывшего СССР — это реквием по сепаратизму. Защитив существующие государства, от Китая и Индии до России, Югославии и стран Африки, и отвергнув вооруженный сепаратизм, который угрожает не только этим странам, человечество сможет спокойнее вступать в новую эпоху. Противоположный вариант "нового порядка" просматривается с большим трудом, ибо он беременен новыми циклами насилия. Сепаратизм несет разрушения и культурную деградацию большим и малым народам Земли, во имя которых, казалось бы, и осуществляется новое миронавязывание.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ*

О некоторых тенденциях в странах СНГ и Балтии

В сложных по этническому составу населения государствах бывшего СССР проблемы межэтнических взаимодействий и конфликтов всегда будут одними из наиболее трудных, причем не по причине изначальных антагонизмов между проживающими в общих государствах различными этническими общностями, а из-за неадекватного государствоустройства, плохого управления или намеренной мобилизации этнического фактора в политических, конфликтных целях. Наш анализ показывает, что в постсоветских странах сохраняется высокий уровень взаимодействия и сотрудничества представителей разных народов, а также интенсивные контакты и духовные связи бывших граждан исторического российского государства и СССР. Конечно, культурная дистанция и политико-идеологические расхождения между государствами бывшего СССР все более возрастают, а прямые человеческие отношения сокращаются по причине границ и верхушечной пропаганды отчуждения. Этому способствуют экономические трудности и политическая нестабильность в ряде стран, а также внешние воздействия в рамках геополитических соперничеств, когда огромные ресурсы вкладываются в недопущение какой-либо реинтеграции в рамках бывшего СССР, особенно если в этом процессе проявляется ведущая роль России. Наиболее примечательным в этом плане является трудный процесс государственного объединения России и Беларуси, когда на, казалось бы, безусловные преимущества такого объединения находятся контраргументы и силы противодействия.

* Работа написана в марте 2000 г. для ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов за 1999 г.

В наши задачи не входит анализ политических и экономических процессов в постсоветских странах, но хотелось бы отметить, что особенно после прихода к руководству в России В.В. Путина произошли позитивные переоценки, в том числе и роли самого СНГ за годы существования Содружества и его будущих перспектив. Однако нас прежде всего интересуют социально-культурные тенденции и массовые установки людей, а также проблемы так называемых национальных меньшинств и новых диаспор. В этой сфере не произошло радикальных изменений. Все страны продолжают строить национальные государства от имени "титულных" этнических общностей и держать остальное население в статусе не членов нации или даже не граждан этих государств. Эта политика этнического исключения, даже если она официально в некоторых странах называется "политикой интеграции" (а фактически ассимиляции или непризнания особого группового статуса), стала основным внутренним вызовом существующих новых гражданско-политических сообществ. Эта же политика препятствует разрешению ранее случившихся насильственных конфликтов, хотя у этих конфликтов уже накопилась своя логика трудных противоречий и антагонизмов, поскольку это связано с гибелью людей, разрушениями и изгнанием населения из мест своего проживания.

Ни одно из новых государств за пределами России не смогло пока одержать верх на силами радикального этнического национализма, противопоставив ему формулы общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а культурно отличительным общностям давали бы гарантии сохранения их культуры и справедливого участия во всех сферах общественной жизни. Ни одно из государств не пересмотрело в спешке принятые в начале 1990-х годов основные законы и другие положения в сторону признания хотя бы официального двуязычия, и русский язык остается "наказанным языком", хотя на нем продолжают говорить дома и на работе не только большинство политических лидеров новых стран, но и огромные массы населения.

Степень политической организованности и знания своих основополагающих прав среди постсоветского населения остается низкой, а его способности повлиять на изменение положения — ограниченными в силу или авторитарных режимов, или коллективной авторитарности так называемого титульного населения, интересы которого все еще часто представляют воинствующие радикалы. В самые последние годы мы наблюдаем новые формы ответного поведения "иноэтничного" населения в постсоветских государствах. Одна из них наметилась в Лат-

вии и Эстонии, когда часть так называемых русскоязычных вполне определенно взяла курс на изучение официальных языков и намерена интегрироваться в местные гражданские сообщества, включая обретения гражданства, несмотря на имеющиеся препятствия.

Будет ли это означать ассимиляцию русских, украинцев, белорусов, евреев и других с превращением их в латышей и эстонцев, сказать трудно. По крайней мере для нынешнего поколения скорее возможен вариант *неассимилированного двуязычия и сохранения собственной культурной идентичности наряду с гражданской лояльностью*. Ассимилировать такое большое число представителей таких больших культур, как, например, русская или украинская, латышам и эстонцам едва ли удастся, учитывая к тому же соседское существование основных массивов носителей этих культур в России и на Украине. А это означает, что рано или поздно нанесенные обиды и нынешние унижения могут стать причиной более радикальных действий и требований, включая открытые конфликты. Виной тому будут недальновидная политика и надменность тех, кто сегодня безраздельно правит в "своих" государствах, и тех, кто в стремлении быстрее дистанцировать страны Балтии от России закрывает глаза или просто нежно журит за нарушения прав больших групп населения. Только в страшном сне можно представить себе ситуацию, что по улицам Риги молодые латыши будут гулять в натовских формах, а большинство таких же молодых рижан по причине "русскоязычности" не будут даже иметь паспортов государства, где они родились и выросли. А если они и будут иметь такие паспорта, то захотят ли они служить в такой армии? Будущие конфликты нужно уметь видеть и избавляться от мышления и поведения бывших советских меньшинств, неустанно разоблачая "угрозы со стороны России".

Другая тенденция с новыми диаспорами наметилась в таких странах, как Казахстан, где русские, утратив представительство в органах власти и подвергаясь бытовым унижениям, избирают вариант исхода, ибо ассимилироваться в казахов они при всем желании не могут по причине больших культурных и расовых различий. Руководство страны вяло внедряет идею казахстанскости и общего государства всех граждан, вынуждая людей уезжать (особенно из южных областей) в Россию или в Германию. Страна все больше оказывается расколотой по этническому принципу и в географическом плане. Перенос столицы никак не помог, а только обнажил проблему. Если в северных промышленных городах случается забастовка русских казахстанцев, а ей противостоит пикет из одних милиционеров-казахов, рано или поздно открытый конфликт неизбежен.

Русское население севера Казахстана (как и северо-востока Эстонии) вполне может сформулировать политический проект внутренней автономии или даже сецессии, особенно если в России поправится экономическое положение и молодым призванникам не будет грозить служба на войне в Чечне. Об этой возможной ситуации также следует думать заранее, и исправлять положение необходимо как можно быстрее прежде всего в национальных (казахстанских, а не казахских!) интересах страны. Официальное двуязычие и элементы федерализма здесь смогут сыграть огромную позитивную роль, и никакой угрозы суверенитету Казахстана и казахской культуре они не несут.

Непростая ситуация складывается и на Украине. С одной стороны, в этом государстве имеется одна из наиболее компетентных правящих элит (если не считать общей беды — коррупции), которая в целом справляется с управлением сложной страны, имея в виду ее огромные этнические, религиозные и региональные различия и противоречия. С другой — антироссийский синдром и проблема русскоязычного Крыма направили почти всю энергию этнической политики и получаемые внешние ресурсы по линии миграционных организаций на проблему собирания крымских татар в Крыму. Последние и без того недостаточно устроены, и только недавно значительная их часть получила украинское гражданство, но уже выполняются проекты по стимулированию новых переселенцев из Узбекистана, где крымские татары достаточно неплохо интегрировались в течение уже нескольких послевоенных поколений. Фактически в Крыму закладывается этническая бомба тройного противостояния при новом внешнем игроке — Турции, и этого не могут не видеть ответственные политики.

Украинская гражданская нация может состояться (собственно говоря, она реально существует) только на основе украинско-русского культурно-языкового симбиоза, а не этнической "украинизации". Такова уж историческая ситуация, что украинцы в России ассимилируются в русскую, точнее в российскую русскоязычную культуру, а русские на Украине (так, кстати, происходит с носителями всех мировых языковых систем) не ассимилируются с украинцами, хотя более широкое распространение двуязычия среди русских в этой стране не только возможно, но и необходимо. Только с утопией насчет культурно-языковой паритетности между двумя странами ("сколько у вас детских садиков на украинском, столько и у нас на русском"?!) следует расстаться. Это — пустая трата интеллектуальных и других ресурсов обеих стран, что, однако, совсем не означает отказ в поддержке украинской культуры и украинской культурной автономии в России, начиная от Белгорода и кончая Дальним Востоком.

Если говорить о мерах улучшения государствоустройства Украины, то, видимо, это прежде всего отказ от категоризации русских как "национального меньшинства" (это же полезно сделать в Казахстане и Латвии) и переход к формуле равнообщинного государства. Опять же неизбежно официальное двуязычие и даже федерализация, чтобы сохранить единство страны и избежать будущих конфликтов.

В Закавказье (на южном Кавказе), если не касаться сложнейших ситуаций карабахского и абхазского конфликтов, складывается совсем странная ситуация. Верхи продолжают упорную линию на западную ориентацию, включая члена НАТО — Турцию. К их пользе состоялись важнейшие международные решения по нефтяным и военным проектам и на Стамбульском саммите в 2000 г. Но гуманитарно-культурная ситуация развивается в обратном направлении. Массовая трудовая миграция из всех трех стран в Россию (до трети самодельного населения) делает заработки мигрантов основным источником жизни значительной части населения этих стран, и таковым положение останется в будущем, ибо доходы от нефтяных проектов достанутся только малой верхушке этих обществ. Грузинское, армянское и азербайджанское культурное производство также в значительной мере осуществляется на территории России. Наметилась тенденция к восстановлению научных и других гуманитарных связей интеллигенции. Англоговорящие и работающие на западных грантах по антироссийской повестке интеллектуалы составляют ничтожное меньшинство, но и многие из них сегодня готовы к более широкому сотрудничеству, включая и Россию. *Возможно, наступил момент серьезных корректив в политике верхов, чтобы не углублять сложившийся в последнее десятилетие разрыв с Россией и не отказываться от полезных новых связей в более широком мире.* Здесь есть над чем потрудиться и в самой России по части демонтажа уже укоренившегося комплекса антикавказских фобий.

Основной внутренний вызов России

Основной внутренний вызов российскому государству заключается в вялом утверждении нового образа страны среди населения, в отсутствии в необходимой степени общеразделяемой гражданской идентичности россиян, чувства гражданской ответственности и патриотизма. В стране на уровне политиков, этнических активистов и экспертов до сих отвергается существование многоэтничной гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость

рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина "многонационального народа России", а не "многонародной нации", что было бы гораздо точнее. Государство до сих пор не оформило свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов по причине конфликта вокруг предшествовавшей практики фиксации государством этнической идентификации граждан (так называемой национальности). Новый президент должен завершить эту неприличную канитель, предусмотрев возможность исполнения текста паспорта на нескольких языках наряду с русским.

Авторам законов о гражданстве в отдельных республиках следует поумерить свой задор и подумать лучше об интересах российских граждан в республиках. В Татарстане вообще заготовлен законопроект о 10-летнем центре оседлости для приобретения республиканского гражданства. И это в рамках одного государства, когда в республику могут приезжать и уезжать специалисты разных национальностей — производители высококлассной и высокодоходной техники, а право на землю и на голосование будет записано прежде всего за сельским татаринном. Откровенно говоря, эта периферийная националистическая суета уже начинает надоедать уставшей стране, и следует хорошенько задуматься о более общих и земных интересах граждан, чем перевод языковой графики на латиницу, когда большинство татар говорит на русском языке.

В этой связи важнейшим направлением государственностроительства на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как *национального государства* с многоэтническим составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государственностроительства, которой следуют все страны мира от Англии и Испании до Индии и Китая. Вернее, ей следуют все страны Организации Объединенных Наций, из которых, пожалуй, только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах.

Конституционно-правовая основа и административное устройство

Конституционно-правовая основа новой России и устройство власти подверглись радикальным изменениям и продолжают находиться в процессе становления. Хотя административно-государственное устройство и его идеология были заимствованы от РСФСР, в России впервые утверждается наиболее оптимальный для крупного и со сложным со-

ставом населения государства принцип — федеративное устройство с наличием этнотерриториальных автономных образований в рамках федерации. Это есть одна из форм внутреннего самоопределения населения части регионов страны, где сосредоточены основные культурно отличительные группы населения.

Федерализм в его гибких и несимметричных формах должен сохраняться и может послужить укреплению государственности в ближайшее десятилетие при выполнении ряда условий доктринального, правового и политического характера. Среди этих условий такие, как коррекция местных конституционных и других правовых текстов в пользу общегражданского равноправия, отход от этнического национализма и признание федеральной властной вертикали. В свою очередь, предстоящее десятилетие должно быть использовано для реформы федеральных органов власти и коррекции федеральной конституции, которая вобрала бы в себя возможный общий минимум из практики договоров с субъектами федерации при одновременной элиминации самих этих договоров.

Принципиальным вопросом конституционных основ федерализма применительно к центральной власти является характер высшей палаты парламента. Наличие параллельного губернаторскому корпусу выборного корпуса представителей субъектов федерации представляется осуществимой задачей, которая укрепляет общую систему и взаимозависимость федеративного устройства страны. Как осуществить эту сложную процедуру, не ослабляя высшую власть и не удорожая ее дополнительным отрядом высших управленцев, может быть предложено экспертами и самими политиками.

Самостоятельный вопрос — это административное устройство. Если федеративный принцип является оптимальным и требует только коррекции и развития, то само деление страны на субъекты федерации отражает частично историческую традицию, частично хронику партийных решений в связи с осуществлением хозяйственных или идеологических проектов или результат лоббирования старых и новых лидеров (пример первого Липецкая область, второго — Еврейская автономная область, третьего — Санкт-Петербург). Часть административной структуры досталась от советских времен "национального строительства", а именно, автономные округа для народов Севера и Сибири, которые в период хаотического переустройства и кризиса центральной власти в начале 1990-х годов обрели статус равноправных субъектов федерации, одновременно утратив свою подлинную суть как форма представительства коренных малочисленных народов. Последние выборы в Государственную думу еще больше сузили представительство не

только коренных народов, но даже местного населения в целом по причине делегирования столичных политиков.

В ближайшее десятилетие необходимо провести административную реформу в направлении оптимизации управления страной за счет сокращения числа субъектов и других мер, но осуществить ее будет крайне сложно по причине существования мощных местных бюрократий с огромными личными и групповыми интересами. При низком уровне гражданского сознания и слабой подконтрольности бюрократии налогоплательщикам власти субъектов могут мобилизовать ложные формы местного патриотизма и солидарности и не позволить упразднение или реконфигурацию субъектов федерации. Однако реформа возможна через демократические процедуры, удовлетворение частных и групповых интересов, и к общей пользе государство будет иметь эффективное и не столь мозаичное управление страной. В любом случае в отношении малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока необходимо поменять принцип "национальных автономных округов" на создание и поддержку самоуправляемых местных общин, ведущих традиционное хозяйство аборигенов, с предоставлением особых прав пользования ресурсами и особой государственной поддержкой (опыт других северных стран). Все остальная деятельность на территории округов ничем не отличается от общих правил и должна составлять часть соответствующих, более крупных образований (краев и областей).

Имеет значение вопрос о границах и о возможных реконфигурациях российских республик, особенно на Северном Кавказе, который лоббируется этническими активистами и некоторыми экспертами. Устройство республик (оформление в 1991 – 1992 гг. статусов новых республик из автономных областей с меньшинством "титульного" населения уже назад не вернуть) на сегодняшний день оптимальное, и резких изменений, кроме корректировки их конституционных и других правовых текстов, быть не должно. *Главная задача нового десятилетия – улучшение системы и качества правления, а не изменение границ и статусов.* Здесь ключевой вопрос заключается в обеспечении равного доступа к ресурсам и к власти представителей всех групп населения и мерах по приостановлению оттока русского населения из республик. Вопрос об особом статусе или режиме управления может стоять только для Чеченской республики.

Этнокультурный фактор, национализм и сепаратизм

Общее состояние этнических культур в России достаточно благоприятное, а климат межэтнических отношений на уровне населения характеризуется толерантностью, несмотря на рас-

кол элит по этническому принципу и рост настроений ксенофобии и некоторых экстремистских идеологий и деятельности. В России сохраняются языки и другое культурное своеобразие представителей около ста этнических общностей и в то же время имеется высокий уровень интегрированности в доминирующую российскую культуру на основе русского языка. Положительным явлением стало развитие экстерриториальных национально-культурных автономий (после принятия соответствующего закона 1996 г.) как одной из форм внутреннего самоопределения народов. Эта деятельность должна развиваться при некоторой поддержке государства, но в основном за счет ресурсов самих этнических общин и их самоорганизации. Закон 1996 г. требует некоторой коррекции именно в эту сторону и в сторону деюрократизации системы национально-культурных автономий (убрать деление автономий на федеральный, региональный и местный уровни, допустить множественность образований от имени одной этнической общности, осторожнее выразиться о господдержке).

В перспективе главными представляются усилия по поддержке культурного многообразия населения страны при должном уровне интеграции в общероссийскую социально-культурную общность на основе русского языка. Развитие двуязычия и многокультурности — наиболее оптимальная стратегия для нерусского населения страны и для части русских, проживающих в этнотерриториальных автономиях. Это культурное многообразие будет увеличиваться за счет иммиграции в Россию представителей нерусских народов из других стран бывшего СССР и за счет более высокой рождаемости среди части нерусского населения страны (Северный Кавказ, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья). Одновременно будет уменьшаться доля русского и некоторых других народов страны. Демографически эти процессы регулируются очень трудно, и едва ли эту тенденцию можно и нужно менять (до 1991 г. в российской истории этнические русские никогда не составляли более 51% населения страны), ибо к прочности государства и к его благополучию это не имеет прямого отношения.

Оптимальная стратегия — избегать резких перемен в привычных пропорциях населения на уровне местных сообществ и крупных мегаполисов, а также пространственной этнической сегрегации (этнических кварталов), осуществлять политику культурной и социально-политической интеграции населения, снижать значимость этнической принадлежности граждан, признать реальность существования множественной идентичности ("многонациональности" на уровне личности), отказаться от государственного вмешательства в вопросы этнической идентификации. Перепись населения должна прово-

даться по более современным критериям, с фиксацией сложной этнической принадлежности.

В России сохраняется старое советское отношение к так называемому национальному вопросу, суть которого в жесткой государственной институализации этничности граждан и придании неоправданной значимости этническим общностям как неким базовым социальным группировкам ("народам" или "этносам"), из суммы которых состоит российская гражданская и социально-культурная общность. На этой базе формируется периферийный национализм (национализм нерусских народов), который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма. Именно этот фактор составляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России. Главными инициаторами этого национализма является многочисленная, особенно гуманитарная, интеллигенция нерусских народов. Радикальный национализм меньшинств поддерживается некоторыми представителями российской радикальной демократии как ложно понимаемая форма правозащитной политики. "Этнические предприниматели" из числа местных активистов осуществляют успешную массовую мобилизацию и способны создавать экстремистские группировки, особенно если добавляются лозунги политического ислама или другие экстремистские идеологии. Эта форма национализма получает внешнюю поддержку и симпатии.

Задача государства и общества — окончательно развенчать миф "национальных движений" и "национальных возрождений", который содержит в себе конфликтную мифологию и на самом деле представляет собой способ мобилизации этнического фактора в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Особые меры необходимы в отношении гуманитарной интеллигенции республик и части нерусской интеллигенции в Центре, которые выступают главными "разоблачителями имперской политики" собственного государства на территории собственной страны. Одна из таких срочных мер — переориентация подготовки нерусской молодежи в сторону более полезных для общества и его модернизации профессий (меньше филологов, историков, археологов, этнографов и философов и больше менеджеров, социальных работников, психологов, юристов, управленцев и прочих).

Другое важнейшее направление — это инкорпорация нерусских элит в Центре и придание центру государства (от власти до СМИ) многокультурного облика, чтобы уменьшить степень отчужденности этнической периферии от остального государства и основного населения страны. Здесь огромное поле деятельности, начиная от текстов учебников вплоть до визуальных телеобразов и языков вещания.

В сфере межэтнических отношений особым вопросом является рост русского национализма и в целом ксенофобии среди населения, особенно в отношении выходцев с Кавказа и из Средней Азии. Доктринально неверные установки о некоей "государствообразующей нации", а также дебаты о "русскости" (вымирание, уникальность, величие и прочие) способствуют эмоциональной и политической солидарности некоторой части населения, которое считает себя русскими, но радикально раскалывает страну по основному этнокультурному разделу. Это блокирует развитие общероссийского (гражданского) патриотизма и консолидацию населения во имя задач социального преуспевания и демократического обустройства страны. Как ханьцы — основной народ Китая уступают приоритет в пользу многоэтничной китайской нации, кастильцы — в пользу многоэтничной испанской нации, англичане — в пользу британской нации, так и *этнические русские должны будут (это фактически и существует на уровне обычного сознания) отдать предпочтение российской общности и российскому патриотизму, в котором русский язык и русская культура и без того имеют доминирующий статус*. Именно так обстояло дело в дореволюционной России, когда понятие "великоросс" не имело узкоэтнического смысла, а к *русским* относились все, кто принял православие. Эта важнейшая доктринальная переоценка в пользу российской общности явно затянулась и даже переживает рецидивы движения вспять по части проектов русской нации, но она должна быть срочно осуществлена, пока не сформировалось поколение населения на основе формулы "многих наций", отторгающих российскость как высшую коллективную ценность.

Оценка обществоведческой экспертизы

От оценок реального состояния дел в стране, как и от более общего вопроса образа страны в мире, зависит исключительно многое, в том числе и само положение дел, крепость государства и авторитет власти. В стране имеет место провал обществоведческой экспертизы в отношении содержания и результатов российских трансформаций. Это произошло по причине недостаточного профессионального уровня постсоветского обществознания, деформации его дисциплинарной и организационной структуры, засилья среди ученых бывших служителей пропагандистско-идеологического корпуса, который продолжает во многом задавать тон вместе с новой когортой попавших в разряд "ученых" действующих политиков и администраторов. В стране нет нормального процесса выработки и принятия решений на основе экспертной прора-

ботки. Каждая новая команда в политике разрушает наработки и отрицает результаты деятельности предыдущих, не говоря об оппозиционных силах.

В итоге мы имеем катастрофическое положение с негативной оценкой реальной ситуации, которая на самом деле достаточно иная. Более внимательный анализ итогов российских трансформаций показывает огромные позитивные перемены, которые не осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются. Эти более объективные оценки необходимо срочно использовать в общественно-политических целях, в том числе и для внешнего мира. Российское правительство нуждается в мировой и всесторонней пиаркампании по исправлению собственного образа и образа страны. В современном мире без этого не обойтись.

Необходимы меры по радикальному улучшению обществоведческой экспертизы и экспертного обеспечения государственных органов. Шаманистский стиль экспертов, окружавших некогда Совет безопасности, построенный на разоблачении разных заговоров, нанес огромный вред. Не меньший вред наносит нечуткое отношение экспертного сообщества к внешним и внутренним разработкам, которые имеют явную политико-идеологическую заангажированность, продиктованную спонсорами. Определенный вред наносит деятельность части отечественных специалистов-гуманитариев, выехавших за рубеж, где они занимают наиболее резкие позиции в оценке политики собственной страны и положения дел.

Нужны срочные заказы на исследования, которые имели бы современную теоретическую базу, дисциплинарный профессионализм и практическую ориентацию. Следует заменить стиль анонимных докладных записок ответственными независимыми экспертизами, которые дополняли бы друг друга, а не занимались взаимоуничтожением. Важно вырабатывать политическую и управленческую культуру использования экспертизы в государственном управлении.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Политический смысл дебатов о федерализме

Сегодняшние дебаты по поводу федерализма выявили прежде всего неоднозначное и противоречивое понимание природы самой субстанции. Под словом *федерализм* обсуждаются и конституируются разные процессы и явления: система устройства государства и управления; межгосударственные связи и различные формы интеграции на континентальном (прежде всего европейском) уровне; формы организации и новая институализация культурно отличительных сообществ и некоторые другие процессы. Для исследователя-обществоведа может даже представляться, что *современный федерализм — это процесс и средство перераспределения власти и ресурсов на государственном и межгосударственном уровнях, улаживания противоречий и соблюдения интересов, обусловленных региональной и культурной спецификой*. Другими словами, *федерализм — это прежде всего дебаты и переговоры, а уже потом текст и воплощенные на его основе действия*.

Ситуация в России не является исключением и, наоборот, во многом подтверждает наш тезис. Разговоры по поводу федерализма имеют огромное политическое и символическое значение, возможно, большее, чем сама политическая практика, которая рутинна или же существует безотносительно от дебатов о федерализме. Но как раз она и нуждается чаще всего в добротной экспертизе. Что мы чаще всего имеем на уровне экспертных дебатов? Это может быть обсуждение типов региональных политических режимов или разработка демонтажа асимметричной федерации и переход к симметричной, подразумевающей наличие в ее составе только административно-территориальных единиц без этногосударственных субъектов. Еще большее возбуждение (особенно если закрыть глаза или отвернуться от карты страны) вызывает такая "проблема федерализма", как "досамоопределение" России в пользу "государствообразующего" русского народа через образование рус-

ской республики, выдвинутое в свое время Р. Абдулатиповым со своими соавторами в книге “Федерализм в истории России” и до сих пор обсуждаемое с разных позиций при всей абсурдности самой постановки данного вопроса.

Другое дело — попытаться проанализировать то, что я называю жесткой реальностью, и соотнести эти наблюдения с анализом того, что обсуждают. Т.е. важно не только обсуждение проблем российского федерализма, но и определить, в чем смысл, каковы формы и участники самих этих дебатов, не говоря уже об их воздействии на жесткую реальность. Эта дискурсивная практика российского федерализма не менее интересна и не менее важна для понимания сути проблем. В какой-то мере этот подход определен не только теоретико-методологическими позициями автора. Он был навеян и моими давними исследованиями в области канадоведения 1970 — 1980-х годов. Мне хорошо запомнилась встреча в 1973 г. в канадском парламенте с сенатором Юджином Форси — одним из классиков канадского конституционализма, который сказал: “Канадский федерализм — это прежде всего дебаты, так что, если Вы решили изучать образование канадской федерации, Вам придется иметь дело больше всего со словами”. Юджин Форси оказался прав не только применительно к XIX в., которым я тогда занимался, но и в отношении современной ситуации.

Представляется, что в России этого тонкого различия между *практикой* в ее философском понимании и дебатами по ее поводу не делается, а последним вообще не придается самостоятельного значения, ибо российское обществоведение хорошо усвоило ленинскую “теорию отражения” и глубоко верит в миссию познания объективной реальности. На самом же деле есть ощущение, что российская дилемма “федерализма власти и власти федерализма” как в предшествовавшие годы, так и в новых условиях президентства В.В. Путина во многом обрела роль гигантского магнита, который притянул массу очень разных и специфических вопросов, неразрешимых на уровне глобального унитарного решения.

Сегодня в рамках проблемы федерализма оказалось обсуждение вопросов конституции и права, государственно-административного устройства, бюджетных распределений, властного представительства, этнокультурного самоопределения и политики в отношении меньшинств, местного самоуправления, миграции, геополитических соперничеств и так далее. В такой явно перегруженной смысловой ситуации федерализм начинает казаться или источником всех зол в России, или спасительной панацеей от множества проблем обустройства страны и ее развития. В данной работе речь пойдет о том, как и почему в России сложился и действует ассиметричный федерализм,

обусловленный многоэтничным составом населения государства и политическим этнонационализмом, и каковы проблемы и перспективы этнического федерализма, в том числе в контексте международного опыта федеративных государств.

Тезис "неофеодализации" противников этнического федерализма

Один из известных российских специалистов по федерализму С. Валентей в статье "Три вызова России" в журнале "Федерализм" определяет как "псевдофедералистский" вариант отношений центр — республики, при котором "в течение всего нескольких лет была сформирована экономическая база **феодализации** общественных отношений... Эта псевдофедералистская практика была реализована в рамках пресловутого двустороннего договорного процесса", на местах она зиждется на "этноклановых режимах". Разберемся сначала с ситуацией псевдофедерализма и клановости.

Если говорить о положении дел в областях и краях, то ими правит сложная по этническому составу политическая элита, причем эта сложность в последние годы увеличилась. Едва ли в советские времена первыми лицами на уровне областей и краев было столько представителей нерусских народов, как это сейчас имеет место, но нет никаких данных, что Э. Россель раздает всю собственность российским немцам, А. Тулеев — казахам, Б. Абрамович — евреям, а десяток губернаторов с украинскими фамилиями — украинцам, а с русскими — русским. Да и с кланами не очень получается, ибо даже протекция ближайшим родственникам довольно затруднительна и становится предметом скандалов и, как минимум, общественного осуждения. Таким образом, даже этнический состав первых лиц нельзя характеризовать как принадлежащий к определенной этнической общности, а тем более к клану, не говоря в целом о высших слоях управленцев в "территориальных" субъектах. При всем моем критическом отношении к уровню компетенции российских управленцев и внимательном отслеживании этнического фактора в политике должен сделать вывод, что как *федеральная, так и региональная политическая элита не только многоэтнична по своему составу, но и представляет собой достаточно качественный человеческий материал*. "Гениев", может быть, и немного, но и сказать, что "своим глупцам открыты все двери" (слова С. Валентея), нельзя.

В какой мере власть по этническому или клановому принципу еще и дополняется доступом к собственности, — также вопрос далеко не такой простой, и ответ на него в форме поверхностных заявлений ничего не дает, кроме как элемент по-

литического раздражения. Отношения между властью и правом собственности и распоряжения доходами гораздо более сложны, иначе не было бы всех основных общественных коллизий: политического соперничества, рывка оргпреступности во власть, не только слияния, но и изоляции бизнеса от власти. *В стране на региональном уровне даже больше было сделано успешных бизнес-проектов и личных состояний без участия власти, а именно за счет талантов, энергии и гражданской состоятельности.* Скорее, на уровне федеральном власть и приватизация были связаны более жестко. На этом уровне все делалось масштабнее, решительнее, бесстрашнее и изошреннее, ибо правила устанавливались здесь, а значит, здесь же рождалось и понимание, как их можно обойти. Но в любом случае тезис "феодализации" собственности и доходов требует более осторожного обращения.

Еще меньше подходит тезис этнокланового неофеодализма для автономных округов, где делами заправляют прижившиеся приезжие, а иногда и уроженцы данных мест, но только не те, от имени которых, казалось бы, и были созданы данные этно-территориальные автономии в рамках федерации. Если и можно говорить о некоторых этнических параметрах властного и бизнес-слоя в автономных округах, то нужно назвать традиционное русско-украинско-азербайджанское преобладание в элите регионов с горно- и нефте-газодобывающей промышленностью и соответствующими отраслевыми управлениями (своего рода советские "кланы" на основе неформальных сетей выпускников профильных вузов и по деловым связям с крупнейшими заводами-потребителями). В последнее время в "неофеодализацию" собственности и доходов вмешались молодые новые крупные собственники из столицы и из-за рубежа, а также их молодые менеджеры. Часть их прибрала к рукам и власть (а не наоборот!), как это произошло на Таймыре и на Чукотке. Этнические моменты здесь прослеживаются крайне слабо.

Что касается места автономных округов в реформируемой федерации, то здесь мы продолжаем придерживаться мысли, что, если внешне престижная (с территорию в несколько Франций!) территориальная форма самоопределения превращается в камуфляж на открывшемся рынке природных ресурсов и на рынке демократических процедур властвования, тогда *есть смысл обменять автономные округа на действительно самоуправляемые специально выделенные резервные территории заповедного характера с преимущественным проживанием представителей малочисленных народов и с включением территорий их хозяйственного жизнеобеспечения.*

По сути дела тезис "феодализации общественных отношений" оказывается ограниченным 21 республикой и критика

многих авторов фактически направлена против этого сегмента российского федерализма. Мы уже писали по поводу неоднозначной оценки советского наследия этнотерриториальных автономий и поспешных решений начала 1990-х годов о создании ряда новых республик с титульным этническим меньшинством и со статусом федерального образования — государства. Ошибкой, на наш взгляд, был и вывод автономных округов из состава краев и областей. Однако мы никогда не вставали на позицию демонтажа этнотерриториальных автономий.

К оценке "жесткой реальности" республик

Так есть ли в республиках явления если не феодализации, то хотя бы этнократического правления и предпочтительности представителей титульных этногрупп в вопросах доступа к ресурсам и получения прибыли и других дивидендов, например, от приватизации? Да, действительно, есть, причем зачастую в нетерпимых формах, требующих скорейшего устранения. Но, во-первых, чтобы не пугать всю страну, в том числе руководство и общественность всех республик, следует сказать, что мы имеем разные этнополитические и экономические ситуации, а также разные стили руководства в российских республиках. А отсюда возможен и неодинаковый подход к проблеме, в том числе в вопросах реформирования отношений с федеральной властью.

В ряде республик (Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Мари-Эл, Мордовия, Удмуртия, Хакассия) в силу разных причин (исторических, демографических, социальных, этнокультурных и даже религиозных) представители титульной национальности никак не могут быть отнесены к разряду правящих, независимо они составляют явное меньшинство, как в Карелии, Коми и Удмуртии, или самую большую из этнических групп и даже большинство населения, как, например, в Бурятии, Мордовии или Хакассии. Руководство этих республик, а также состав правящих структур, в том числе и выборных, не носят моноэтнического характера и не построены по принципу этнической избирательности. В Бурятии вполне успешно справляется с обязанностями президента политик русского этнического происхождения, несмотря на попытки радикальных националистов "исправить несправедливость".

Кроме этого, в силу более высокой доли сельского населения среди титульных групп в ряде республик имеет место недостаточное представительство последних, как, например, в Удмуртии или в Республике Алтай. Поэтому не стоит слишком обобщать положение и зачислять в заповедники этнической и клановой "феодализации" субъекты федерации, где этого нет и

в помине. О чем есть смысл говорить и где действительно федерализм обрел некоторые черты "этноклановых режимов", так это группа республик региона Северного Кавказа, Башкирия и отчасти Калмыкия, Татарстан, Тува, Чувашия, Якутия. Я согласен во многом с жестким анализом политической логики и факторов, которые привели к данной ситуации в последнее десятилетие, сделанным в том же номере журнала "Федерализм" в статье Василия Филиппова. Автор справедливо называет среди причин сложившейся ситуации не только роль местных этнонационализмов, созданные в стране конституционно-правовые возможности для узкоэтнических форм самоопределения, но и роль политики бывшего президента Б.Н. Ельцина, проводившего курс умиротворения этнической периферии через сиюминутные политические решения и личные отношения с республиканскими лидерами, закрывая глаза на тревожные тенденции.

Но опять же даже эта группа республик, причиняющая головную боль федеральному Центру и вызывающая озабоченность многих политиков страны, не говоря уже о бытовых настроениях многих граждан, не может рассматриваться как единый в политическом и социальном смыслах этноландшафт. Есть разные динамики ситуации, есть разные политические стили и есть разные проблемы, которые не укладываются в формулы "тотально коррумпированной этнократии". Естественно, по-разному выглядит и сфера распределения собственности и доходов. Опять же не везде иноэтничные "гении" — это изгой, а "свои" дураки в почете и при деньгах.

В Чувашии русско-чувашский этнокультурный симбиоз настолько велик, а высшее руководство явно компетентно и достаточно демократично, что было бы неверно проводить анализ ситуации по этноразделительным линиям. Сначала лучше разобраться, кто "чуваш", а кто "русский" в Чувашии, а еще лучше не устраивать подобных разбирательств ради сохранения общегражданского мира и общечувашской гражданской лояльности населения республики, не говоря уж об абсурдности искать сепаратистские элементы в чувашском политическом спектре. Если бы ситуация была схожей в других республиках, никаких особых проблем с укреплением государственности и реформированием федеративного устройства вообще могло бы и не быть. Данных по положению с распределением собственности по этнической предпочтительности или по "клановому" принципу по этой республике у нас также нет.

Если взять Калмыкию, Туву и Якутию, то нужно учесть, что титульные группы забрали здесь власть, ибо их представители уже до этого безоговорочно доминировали в культурно-образовательной и информационной сферах, откуда и рекрутиро-

валась новая политическая элита. Мощной хозяйственно-промышленной элиты в первых двух республиках не было, и ее нет и сейчас. Почему в Якутии добыватели алмазов и золота не побеспокоились о властном представительстве, это — другой вопрос. Но сказать, что не только власть, но вслед за ней и собственность попали в руки якутов, было бы неверно. Там ниши власти и ниши бизнеса по этническому составу их обитателей не совпадают, если не считать личное состояние самого президента и еще немногих якутов-управленцев. Русские, украинцы, евреи, армяне, ингуши не менее успешно занимаются бизнесом в этой республике и контролируют порой целые хозяйственные сектора (например, армяне строительство).

В Туве и Калмыкии наживать богатства пока еще не научились, а состояние президента Илюмжинова было изначально сделано в Москве. Кстати, политический стиль последнего заслуживает большего внимания за свою экстравагантную и вполне искреннюю космополитичность. Откровенный националист там может "выскочить" наверх только в какой-то особой ситуации, если Илюмжинова возненавидит не только партия "Яблоко", но и кремлевская администрация вместе с местным населением, уставшим от ожиданий появления чуда "республики-корпорации". В Калмыкии и Туве есть нужда во многом по части эффективного управления, но меньше всего я бы ее связывал с дилеммой: или суверенная республика или административная территория в рамках федерации.

Что касается Якутии, то при посещении республики в 1995 г. у меня появилось желание увидеть хотя бы одну из республик, где население так явно нуждается при наличии несметных природных богатств и потенциально может осуществить прорыв в деле улучшения социального обустройства своего небольшого населения. Но пока, к сожалению, этого не произошло. Ведь живут же намного лучше жители нефтегазовых провинций Альберта и Саскачеван по сравнению с жителями трех Приморских провинций Канады? Подобного в России нет, и новая реформа российского федерализма этого явно не предусматривает. При уже остывшем якутском национализме эта огромная часть территории страны нуждается во всем, но только не в укрупнении и дополнительном подчинении по вертикали.

Совершенно особая ситуация сложилась в Татарстане. Эта республика была и остается лидером этнонациональной формулы государственности, а ее правящая элита является наиболее просвещенной и наиболее компетентной, в том числе и по вопросам современного федерализма. В начале 1990-х годов республика была инициатором достаточно опасного общегосударственного кризиса в рамках образовавшейся Российской Федерации после распада СССР. Татарский национализм в его

жесткой политической форме вынудил федеральные власти пойти по пути договоров, параллельно и наряду с выработкой новых конституционных начал федерации. Мне представляется, что степень балансирования на грани открытого конфликта была в тот период неоправданно высокой, и к стати от подобной кризисной ситуации нет серьезной гарантии и на будущее, по крайней мере пока не будет изменена формула "ассоциированного с Российской Федерацией" статуса, закрепленного в Конституции Республики Татарстан.

Все эти годы ситуацию спасали преобладающий настрой на переговоры федеральных и республиканских властей, ответственное правление президента Шаймиева, позитивная эволюция татарстанской элиты в сторону от радикального национализма, снижение роли радикально настроенных татарских активистов и некоторые другие факторы. Но именно в Татарстане этнический принцип организации федеративного устройства проявил свои сложности и ограничители, вызывая негативное отношение и энтузиазм тех, кто хотел бы радикально переделать российский федерализм. Речь идет прежде всего о том, что в двухобщинном (татарско-русском) сообществе одно из них — местные русские фактически утрачивают позиции во власти, в культурно-информационном пространстве и в частнопредпринимательском бизнесе. Русское присутствие в республике остается сильным, но не в меньшей мере за счет русскоязычных татар и центрального информационного воздействия. За русскими татарстанцами сохраняются сильные позиции в сфере крупного хозяйствования федерального подчинения (оборонная промышленность, автомобилестроение и другие), а также в некоторых других сферах — естественные науки, вузовские структуры, средний управленческий персонал.

В Татарстане есть явные диспропорции, сложившиеся в условиях постсоветского федерализма. Но главное — провести различие, где имеет место справедливое исправление бывших советских диспропорций не в пользу татар (не следует забывать факт единственной татарской школы в Казани всего лишь 15 лет тому назад!), а где "исправление несправедливостей" привело к новым несправедливостям в утопическом увлечении примирить прошлое. Но опять же мы считаем, что именно Татарстан обладает самыми большими возможностями скорректировать этнический федерализм и не допустить его дискредитации, а тем более попытки упразднения как некой аномалии советского наследия.

Особого анализа заслуживает ситуация в Башкирии, которая не похожа на другие российские республики. Республику чаще всего приводят в качестве примера этнократического правления, ибо этническое башкирское меньшинство контро-

лирует власть, потеснив две другие более многочисленные группы населения — русских и татар. Кроме этого, местная конституция и некоторые законы содержат дискриминационные меры по принципу этнической принадлежности. Нельзя обойти молчанием и существующий жесткий режим политико-идеологического контроля со стороны республиканских органов власти, прежде всего в отношении средств массовой информации, кадровых назначений и избирательных процедур.

Но опять же, причем здесь дебаты "быть или не быть" Республике Башкортостан? Эта автономия существует многие десятилетия, и сам факт ее существования сыграл огромную роль в сохранении культуры и групповой целостности башкир как этнической общности (аналогичную роль сыграли территориальные автономии и в жизни других нерусских народов страны).

При всей неприемлемости крайних форм башкирского национализма следует отдать должное нынешнему руководству республики, что оно не менее, а может быть, более успешно, чем во многих других субъектах федерации, справляется с основной функцией государственной власти — обеспечение гражданского порядка и неплохих социальных условий существования населения. Не отказывается руководство и от переговорных процедур с федеральным центром. Т.е. "проблема федерализма" применительно к Башкирии означает улучшение существующего правления, а не радикальные трансформации статуса и конституционных основ. Опять же, федерализм — это процесс, столкновение позиций и аргументов, поиск компромиссов и меньше всего — правовое, а тем более силовое принуждение. Придет время, и русско-татарские избиратели переголосуют башкирское меньшинство и выберут не менее достойного президента необязательно из числа этнических башкир, чем покажут полезный пример и для других республик.

Этнический федерализм в мировом контексте

Изучая в последние годы многоэтничные сообщества, трудно сказать, чтобы наши настроения и выводы пронизывал однозначный оптимизм. Прежде всего потому, что уже слишком много крови и разрушений принесли конфликтующая этничность или этнически окрашенные конфликты. В России такими зонами открытых конфликтов стали сначала Северная Осетия, затем Чечня, высокая степень напряженности имела место в Дагестане и Карачаево-Черкессии. В то же самое время культурно отличающиеся люди живут вместе, сотрудничают, ведут богатый и взаимообогащающий диалог и строят жизнеспособные государственные образования.

Именно это последнее является ключевым моментом глобальной эволюции, потому что государства были и останутся самыми мощными формами человеческих коллективов. А поэтому все, что идет на пользу сильных (в смысле жизнеспособных и эффективных) государств, внушает и сильные надежды на будущее. "Сильные государства — сильные надежды" — именно так назывался доклад по итогам одного из семинаров знаменитого Аспеновского института (США), хотя именно американцы чаще всего выступают инициаторами дебатов по поводу квазигосударств, распадающихся государств, а также по поводу надгосударственности или мирового правления.

Действительно, с государствами дела обстоят далеко не всегда идеально. Государства склонны к соперничеству друг с другом: напрямую или через коалиции, или через третьих акторов (другие государства, медийные империи, экспертные сообщества, промышленно-финансовые круги, международные организации). Эти третьи акторы часто выступают не как пассивные исполнители, но имеют и собственные позиции, интересы и соперничества. Можно привести пример этнографических наблюдений над западными коллегами, которые участвуют в семинарах и встречах, организуемых в Казани Рафаэлем Хакимовым. Я не помню случая, чтобы хотя бы по одному из вопросов кто-то из западных коллег занял комплиментарную позицию в отношении Москвы и критическую в отношении Казани. После семинара 1999 г. в Казани наша дискуссия с французской Мари Мендрас и американкой Гейл Лапидус продолжалась даже в поезде на Москву, когда две мои уважаемые коллеги однозначно защищали введение 10-летнего ценза оседлости для получения татарстанского гражданства, не говоря уже о самом факте отдельного гражданства для этнотерриториальной автономии.

Будучи уверен, что далеко не все татарстанские эксперты и политики являются корифеями в вопросах этничности и государственности и далеко не все московские взгляды, позиции и решения несостоятельны или ошибочны, я могу сделать только один вывод: инерция больших противоборств и хантингтоновский зуд по поводу того, что в истории обязательно за одной большой схваткой должна следовать другая, прекрасно выжила даже в таких катаклизмах, как крушение берлинской стены и распад СССР. На роль передовых воинов новых противоборств мобилизуются разные силы, в том числе и "гордые дикари", которых сделали из чеченцев, или сторонники любых радикальных политических проектов, которые подвергают сомнению статус-кво и даже систему в целом.

Суть проблемы

Проблема как управлять этнически сложным обществом, в том числе и прежде всего как его конституционно построить, является одной из наиболее сложных в мировом общественном сознании. Политический, в том числе и конституционный, дизайн является ключевым вопросом, ибо, как заметил один из ведущих экспертов по федерализму, "конституции не образуют и не разрушают федерации": они есть отражение существующих институциональных и социально-культурных проблем данного политического сообщества.

Что есть федерализм как институциональная организация? Федерализм можно трактовать как особую структурную форму государства, которая отражается в более или менее четкой правовой концепции, суть которой проста — федеральное правление (правительство) как доминирующий институт образует территориальный федерализм. Но федерализм можно трактовать и как форму политической организации, которая объединяет отдельные политии (государственные образования) в рамках более широкой системы. Как бы ни различались две концепции, они обе содержат отсылку на наличие конституционно установленного баланса властей между самостоятельным и разделенным правлением, заложенным в самой федеральной системе. Именно этот баланс властей делает федерализм институциональной опорой вертикального разделения власти с целью обеспечения совместного контроля между разными уровнями правления и политической системой в целом.

Поскольку *федерализм — средство против большинства*, то в терминах федеральной политики это требует организации договоренностей и партнерство как социально политическую подпорку нецентрализованного (не путать децентрализованного!) государства. Что такое этнический федерализм? Это далеко не вся федеральная система, действующая в многоэтнических обществах, а только те институты и договоренности, которые замещают чисто территориально обусловленные элементы федерализма с целью управлять многоэтническим разнообразием данной территории или государства в целом.

То, что соединяет вместе федерализм и многоэтничность, — это не просто факт, что федерализм с момента его появления часто был связан с межэтническими и межобщинными напряженностями и выступал в качестве регулятора конфликта. Как федерализм, так и многокультурность (или многоэтничность) по своей исходной сути ставят под вопрос универсальную претензию современного государства, построенного

на идее и принципе единства и унификации, которые являются постоянными вызовами либертарианскому пониманию демократии, мажоритарной по самой своей изначальной сути. *Если либерализм унитарен, то федерализм – это амальгама доктрин, убеждений и программных подходов, отражающих парадоксы, неопределенности и напряженности современной политики.*

Современное государство возникло как универсалия над партикулярностью, ибо государство есть территориально очерченная полития. Универсальность и партикулярность примиряются через принцип гражданства. Но вместе с тем это примирение может действовать только при исходном условии, что существует определенная гомогенность граждан, которые разделяют основополагающий демократический консенсус. Основа личностной идентификации с гражданско-политической (национальной) общностью почти всегда по-разному интерпретировалась (этническая против политической концепции нации), но эта национальная идентичность всегда оставалась принципом гомогенизации. Отсюда изначальное противоречие современного государства с плюралистическим обществом, которое представляет собой конгломерат идентичностей.

Мой вопрос заключается в следующем. Может ли этнический федерализм выступать инструментом обеспечения баланса между единством и разнообразием? Может ли федерализм как инструмент согласования и разрешения конфликтов работать на обеспечение условий и институтов, которые демократическим образом сохраняют групповую отличительность, но также формируют лояльность общему государству?

Федерализм и демократия

Оба принципа носят конституционный характер (или природу) и оба представляют собой принципы властного контроля, но имеют различные ценностные ориентации, т.е. разнообразие и равенство. Демократия изначально привержена равному представительству всех индивидов, что процедурно является, по словам канадского исследователя федерализма Чарльза Тэйлора, "враждебным в отношении различий". Либерализм не воспринимает политику групповых различий на уровне государствоустройства и поэтому структурно не способен удовлетворить запросы мультикультурализма, основанные на ценностях разнообразия и коллективного права. Либерально-демократические ценности защищают разнообразие только как основанное на универсалистских, а не на партикуляристских началах.

Современная интерпретация подвергает сомнению старую формулу "свобода, равенство и братство" и предлагает альтернативную "безопасность, разнообразие, солидарность". Эта

формула не совсем нова, и если посмотреть на европейский, а не на американский федерализм, то можно обнаружить в нем изначальное внимание к ценностям общины и коммуналистской политики. Кантональная идентичность и демократическая интеграция лежат в основе швейцарского федерализма, и именно это помогает сохранять языковое и религиозное разнообразие и децентрализованную, кантональную и общинную лояльность. Унификационная составляющая крайне слаба в этой системе федерализма. Здесь федерализм — не коррекция и дополнение к основополагающей структуре национального правления, а структурный принцип демократии, построенной на согласии. Здесь демократия включена в качестве элемента в федеральную структуру, а не, наоборот, для защиты интересов структурированных меньшинств внутри многокультурного общества. Это не *демократическая федерация* мэдисоновского типа, а *федерализованная демократия*. Здесь федерализм и демократия изначально связаны друг с другом.

Сегодня существует как бы три стратегии или формулы: демократически гражданская — без или против этничности (американская и французская модели); демократически гражданская — с одной (единственной) этничностью (немецкая модель); гражданская — через демократически интегрированные этничности (швейцарская модель).

Как соединить этнический и политический плюрализм в федерализме? Существуют четыре типа ситуаций, при которых федерализм оказывается перед вызовом этнического фактора: федерации в хроническом кризисе (Канада, Бельгия, Индия, Нигерия); распавшиеся бывшие коммунистические федерации; многоэтнические общества с элементами федеральных начал (регионализм, евросообщество); Швейцария — пока еще беспроблемное общество.

Это условное деление, но оно необходимо, чтобы посмотреть, как все это соотносится с проблемой межэтнической напряженности и конфликтами. Главное противоречие — это разные основы идентификации для двух систем: территориальная для государства и культурная для этнических общностей. Они никогда не совпадают, и поэтому их трудно примирить через стратегию обычных индивидуальных человеческих прав. А это означает, что *более жизнеспособная модель — это когда базовые гражданские права на индивидуальной основе дотраиваются коллективными правами. И один из апробированных вариантов осуществления этой модели — этнический федерализм*. Вариант, возможно, не самый идеальный, но реальный, особенно в условиях, обозначенных историей и конкретной политической ситуацией. Российская Федерация попадает именно в этот случай.

ТЕОРИЯ ЭТНОСА И КУЛЬТУРНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Несмотря на технологическую глобализацию, нивелировку быта и массовую культуру, а также на дискриминацию и репрессии в отношении прежде всего малых групп, человечество сохраняет свое этнокультурное своеобразие. В мире насчитывается около 2–3 тыс. этнических общностей численностью от более ста миллионов (ханьцы, русские, бразильцы, немцы, японцы) до нескольких сот человек (кеты, нганасаны, энцы в России). Это единство и многообразие человечества сохранится и в будущем. Оно необходимо человеческому роду для развития, ибо его однообразие — это социальная энтропия или смерть человечества. В силу своей истории и географии *Россия была и останется одним из самых многоэтничных государств мира, а российская "многонародная нация" (по словам русского философа Михаила Ильина) была и будет существовать, если достойно встретит вызовы нового века и если сама себя не разрушит по причине плохого самопонимания и управления.*

В последнее десятилетие этнический фактор привлек огромное внимание в связи с массовыми миграциями, ростом этнонационализма, кровавыми конфликтами и распадом государств под лозунгами "национального самоопределения". Однако содержание и объяснения феномена этничности гораздо сложнее, чем это представляют сторонники паранаучных взглядов, включая все еще громогласных глашатаев "марксистско-ленинской теории национального вопроса". В России особенно много пишется и говорится о так называемых национальных проблемах и национальной политике. Но чаще всего — это поверхностные рассуждения, бытовые мифы и политические спекуляции. *Отсталость взглядов и саморазрушительный смысл слов, доктрин и политических формул столь велики, что именно они, а не сама по себе этническая мозаика страны могут стать ее главной угрозой.*

Этнокультурная мозаика России и всего мира устроены действительно сложно, но эта сложность заключается в ее подвиж-

ности и субъективности. В любом случае мир не состоит из этносов, которые как "биосоциальные организмы" проходят стадии существования и имеют присущие их членам некие особые характеристики, такие, как "пассионарность", "комплиментарность" и прочие. Больше всего на эту тему нафантазировал Л.Н. Гумилев — талантливый историк-популяризатор, но плохой теоретик и слабый этнолог. К сожалению, примерно также думает и большинство российских обществоведов и политиков, начитавшихся или насочинявших массу устаревших текстов (даже если они были напечатаны недавно). *Пришла пора развеять многие из мифов, порожденных одержимостью установления групповых этнических различий и порождающих своего рода культурный фундаментализм, отвергающий гораздо более значимые схожести на личностном и групповом уровнях.*

Этничность: современный взгляд

Общества и государства различаются между собой не тем, как много представителей разных рас, культур и религий в них проживают, а тем, какое значение придается этим культурным различиям и как этот фактор отражается в устройстве и в политике государства. Современная наука рассматривает этничность как чувство принадлежности к группе людей, которые отличаются от других по культуре. Не так важно, какой набор отличительных черт лежит в основе этого чувства, но обычно — это самоназвание группы, язык, исторический миф, религия, некоторые черты материальной и духовной культуры. Этническая (на советском жаргоне "национальная") принадлежность носит подвижный и чаще всего множественный и многоуровневый характер, если это позволяют государство и господствующая в нем доктрина. Человек может на протяжении своей жизни менять свою этническую идентичность или делить ее между несколькими культурами, особенно если он вырос в смешанной семье или среде.

Если бы не советская теория этноса, которая расписывает людей по членству в коллективных телах под названием "этносы" (члены "этноса" — это "этнофоры"), и если бы не длительная советская практика записывать в паспорт одну национальность и обязательно по одному из родителей, то люди могли бы знать и публично объявлять (внутренне очень многие именно так и чувствуют), что можно быть одновременно русским и казахом, русским и евреем или иметь своего рода "вертикальный" набор "национальных" принадлежностей (андиец и аварец, дигорец и осетин, эрзя и мордва, кряшен и татарин, помор и русский, казак и русский и т.д.). Или вообще человек может связывать себя не с какой-то определенной этнической иден-

тичностью, а с общекультурным пространством страны и с ее *гемосом*, а не этносом, т.е. чувствовать себя членом гражданской нации и не более. Очень многие испанцы не носятся со своей кастильской или другой этнорегиональной этничностью (кроме каталонцев и басков) и считают себя просто испанцами. Около 2 млн граждан считало себя просто "югославами", пока местный национализм и кровавые войны не вынудили их сделать выбор в пользу той или иной этнической группы, некоторые из которых были просто сконструированы на ходу, чтобы оправдать аргументы силы.

В России живет огромное число граждан, которые предпочли бы называть себя просто россиянами. Часто можно слышать: "во мне столько всего намешано, что и трудно сказать, кто я". Но такая вольность в стране непозволительна: паспортники, милиционеры, социологи и т.п. требуют объявить свою национальность. А писатели вообще заклеили плохим словом "манкурт" тех, кто позволил себе выйти из нормы "родной культуры", хотя сами по этой норме, конечно, не живут. Скорее, "манкурт" и есть современная норма культурной сложности или многокультурности.

Большинство американцев, несмотря на их сложное этническое и расовое происхождение и новых иммигрантов, все-таки считают себя американцами и только американцами, составляя один многоэтничный, многорасовый и многоконфессиональный народ — нацию, но не новый "этнос", как считал родоначальник теории этноса С.М. Широкогоров. Новый интерес и озабоченность этничностью в США — это больше средство противодействия неравенству, отстаивания дополнительных прав и выстраивания солидарных коалиций в обществе жесткой конкуренции. А отчасти это уже "роскошь" культурных увлечений, которую могут позволить себе в состоятельном обществе утвердившиеся бывшие иммигранты.

Взрыв этничности в России — это тоже своего рода форма заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежавших государству ресурсов.

Расизм без расы, этничность без этноса

Существование разных этнических общностей и осознание людьми своей и чужой "национальности" часто основано не только на чисто культурных, но и на внешних (фенотипиче-

ских) различиях. Длительная человеческая эволюция, особенно среда обитания (прежде всего климат), обусловили разный облик людей. Эти внешние черты устойчивы и передаются по наследству биологическим путем. Для повседневной жизни людей и для жизни целых стран физический облик населения, т.е. расовые отличия, могут иметь существенное значение. В США, например, афроамериканцы или "черные" считаются отдельной этнической общностью наряду с испаноамериканцами, индейцами, евреями, русскими и другими. Так называемые "визуальные меньшинства" во многих странах имеют самые большие трудности с интеграцией в доминирующую среду. Но это скорее наследие прошлого тысячелетия, точнее последних трех — четырех веков, когда "открывшие мир" европейцы, создавая мир колоний, сконструировали и представления о высших и низших расах. Похоже, мир движется в ином направлении, в том числе и под воздействием невиданных масштабов прямых человеческих и культурных взаимодействий.

Современная американская и во многом мировая наука вообще отвергла деление народов по расовым типам, считая последние скорее академической классификацией, а не биологической субстанцией, а также результатом социальной политики и идеологии расизма. Другими словами *расизм породил расу, а, не наоборот*. В этом есть свой смысл, ибо наука действительно доказала, что генетические различия между человеком высокого и низкого роста во много раз больше, чем между людьми разной кожи и типа лица. Как полагают некоторые энтузиасты нового взгляда на расу, расовые различия в человеке не глубже, чем толщина его кожи. Кроме того, расовые, или антропологические типы людей существуют только как один из условных инструментов в работе ученых, но в реальности таких типов, а тем более в их "чистом" виде, не существует.

Деление людей по цвету кожи — это условность и особенность социальной жизни, которая присуща только определенным обществам. В США достаточно иметь одну каплю афроамериканской крови, и человек однозначно считается "черным". В Бразилии достаточно иметь одну каплю "белой" крови, и человек считается "белым". "Отбеливание" (есть даже такой термин) в Бразилии и во многих других странах идет гораздо легче, чем в США. В США до сих пор количество "черно-белых" браков и семей не составляет и 1% от общего числа. И это несмотря на огромные усилия по десегрегации и искоренению расизма. Все попытки тех же американских ученых убрать из вопросника национальной переписи населения вопрос о расовой принадлежности не привели к успеху. Слишком много денег, политики и эмоций крутится вокруг "расового вопроса". Но если нет рас, а есть миф о расе, тогда откуда расизм? *Все ge-*

ло в том, что расизм как идеология и практика расового неравенства и превосходства может существовать и без рас как жестких реальных категорий.

Этнонационализм как форма расизма в России

В России нет массового черно-белого расизма, как, например, в США, прежде всего по причине состава населения (первое зримое появление в стране представителей негроидной расы приходится на 1957 г. — год первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве). Если пользоваться традиционной классификацией, то в нашей стране проживают представители двух "больших рас" — монголоидной (буряты, якуты, калмыки, тувинцы, хакасы, алтайцы, корейцы и некоторые малочисленные народы Севера и Сибири) и европеоидной (остальная часть населения).

Фенотипические (визуальные) границы между представителями этих двух светлокожих рас провести очень сложно, ибо за долгую историю контактов сложились промежуточные расовые типы, и многие люди — потомки смешанных браков. По лицам федерального министра С. Шойгу, президента Якутии М. Николаева, кемеровского губернатора А. Тулеева определить их расовый тип невозможно, как и у огромного числа других россиян. А это означает, что принадлежность к этнической группе (национальность) не должна связываться с расовыми характеристиками. Тем не менее появились уже учебные пособия типа "Народы мира", где имеется глава "Какого цвета бывают народы?" и где юных россиян учат расовому мышлению. Моя коллега по институту Галина Аксянова издала справочник о 100 народах Российской Федерации, в котором содержатся сведения "о преимущественном расовом типе" всех групп. *Именно привитое расовое мышление порождает расизм и ксенофобию, а не какие-то генетические и другие черты заставляют относиться по-разному к людям с неодинаковым цветом кожи, овалом лица или формой глаз.*

Поскольку в России увеличивается и будет расти число людей с темной кожей (в основном выходцев из Африки), то "классический" черно-белый расизм — это только одна из будущих проблем страны. Хотя уже сейчас имеется большая группа детей и молодых людей — потомков смешанных браков российских женщин с темнокожими африканцами, и об их сложных проблемах даже написана отдельная книга-исследование. В чем-то нашей стране следует учесть уроки других стран, как не допускать распространения расизма. Мне помнится разговор с одним американцем, который в начале 1970-х годов жаловался, что "Америка катится в пропасть", поскольку "уже и на

улицах Нью-Йорка появились черные полицейские". Спустя четверть века США имеют эту категорию граждан среди кандидатов в президенты, командующих армией, государственных секретарей, ректоров университетов. Т.е. эта страна нашла ответы и в целом справилась с меняющимся этнорасовым обликом своего населения, хотя сделать это было не так просто.

В России место расового мышления и расизма заняла этничность и основанные на этнических различиях негативные стереотипы и ксенофобия. Формой отечественного расизма можно считать понятие "черные" или "кавказцы", распространяемое на выходцев из Средней Азии и с Кавказа. Ничего общего с расовыми отличиями у этого деления людей нет, зато оно означает дискриминацию и даже насилие по отношению к российским "черным". И все же главная проблема — это этнонационализм в его крайних формах, который в России особенно расцвел в последнее десятилетие. Каковы его причины и в чем его суть?

От бытовых страхов к толерантности

Условно этнонационализм в России можно разделить на две категории: русский и нерусский. Этнонационализм от имени русских обусловлен реакцией людей с не очень высоким уровнем жизни и гражданской культуры на быстрые перемены, происходящие в стране, в том числе и этнического состава населения, когда появилось много новожителей с разными традициями и нормами поведения. Влияют также и воспаленная журналистская риторика, выводы ученых и политиков о том, что идет "вымирание русских" в России и через несколько десятилетий страна потеряет свой исторический облик. Имеет место и реакция на агрессивные формы нерусского национализма и насильственные конфликты, в результате которых несколько миллионов этнических русских вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания. Некоторые просто бежали, потеряв все, как это было в Таджикистане, Азербайджане, Чечне. Выдавливание или просто отъезд русских происходит из российских республик, особенно республик Северного Кавказа.

Но это только половина объяснения. Этнический национализм в гегемонистской, шовинистической форме русские или просто так называемые постоянные (коренные, титульные) жители демонстрируют необязательно как защитную реакцию. Русский национализм, а точнее, национализм от имени русских активно эксплуатируется политиками разных направлений и уровней. Чаще всего он является средством завоевать симпатии замороченных людей, обеспечить голоса, уничто-

жить конкурента на престижное место или в бизнесе, что прикрывается риторикой "национального возрождения", "национальной гордости", "внешнего нашествия", "ползучей экспансии", "нахлебничества" и т.п.

На самом деле во всем этом реальны только сами страхи и политические манипуляции на проблемах, в которых гражданам часто нет времени разбираться. Если высоки цены на фрукты и овощи на контролируемом азербайджанцами рынке, если эти азербайджанцы ездят на хороших машинах и купили квартиры в городе, если в городе стало больше преступлений и наркотиков, значит, они — азербайджанцы и есть причина наших проблем. Если их изгнать — тогда арбузы будут сами продавать себя у каждой станции метро и в любое время, машину и квартиру получит наша семья, а в город вернется спокойствие и останутся в нем только привычные лица.

Ничего этого не произойдет, а скорее, в городе вместо фруктово-овощного изобилия на рынке и в магазинах останутся пучки подмосковной зелени, которую по мере созревания будут продавать старушки. Но тогда почему такое отторжение тех, кто явно приносят полезные услуги? Дело в том, что *обычные люди тревожно реагируют не на сам факт совместного проживания людей разных национальностей, а на резкое изменение привычной пропорции состава населения.* Наука не доказала, что есть некий этнический код, содержащий какие-то стойкие установки, в том числе и негативное отношение к "другим". Человека нужно научить реагировать на другие язык и культуру. А научить можно по-разному: "другое" — значит интересно и важно для жизни или "другое" — чуждое и враждебное, что мешает жить. Последнему научить легче, ибо не нужно прилагать особых усилий, чтобы учить другой язык и культуру, а только указать — это враг и причина твоих бед.

Демографические мифы

В России действительно существуют серьезные проблемы демографического роста, межэтнических отношений и мигрантов. Но чрезмерные страхи во многом необоснованны и контрпродуктивны. Население нашей страны сильно изменилось за десять лет и будет меняться в ближайшие 20 лет. Общее число народов (или этнических групп) по переписи 2002 г. должно вырасти примерно на 50 новых названий по сравнению с 1989 г. Но это не от того, что кто-то скрывал эти группы в прошлом. Хотя принудительная перезапись малых групп в другие, более крупные имела место, как, например, аваризация почти десятка более мелких андо-цезских народов. Но главное — это то, что

принадлежать к малой культуре стало интереснее, важнее и выгоднее. Нашлись этнические активисты, которые сумели убедить: живущие в их районе часть жителей — это, скажем, не телеуты или татары (так они записывались в прошлых переписях), а малочисленный народ *калмаки*; не аварцы, а *ахваццы*, *арчинцы*, *ангийцы*; не татары, а *булгары*, *мишари*, *кряшены*.

Один сильно озабоченный представитель Болгарии уже внес проект резолюции в Парламентскую ассамблею Европы по поводу защиты "многомиллионного меньшинства булгар" в России. Будет резолюция, будут деньги — будут и булгары. Значит, будет и еще одно "доказательство", что Россия остается "тюрьмой народов", которых угнетают русские. Тем более, что в западных языках до сих пор нет различия между двумя разными словами: *русский* и *россиянин*. Военные в Чечне — *русские*, Е.М. Примаков — *русский* премьер, генерал Рохлин в Грозном — *русский* генерал. Пришла пора внешнему миру по инициативе МИДа России исправить латинскую букву *U* на *O* для более точного названия страны *Russia*, чтобы развести понятия *русский* и *российский*. Одна эта буква может совершить революцию во внешнем восприятии нашей страны.

По сравнению с царской Россией и СССР, где русские никогда не превосходили 51%, теперь, после отделения 14 бывших союзных республик, они составляют в РФ около 82%, т.е. подавляющее большинство. Но их доля будет уменьшаться, как и доля некоторых других этнических групп (чувашей, мордвы, удмуртов, татар), ибо естественный прирост среди представителей этих народов ниже, чем среди представителей народов Северного Кавказа и некоторых народов Сибири (тувинцев, якутов, бурят).

Если механически считать, беря за основу проекции только последние годы, то можно получить пугающие данные (что и делают некоторые ученые и политики). Ряд авторов, пишущих о "трагедии великого народа" (В.И. Козлов, Г.И. Литвинова, Е.С. Троицкий, Б.С. Хорев и другие), производят недобросовестные "страшилки" по поводу того, что через несколько десятилетий число русских уменьшится на одну треть, а через сто лет русских в России будет всего 20% населения.

Но дело в том, что, несмотря на популярность этих расчетов, цена их мизерная. Они никогда не сбудутся по ряду причин. Прежде всего этнический состав населения и численность этнических групп меняются не только в зависимости от естественного движения, но и миграции. Миграция здесь играет важную роль, и следует ожидать, что среди иммигрантов в России в ближайшие десятилетия по-прежнему будут преобладать русские, особенно если в стране будут иметь место экономический рост и улучшение жизни населения.

Но главное не в этом: этнические группы пополняются или уменьшаются за счет смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь *русскость* остается самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских перейдут многие потомки смешанных браков, в том числе и "русско-кавказских". Дети моего оппонента Р.Г. Абдулатипова будут русскими, даже если он настаивает на том, что они аварцы. Язык русской матери и московская среда сделают свое дело. Помешать только могут звучание имени, отчества и фамилия, а также внешность. Но от этих стереотипов российское общество будет и должно уходить. В дореволюционной России русскими также считались многие, кто принял православие, хотя их имена и фамилии могли звучать как немецкие, украинские, татарские или еврейские. В США, Франции или Англии несколько десятилетий назад большинство населения тоже не желало выговаривать китайские или арабские фамилии, а сейчас хорошо этому научилось и даже работодатель не делает настороженное лицо при найме людей с "трудными фамилиями".

Если понятие "русский" никак не связано с расой, то тем более оно никак не связано со звучанием фамилии, даже если бытовое сознание считает по-другому, а среди некоторых ученых существует список "русских фамилий". К этому более широкому пониманию русского человека нам следует начинать привыкать ради спокойного будущего. Не говоря уж о понятии *россиянин*, которое не имеет этнического смысла, но зато носит достойный и самый важный для жизни человека гражданский характер. Это и будет *принцип национальности*, как мы его уже признаем в отношении граждан других стран мира.

Кстати, все демографические прогнозы могут быть посрамлены именно по причине *этнического дрейфа*, т.е. свободного выбора и перехода из одной этнической группы в другую. Так, предстоящая в 2002 г. перепись наверняка посрамит всех глашатаев вымирания малочисленных народов Севера и Сибири. Их число на самом деле вырастет в связи с принятием в 1999 г. нового закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации". Многие "половинки" переписутся из якутов в эвенков, из русских в камчадалов и чукчей, из хакасов в тофаларов и т.п. Не исключаю, что некоторые россияне смешанного происхождения могут перейти также из русских в евреев, немцев, татар, башкир по политическим, идеологическим или эмиграционным мотивам. Но все равно русские получают больше, чем теряют. Поэтому в XXI в. число русских не перейдет границу ниже 100 млн, но само понятие "*русскости*" несколько изменится.

Общество научится воспринимать Амана Тулеева русским (каковым он и является на самом деле), хотя сам он пока в это не верит.

Судьба и роль мигрантов в России

На протяжении долгого исторического времени Россия была страной-донором в мировых миграциях. В XXI в. ситуация будет обратной, и к ней нужно готовиться и правильно воспринимать новую перспективу. Миграция в Россию в последнее десятилетие уже сыграла большую позитивную роль, ибо наполовину компенсировала сокращение постоянного населения. А если мы избавимся от официальной ксенофобии и научимся считать незарегистрированных иммигрантов, которые тоже составляют совокупное население страны, тогда можно считать, что большой убыли населения в России 1990-х годов фактически не произошло. В РФ не менее 1,5 млн "незаконных иммигрантов" и еще, возможно, столько же, кто, переехав жить к родственникам или близким, до сих пор не получил официальной регистрации. Все эти миллионы людей — жителей России в текущей статистике численности населения отсутствуют.

Учитывая тенденции рождаемости и смертности, в ближайшие годы именно иммиграция будет основным источником пополнения населения страны, и к ней должно быть соответствующее отношение. Пока сельские власти и жители не научатся заманивать к себе новожителей, в российских деревнях сохранятся убогость и беспросветная жизнь.

Сегодняшний прогноз Госкомстата России гласит, что к 2016 г. население страны сократится еще на 10,4 млн человек по сравнению с началом 2001 г. и составит 134,4 млн человек. Я в этот прогноз не верю. Он не учитывает минимум два обстоятельства. Прежде всего у ныне не посчитанных нескольких миллионов мигрантов (а это в большинстве молодое мужское население) рождаются собственные дети, которые уж точно станут гражданами России. И потом даже незначительные усилия по борьбе с высокой смертностью, особенно от отравлений алкоголем и несчастных случаев, а также поддержка рождаемости (особенно второго ребенка) сразу же дадут ощутимые результаты. Хотя на чудо быстрого роста надеяться нет оснований.

Заблуждаются те, кто считает, что "демографическая катастрофа" — это результат "шоковой терапии" и обнищания. Скорее, наоборот, более высокая рождаемость наблюдается сегодня среди бедного сельского населения Дагестана, других республик Северного Кавказа, Тувы и Алтая и самая низкая —

среди жителей самых благополучных городов. Именно улучшение условий жизни в последние годы и стремление к социальному благосостоянию сдерживают рождаемость. Поэтому один из последних мифов "ельцинского геноцида" должен быть развеян. *Бесконечные слова о "вымирании" и "обнищании" могут действительно привести не только к политическому, но и к реальному бесплодию.*

ЭТНИЧНОСТЬ, ПРАВО И ЗАКОН*

Каковы перспективы правового регулирования этнических проблем в Российской Федерации и в других государствах бывшего СССР? Каков недавний исторический и современный контекст правового, в том числе и законодательного, регулирования вопросов этнического разнообразия и межэтнических отношений в государстве со сложным составом населения, каким является Россия? По данным вопросам в отечественной науке и в политике идут достаточно острые и во многом мало продуктивные дебаты, хотя реальная законодательная деятельность и правоприменительная практика последних лет имеют некоторые достижения при множестве упущенных возможностей и совершенных ошибках.

К числу достижений можно отнести ряд принятых федеральных законов и других правовых актов, и прежде всего утвержденную Президентом РФ "Концепцию государственной национальной политики в Российской Федерации" (1996 г.), законы "О национально-культурной автономии" (1996 г.) и "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (1999 г.). Россия присоединилась к ряду международно-правовых актов в данной области, прежде всего к рамочной конвенции Совета Европы "О правах национальных меньшинств". Решающую роль в продвижении по пути внедрения демократического законодательства в области регулирования межэтнических отношений сыграла Государственная дума последнего созыва (1995 – 1999 гг.), особенно ее Комитет по межнациональным отношениям во главе с В.Ю. Зориним.

Россия как невыученный урок

От советского времени нам досталось крайне противоречивое наследие в области этничности, а еще более сложной и откровенно кризисной оказалась в этом отношении современная

*Ранее опубликована. См.: Человек и право: Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 189 – 195.

ситуация. Причем настолько кризисной, что стоит реальный вопрос самого кардинального значения: сможет ли сохраниться Российская Федерация в ее современной пространственной конфигурации и в ее нынешнем государственно-административном устройстве? По крайней мере даже руководители федерального правительства вслух высказывают, казалось бы, недопустимые мысли о “возможности потерять Дагестан”, а некоторые ведущие государственные деятели, в том числе из российских законодателей, откровенно выступают с антиконституционных позиций в отношении признания независимости Чечни. В стране существует мощная тенденция пересмотра основ государственного федеративного устройства, которое ныне включает в себя асимметрию в виде существования этнотерриториальных автономий (республики, автономные область и округа) наряду с областями и краями.

Только сложностью проблем, ослабленностью государства в период глубоких общественных трансформаций, недостатком компетенции, ответственности и воли со стороны политиков возможно объяснить огромный разброс мнений и действий, включая и откровенно антигосударственные, недопустимые в зрелых обществах с ответственными гражданами и компетентными политиками заявления. Конечно, масштаб конфликтов, особенно исход первой войны в Чечне — оформление и полупризнание региона вооруженного сепаратизма, неконтролируемого центральным правительством, представляли собой огромное потрясение для общества и тяжкое бремя для российских политиков, большинство из которых искренне желают благополучия стране и своим избирателям. Кое-кому может казаться, что есть более простые решения — “отпустить” Чечню или весь Северный Кавказ, сделать из республик губернии, самоопределившись русскому народу в отдельную республику или дать всем “свою” государственность и прочее. Еще более отчаянные головы высказываются за использование тотальной силы и через нее за “наведение порядка в стране”. Число официальных диагнозов и рецептов в общественно-политической литературе достигло столь критической массы, что порой приходишь к неутешительному выводу: из этого языкового хаоса и строящейся на нем политики выбраться уже невозможно. Иных охватывает ощущение безысходности: как все идет — пусть и идет, рано или поздно образуется, а вмешательство бесполезно.

Мы не разделяем эту фаталистическую позицию и полагаем, что ход событий и даже общая эволюция, в том числе и государства, — это результат повседневных и целенаправленных усилий. Чем более эти усилия осознанны и компетентны, тем эффективнее результат. Ничто не запрограммировано самой

историей. Она прежде всего используется как современный политический и идеологический ресурс. Конечно, есть определенные ограничители, в том числе и в состоянии умов. Хорошо усвоенные и долго насаждаемые взгляды и представления просто так не меняются. Должная компетенция обретается политиками и экспертами не сразу. Жизнь показала, что научиться создавать банк или успешную коммерческую фирму легче, чем написать текст закона или президентского указа, который не повторял бы ментальные конструкции партийных резолюций советского времени и работал бы успешно в новых исторических условиях.

Все это означает, что необходимо время для обучения или переобучения как рядовых граждан, так и элитных слоев тому, что есть государство их проживания, на какой основе оно строится, кому принадлежит и даже какие имеет пространственные параметры. Для обучения России (т.е. выучить, что есть Россия) совсем необязательно прибегать к скорым и радикальным решениям, особенно если они касаются переустройства, а тем более упразднения или дезинтеграции государств. *Государства — это наиболее устойчивые и длительно существующие формы социальной коалиции людей. Они хотя и не создаются Богом и не существуют вечно, но каждое отдельное поколение имеет ограниченное право распоряжаться этим достоянием.*

Распад СССР был столь радикальной социальной операцией, требующей длительной послеоперационной терапии, что новый круг дезинтеграции за счет территорий России, Грузии, Азербайджана или Украины уже ничего не даст. Ибо для благополучной социальной жизни людей нужно менять не границы политий (государственных образований), а улучшать само правление. Другими словами, после образования Российской Федерации в 1991 г. проблема не столько в том, что все нужно строить заново или перестраивать, а в том, чтобы адекватно понимать природу и даже "внешний вид" современного российского государства и определить основные составляющие его эффективного управления. Здесь фактически нет мелочей, даже в виде бытового языка, формирующего устойчивые образы.

Приведу лишь один из многих примеров, насколько важно утверждение в ментальности граждан адекватного географического образа страны. Получилось так, что многие молодые россияне лучше знают географию США, Кипра или Испании, чем родной страны, а для некоторых профессиональных манипуляторов общественным мнением (журналистов, писателей, ученых-публицистов) Россия — это не более, чем вид с Останкинской башни или прежде всего Москва, Крым и Севастополь. Едва ли кто из них допустит выражение "США и Аляска" или "политика США в Калифорнии", а тем более "ввод (вторжение)

американской армии на Гавайи". В то же самое время клише, подобные "Россия и Северный Кавказ", "Россия и Дагестан", "Россия и Татарстан", стали столь общеупотребимыми, что даже документ об основных направлениях федеральной политики в отношении северокавказского региона обретает название "Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе". Фраза "ввод российской армии на территорию Дагестана" вообще была одним из обычных речевых оборотов при освещении кризиса в августе – сентябре 1999 г. в этой части России. Конечно, не все так наивны и малограмотны. Когда ведущие программ НТВ категоризовали в новостном потоке Чечню как "юг бывшего СССР", а в редакции газеты "Московские новости" занимающиеся Чечней сотрудники входили в отдел зарубежной журналистики, то это уже позиция, а не слабая просвещенность.

С Россией произошла крайне интересная коллизия. Историческое государство – СССР было упразднено по воле и согласию современного поколения политиков, представленных прежде всего лидерами бывших союзных республик. Именно факт верхушечного согласия был признан основным легитимным фактором для упразднения СССР и для его внешнего признания. Риторика национального самоопределения, а тем более распада некой "последней империи" была лишь дополнительным эмоциональным аргументом, а не международно-правовой основой крупнейшего исторического действия. Эта риторика представляет собой постфактическую рационализацию, которая теперь все больше закрепляется в исторических трудах и в массовом сознании как доминирующая версия.

Опыт постсоветского государствовоительства

Все новые государства были сконструированы сначала политически, и только потом стали оформляться социально-культурные сообщества (другими словами, сначала Франция и Италия, а только потом французы и итальянцы). В 1991 г. было выкрикнуто слово "Россия" в его новом государственном обозначении, как и другие постсоветские государства. Что это означало на самом деле, кроме административных границ между союзными республиками и разной степени местного национализма/патриотизма (украинского, грузинского, узбекского), плохо себе представляли как политики, так и население бывшего СССР. Обустройство новых государств в смысле утверждения институтов и господствующего образа страны началось уже после распада СССР. Сложнее всего судьба распорядилась с Россией. Не оттого, что у новой России меньше ресурсов и других оснований быть самостоятельным государством, а отто-

го, что она больше всего связывалась с представлением о прошлой стране и в ней ментальное государствостроительство пошло более хаотично и со смутными представлениями.

Как это ни покажется невероятным, но неясность процесса российского государствостройства (институционального и ментально-символического) обусловлена тем, что в Москве как жили, так и остались проживать все основные идеологи "социалистического федерализма" и "решения национального вопроса". К ним присоединились новые рекруты из числа бывших диаматчиков и истматчиков, ставшие теперь культурологами, националогами, этнополитологами, конфликтологами. Мощные исследовательские и пропагандистские институты, как, например, ИМЭЛ при ЦК КПСС, обрели новые, приближенные к "горячей проблеме" названия. Став Независимым институтом социальных и национальных проблем, это учреждение, как и многие аналогичные кафедры и центры, под словом "национальных" по-прежнему имеют в виду не государственные, а этнические проблемы, и для внешнего потребителя в иностранном звучании так и объясняют сами себя. В то же время отказ в собственной реконцептуализации они объясняют отечественной научной традицией или неповторимой российской спецификой, а иногда просто языковой гетероглоссией.

Распад СССР ограничил демагогию и новый камуфляж "спецов по нацвопросу" пределами России, отчего другим странам стало легче определяться (даже на той же идеологической основе этнонационализма), а России крупно не повезло. Родовая несостоятельность господствующих подходов к "национальному вопросу", особенно в законодательно-правовых аспектах, была замечена мной еще во времена горбачевских XXVIII съезда КПСС и Съезда народных депутатов. Как известно, СССР представлял собой единственное государство, где отрицалась и даже осуждалась территориальная основа федерализма, где мобилизующая метафора "нации" была отдана в исключительное владение населявших страну этнокультурных общностей, где для общегосударственной консолидации использовался суррогат "нации" в форме "советского народа". Эта конструкция содержала в себе своего могильщика в случае наступления времени ответственных смыслов и процедур реализации этих смыслов.

Как только зал в Кремлевском Дворце съездов дружно и слепо поддержал предложение депутата Е. Евтушенко изменить во фразе из текста президентской присяги "Я клянусь народу Советского Союза" единственное число на множественное в слове "народ", мне стало ясно, что вместе с этим словом хоронится и общегражданская основа государства. Слово "народ", всегда, во все времена, во всех правовых теориях и в дей-

ствующим международным документах означавшее территориальное сообщество, в посткоммунистическом контексте закреплялось за этнической общностью, т.е. однозначно обрело этнографический, а не гражданско-территориальный смысл. В этой же ментальности Съезд народных депутатов принял и один из первых законов "О правах граждан, проживающих на территории не своей государственности", сразу же обозначив правовую лженорму, что одни носители советских паспортов с "правильной" национальностью (созвучной названию республики) являются исключительными собственниками соответствующего государственного образования, а другие — имеют "свою" государственность или в другой части страны, или вообще за ее пределами. Эта рожденная отечественными юристами и законодателями "своя — не своя" норма в отношении тех, кто создает государство, оказалась очень живучей и стала позднее основой для массовой дискриминации, межэтнической напряженности и конфликтов.

Несмотря на то что все постсоветские государства были созданы от имени проживающего на их территории населения, участвовавшего в процедурах волеизъявления, при конституционном и дальнейшем законодательном оформлении этих государств преимущественное или даже исключительное право на них узурпировали те жители, которые принадлежали к одной ("коренной" или "титульной") этнической общности. Сделано это было через разные правовые конструкции или словесные уловки. Одной из самых распространенных была компромиссная запись в конституциях о том, что государство создается от имени всех его граждан, но в то же время это государство является формой самоопределения определенной этнонации и поэтому является "национальным" государством этнических молдован, украинцев, казахов, узбеков и т.п. Кое-где сделали запоздалые уступки, записав в число владельцев "национальной" государственности и другую группу (например, абхазов в Грузии, но не осетин и аджарцев!). Но в целом, за некоторым исключением (Литва, эпизодически Украина, Казахстан, Эстония), никто не попытался встать на общегражданские основы нациестроительства, несмотря на настойчивые рекомендации внешних экспертов из западного сообщества и из стран Востока, где этничность вообще исключена из правовых категорий государствообразования.

Таким образом, новые государства (кроме России), уйдя от советской "многонациональности", застряли на полпути, сконструировав ненадежную правовую схему. Суть ее примерно такая. Украина — это национальное государство этнических украинцев (украинской нации), остальное население относится к национальным меньшинствам, куда были записаны рус-

ские, поляки, крымские татары и многие другие. Членами нации они могут стать, видимо, только после "украинизации", другими словами, после культурной ассимиляции, которая иногда мягко называется "интеграцией". Аналогичная схема во всех остальных государствах, кроме Латвии и Эстонии. Там принцип гражданства включен в понятие нации, но зато из гражданства исключено подавляющее большинство "некоренных" иноэтничных жителей. Там тоже установка на интеграцию получающих гражданство, которая понимается как латышизация или эстонизация в культурно-языковом отношении. Иначе говоря, даже самый лояльный по отношению к государству гражданин, исправно платящий налоги и служащий своей стране, членом нации не является и всем набором соответствующих прав не обладает, если он желает сохранять свой язык и свою культуру и по какой-то причине не становится хотя бы двуязычным.

Неизбежность будущих корректив

Этнонационализм как основа государственностроительства был избран не только для того, чтобы радикально дистанцироваться от России и от ее культурной системы на основе русского языка, или утвердить доминирующие позиции новых "государствообразующих" культур и новых государственных языков. Была и утилитарная цель — через сохранение советского доктринального наследия "социалистических наций" не расширить, а наоборот, заузить число претендентов на власть и на доступ к ресурсам, особенно в условиях приватизации и рыночных преобразований. Но самое главное, — такова была идеология, правовая практика и уже ставшее бытовым мышление — "национальность" понималось не как гражданство, а как культурная принадлежность, что помешало более решительной самоорганизации тех, кто попал в категорию не членов самоопределившихся наций (меньшинств, апатридов, не граждан и прочих). Им никто не объяснил, что новое государство — это их общее достояние.

При всей узвизимости и противоречивости избранных конституционно-правовых основ обустройства многоэтничных государств бывшего СССР (речь пока не идет о России), у них есть перспективы неизбежных коррективов в сторону общедемократических принципов государственностроительства и отхода от этнонационализма. Во-первых, демонтаж русского языка как одного из мощных инструментов модернизации и ассимиляция русских или дерусификация нерусских этнических меньшинств (например, переход гагаузов в Молдавии с русского на молдавский) фактически маловероятны при постоянном

наличии мощного русскоязычного культурного массива в соседней России и при сохраняющихся позициях русского языка как одного из мировых. О наследии "колониализма", которое нужно устранить, ныне говорить не приходится. Это все равно, как если бы Индия стала осуществлять демонтаж английского языка, или другие страны Азии и Африки — язык бывших метрополий, который часто является единственным официальным языком и уж точно единственным языком, обеспечивающим культурную целостность многоэтнических государств. Таким образом, *этнонационализм становится контрпродуктивным, и ему на смену будет приходиться общегражданский национализм новых государств, который строится не на исключении, а на включении граждан разных культур и языков в единые нации, как это имеет место в остальном мире.*

Во-вторых, рано или поздно более решительно заявят о себе и те, кого поставили вне новых наций, ибо автохтонные (не иммигрантские) меньшинства нигде и никогда из национальных сообществ не исключаются.

Так что у новых соседей России достаточно интересные перспективы решения вопросов межэтнических отношений и кое-какие уроки, как негативные, так и позитивные, уже можно учитывать и россиянам. По крайней мере почти все эти государства смогли оформить правовые отношения со своими гражданами через систему паспортов без привязки этой процедуры к указанию этнической принадлежности. Правда, не обошлось без уловок: в английском тексте казахстанского паспорта в графе "национальность" указано "Казахстан", а на казахском языке стоит "казах", "русский" и т.п. Перед мировым сообществом выглядит прилично, и собственные комплексы оказались удовлетворенными. В Грузии в паспортах национальность — это гражданство, но в удостоверениях личности — этническая принадлежность.

Есть еще одна важная проблема конституционно-правового обустройства постсоветских государств. Все они (опять же кроме России) избрали унитарную форму устройства, не рискуя на федерализм. В принципе унитарное устройство не противопоказано многоэтническим странам, но федерализм — лучше, ибо позволяет существовать этнотерриториальным формам внутреннего самоопределения. Подобные автономии фактически существуют в Узбекистане, Грузии, Молдове и даже на Украине — Крымская республика, правда, статус и будущее которой в рамках Украины пока еще до конца не определены. Формальная федерализация возможна и даже необходима не только в Грузии и на Украине и не только по причине этнического фактора, но и большого регионально-культурного разнообразия, существующего во многих постсоветских государствах.

*От многонационального народа
к многонациональной нации*

Какая ситуация сложилась в Российской Федерации, которая лишь одна из всех стран сохранила на конституционно-правовом уровне формулу "многонациональности" и вместе со всеми остальными новыми государствами не рискнула сделать выбор в пользу "многонациональной нации" или какой-то другой новации? В принципе была возможность вообще обойти этот сюжет в тексте основного закона, как это сделано в конституциях большинства стран мира. Кстати, в тексте Федеративного договора вопрос о "нациях" не присутствует, но суть этого документа оказалась более чем приемлемой для представителей основных народов и для республиканских образований. В свое время мне довелось быть одним из основных авторов таких официальных документов, как "Резолюция XXVIII съезда КПСС по национальному вопросу" и "Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации". Нам удалось тогда уйти от употребления в них слова "нация". Смысл и значение документов несколько не стали слабее без этого слова. Более того, была оставлена возможность его общественно-политического употребления в разных значениях, а также не блокировалась реальность существования национального государства под названием Российская Федерация и многоэтничной гражданской общности россиян.

Как показала практика федерального законодательства, невозможно записать термин "нация" и в тексты законов. Законодатели вполне резонно обходятся менее нагруженными понятиями, как, например, "народы", "этнические общности", "национальности". В последнее время появился термин "национальные меньшинства", но он для России мало подходит и едва ли утвердится как правовая категория. Причина здесь не в том, что в России нет меньшинств или государство отказывается признавать их существование и наличие вытекающих из этого специфических прав и норм части граждан, принадлежащих к данным категориям. Просто Россия ушла дальше в правовом обеспечении меньшинств, закрепив за ними не только право на национально-культурную автономию, как этого требуют международно-правовые минимумы. В России основные и компактно проживающие меньшинства (строго говоря, это все нерусские народы) еще с советских времен имеют территориально-государственную форму самоопределения, которая в действующей Конституции определяется как республики-государства. Эти этнические общности уже давно "национализированы" и на статус меньшинств вполне понятно согласиться

не могут. Кстати, по этой же причине им трудно принять категорию российской гражданской нации, хотя это как раз вполне возможно и необходимо. Существует же каталонская нация в составе испанской, шотландская нация в составе британской, саамская нация в составе норвежской и т.п. Эти понятия и даже правовые категории являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, а их основная миссия — политическая и эмоциональная легитимация.

В итоге претендентами на правовую категорию "национальные меньшинства" в России остаются только представители дисперсно расселенных групп, у которых нет территориальной автономии (возможно, российские немцы, греки, корейцы и другие). Но опять же возникает проблема, когда эти группы начинают характеризовать как не имеющие "своей" государственности или как не принадлежащие к "основному населению" (уязвимый термин из Рамочной конвенции). И то, и другое — правовой нонсенс и ненужная приниженность части граждан. В России все имеют одинаковые паспорта своего(!) государства. Не могу себе представить, что я как директор института имею "свою" государственность, а для двух заместителей директора (гагауза и украинца по национальности) эта государственность "не своя". Еще хуже обстоит дело с "основным населением". Неужели можно разделить депутатов Федерального собрания РФ на "основных" и "не основных"? А если нельзя, тогда зачем принимать документы с подобной категоризацией для остального населения страны?

Но самая кардинальная проблема для законодательного обустройства межэтнических отношений в России — это пределы огосударствления этничности без ущерба базовым индивидуальным правам человека. От СССР нам досталась столь высокая степень правовой институализации этничности, что она могла существовать только по причине ее часто пустой декларативности. Чего стоила хотя бы запись в советских конституциях о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Наследие это столь жесткое, что российское государство до сих пор не может оформить свои правовые отношения с гражданами через систему паспортов, ибо многие граждане желают зафиксировать не только свою принадлежность к государству, но и к определенной коллективной общности. Через это можно получить дополнительные права внутри страны или предпочтительное право на эмиграцию в некоторые государства. Сохраняется и бытовая боязнь постсоветских людей, что бумага-справка — это все, а без официальной бумаги у тебя и нет этнической принадлежности. Мне кажется, что есть вопросы, где правовые нормы должны носить опережающий характер и не следовать бытовой мифопоэтике и политической спекуляции.

Этнические права — это коллективные права. Они призваны только защищать права личности, но не подменять и не доминировать над ними. Основанные на этничности коллективные права — обоюдоострое оружие, и ими нужно пользоваться осторожно и умело. Последние годы показали, что в недостаточно развитой гражданско-правовой культуре групповые права могут использоваться для необоснованных преференций, для узурпации власти меньшинством и даже для разрушения общего государства, ибо питают экстремистские формы этнонационализма, вплоть до вооруженного сепаратизма. Это вызывает межгрупповые противоречия и недоверие со стороны остального населения страны к тем, кто подобным образом пользуется коллективными правами. Именно ссылаясь на коллективные права становится аргументом для массового выхода части населения из правового пространства.

Российская Федерация сейчас переживает именно такую ситуацию. Самым плохим вариантом было бы пытаться осуществить радикальный демонтаж коллективных прав, включая столь важное демократическое приобретение, как федеративное устройство с элементами этнического федерализма. Право и закон содержат большие возможности, многие из которых далеко не использованы. При федерализме многоэтнических стран не бывает стабильных ситуаций, как и не все вопросы федерализма должны решаться сразу и только нынешним поколением политиков. Важны общая формула и некоторые базовые принципы, среди которых следует назвать одновременную установку на признание культурных различий и обеспечение интеграции. Федерализм разнообразен и может заключать в себе мощный интегративный потенциал. Здесь важно добиться согласия элит, которые всегда имеют мощные местные интересы — главное препятствие интеграции. *Федерализм сам по себе недостаточен, и на уровне населения страны необходимо развивать и утверждать двойные лояльности и идентичности, строить широкие коалиции, пересекающие этнические и региональные границы, создавать стимулы к интегративному поведению.*

Федеративное правовое пространство допускает сосуществование на взаимодополнительной или на параллельной основах разных правовых систем, объединяющих "централизованное" (государственное) право и правовые нормы отдельных культурных систем или централизованное право на уровне внутригосударственного образования. Для этого не нужно возрождать никогда не существовавшую "историческую норму" в виде, например, родовых общин среди северян или горской демократии среди северокавказцев. Важно признать сам принцип правового плюрализма в связи с этнокультурным разнообразием.

разием. А что должно послужить основой для источника права и стиля правового поведения соискателей "обычного" или "традиционного" права — это уже вопрос второстепенный. Чаще называется существующий древний устой или социальная норма, но при более внимательном анализе за ними можно обнаружить современное изобретение для достижения современных целей. Но кто сказал, что такое не может иметь место, если только ссылки на данные правовые нормы не разрушают общеразделяемые основы общественного устройства и не провоцируют массовый выход граждан из правового пространства.

АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Трансформации, которые произошли в России, полезно оценить с точки зрения социально-культурной антропологии — дисциплины, изучающей человека и общество во всем их многообразии на основе этнографического метода. Без этого невозможна экспертиза в условиях, когда статистика, макроанализ, социологические опросы и политологический взгляд не способны уловить характер и траекторию перемен. Только профессиональный антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой "национальной идеи", что желающих управлять всегда больше и "рваться к власти" — это естественно, что люди могут использовать этничность и "историческую память" в инструменталистских целях и потому так называемые национальные, казачьи, языческие и прочие "возрождения" или "движения" должны восприниматься прежде всего как манипуляции активистов социального пространства, а не буквально — как "движения" среди коллективных социальных тел.

Человек как существо социальное рождается для того, чтобы выполнить свою первичную задачу — создать благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортнее прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить себе статус и безопасность, удовлетворить свои культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и в соперничество с себе подобными, создает различные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Эти постулаты хорошо известны применительно к древним или к так называемым племенным сообществам. Но мы оказались слабыми знатоками антропологии современных обществ, в которых прошла или проходит наша личная жизнь.

* Газетный вариант опубликован под названием "Мы стали жить лучше". См.: Независимая газета. 2000. 12 янв. (№ 1. С. 6, 9).

Можно поражаться, насколько слабы объяснительные модели советского общества, просуществовавшего много десятилетий. Здесь преобладают политизированные полулитературные метафоры о "советской империи", "тюрьме народов", "всеобщем ГУЛАГе" или инерция советской пропаганды, дополненная риторикой жалоб старшего поколения, включая и ученых. Самое слабое место имеющихся объяснений природы советского общества — это *утверждение об его исключительности и аномальности, вызванное проекциями оценок политического режима и его идеологического багажа на все общество, его нормы и ценности.*

Провал экспертизы

При всех социальных деформациях и политических аномалиях СССР был не менее легитимным государством, чем многие другие страны Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы. Более того, советский человек в своих базовых проявлениях, в частных и коллективных стратегиях имел больше общего, чем отличительного от граждан других государств, включая и те, которые считаются "нормальными". Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеянию, в создании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций, в эмоционально-психологических установках, наконец, в формах девиантного поведения, включая тривиальное воровство и внебрачные связи. Как отмечает английский антрополог Крис Ханн в работе по антропологии социализма, "в большинстве стран (социалистических. — В.Т.) и на протяжении большей части времени большинство простых людей просто воспринимали систему как данное, приспособились к ней и продолжали жить без вступления в ряды коммунистической партии или диссидентской группы. Другими словами, они пробивались по жизни точно так же, как люди это делают в другого рода обществах".

В советской жизни многое было задавлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность. Но даже в этой своей существенной отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора о "совке" утвердилась уже позднее и стала скорее саморефлексией, а не внешней оценкой. *На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упу-*

тила этнографию советскости, и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла "традиционная" культура советского времени.

Не меньшая потребность существует в познании постсоветскости как уже новой культурной традиции, особенно смысла глубоких общественных трансформаций в России. Вы скажу мнение, что установка на радикальную социальную инженерию была не только оправданна, но в целом экспертно обеспечена, как бы ни старались каждое новое правительство и оппозиция отрицать уже сделанное. Однако исполнители и толкователи российских реформ плохо знали и недостаточно учли антропологический (человеческий) аспект общественной жизни, а именно — частную стратегию человека и создаваемую им социокультурную среду. *Фатальными оказались идеалистическое представление о природе самого человека (который должен честно трудиться, не воровать, любить родину и служить нации, обязан заботиться о других и т.п.) и вера в то, что улучшение условий жизни обязательно ведет к адекватному восприятию этих улучшений.*

Российское общество в этом плане отличается характерная особенность. При массовой образованности оно очень идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту ("инженеры человеческих душ"), которая узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений и влияет на поведение рядовой массы граждан. Массы привыкли к одномерному мышлению и к вере в версию событий, исходящую из "центральных" газет и телевидения. Однажды французский философ Мишель Фуко, отвечая на вопрос о роли радикальной интеллигенции в общественных преобразованиях, сказал: "Главная проблема — это как избежать излишнего воздействия интеллектуалов, носящихся со своими утопическими проектами, и позволить управленцам делать свое дело по переустройству общества". В России это не удалось. Все последние годы театральные режиссеры, писатели, актеры, журналисты и литературоведы выступали и как законодатели, и как авторы "обустройства России", и как главные колумнисты ведущих газет и, наконец, как "совесть нации". Невероятно, но члены Российской академии наук на своем юбилейном собрании в июне 1999 г. аплодировали получателю ее высшей награды писателю А.И. Солженицыну за следующую оценку последнего десятилетия: "Мы построили невиданное в истории криминальное государство под пиратским флагом".

О чем и почему сегодняшние жалобы и даже протестные акции? Если верить большинству политиков, ученых и работников СМИ (а значит, и "человеку с улицы"), это есть протест

против антинародного режима и против невыносимой жизни. Но если перестать повторять заклинания о "нашем тяжелом времени", в которое теперь верят фактически все, то этнография российской жизни выглядит по-иному. Прежде всего следует сказать, что сама власть, т.е. управленцы и эксперты в годы правления М. Горбачева и Б. Ельцина не поняли многого, что пришло в общество с процессом радикальных перемен. Они верили и продолжают верить, что социальный порядок и поведение граждан переустраиваются вслед за изменением характера политического устройства и экономическими реформами. А если этого не происходит, значит, режим не тот ("построили криминальное государство") и курс реформ неверен ("ограбили народ" и "устроили геноцид"). До сих пор никто не смог грамотно объяснить, что реальные свободы и жизненные улучшения люди могут психологически не замечать и даже отрицать по политическим мотивам или из-за пропагандистского воздействия. *Но самое главное — быстрые жизненные перемены могут перегрузить сознание каждого отдельного человека и общества в целом настолько, что даже улучшение условий существования может отвергаться в пользу более привычного уклада.*

Одиноким голосом берусь утверждать, что за последние десять лет в стране произошла революция в жизненном обустройстве людей. Причем это именно революция позитивного плана, которую российское обществознание не смогло понять и объяснить. Тем самым ученые-обществоведы несут перед страной большую ответственность. Легче всего эту ответственность снять ссылкой, что "вот нас, академиков, не послушали" или "науку загубили". Но кто тогда будет отвечать за беспомощный стон, который катится по всей стране, включая страницы газет и школьных учебников, высшие политические и научные трибуны? Рассмотрим только несколько примеров несостоятельной и политизированной риторики жалоб и в целом кризисной парадигмы.

Демография как политика

Для иллюстрации "России в обвале" чаще всего приводят данные о "вымирании нации", о катастрофических демографических потерях, включая несколько миллионов неродившихся детей, об уменьшении численности "государствообразующего народа" — русских и т.п. Следует сказать, что сам факт уменьшения численности населения страны не должен рассматриваться как однозначно негативное явление. Многие страны мира, особенно из числа наиболее благополучных, имеют в последние десятилетия отрицательный рост населе-

ния. В России фактически наблюдается ситуация нулевого роста — общая численность жителей страны в 1998 г. была почти такая же, как десять лет тому назад (147 млн человек). Но на самом деле современное население на 2 — 3 млн больше, ибо статистика не учитывает “незарегистрированных” граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы). Подавляющее большинство из них — это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительстве, торговле и приносят пользу нашей стране. Без них не состоялись бы многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов. *Если учитывать эту категорию жителей, то естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла) была компенсирована миграционным приростом, качество которого (возраст, образование, здоровье, профессиональный состав вновь прибывших) выше, чем качество основного населения страны.*

Примечательным фактом является устойчивое на протяжении всего десятилетия соотношение между городским и сельским населением (73% и 27%). Плохо это или хорошо? Скорее плохо, ибо чем более развито общество, тем меньше людей должно быть занято в сельском хозяйстве. Модернизация — это прежде всего урбанизация, а она после 1989 г. замедлилась в значительной мере по причине отсутствия настоящей аграрной реформы и из-за наличия более конкурентной среды на рынке труда в городах. Последнее удерживает сельчан от когда-то легкого шага — ухода в городскую “лимиту”. Столь же стабильным (47% и 53%) оставалось соотношение мужчин и женщин. Эта достаточно большая диспропорция представляет собою негативное явление, но в предыдущие десятилетия положение было не лучше. Причина ее не столько в особенностях биологического воспроизводства населения, сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства).

За десять лет произошли существенные изменения в пространственном движении населения. Общая интенсивность внутренних миграций снизилась из-за экономической нестабильности и прекращения практики оргнаборов на крупные стройки. Зато частные интересы людей опять же пришли в противоречие с политическими установками и наивными прожектами. Речь идет о слабой заселенности Севера, Сибири и Дальнего Востока. На самом же деле усиленное заселение неблагоприятных для проживания людей арктических и субарктических районов страны в предшествовавшие десятилетия носило характер косвенного насилия (через романтическую пропаган-

ду, "длинный рубль", сохранение московской прописки). Начавшаяся в конце 80-х годов человеческая конверсия Севера стала вполне нормальным явлением — к неудовольствию огромной армии чиновников и торговцев, занятых "северным завозом". Этот процесс является положительным: россияне переезжают в более благоприятный климат, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений, появляется больше возможностей для остающегося населения (в том числе и нормального жилья), а тем более для аборигенных жителей, для которых эта среда является родной. Сибирь, особенно южная, и Дальний Восток — это несколько другое дело: здесь необходимы массовое заселение и новое освоение, причем не только через индустриальные мегапроекты (охрана среды и ресурсов здесь столь же актуальна), но и через своего рода систему гомстедов, т.е. наделение граждан бесплатной землей, часть которой могут обрабатывать и китайские эмигранты.

Кстати, в сибирских и дальневосточных регионах естественная убыль населения меньше, чем в среднем по стране, а в некоторых районах сохраняется естественный рост (Алтайский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Усть-Ордынский, Агинский, Чукотский автономные округа, Тува, Якутия). По нашим оценкам, за последние десять лет численность аборигенных народов Севера и Сибири не уменьшилась, а некоторых даже увеличилась. Принятие в 1999 г. закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов России даст пополнение этих групп благодаря перезаписи национальности потомков смешанных семей и культурно ассимилированных граждан. Воспаленная риторика о вымирании северных народов беспочвенна, хотя коллапс системы государственного патернализма и разгул нового предпринимателя (от охотника-"европейца" до нефтегазовых корпораций) создал огромные проблемы для сохранения систем жизнеобеспечения и самобытной культуры аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Этнический фактор

В России этнический аспект демографии является наиболее чувствительным не столько из-за самого факта культурного многообразия, сколько по причине длительного опыта огосударствления этничности. Здесь политические спекуляции неимоверны, а в суждениях ученых господствует старая схоластика. В стране сохраняется практика жесткого и официально деления граждан на народы, или национальности, и поэтому

этническая статистика играет политическую роль, точно так же, как и существующая расовая статистика в США. Сохраняется клише: сколько "наций и народов" живет в том или ином месте или работает на том или ином заводе, и этот подсчет навязчиво ведется не только путем переписей населения, но и с помощью кадровых и жэковских анкет. Пропагандируемая "национальная структура" (имеется в виду этнический состав) населения часто является основным средством для обоснования этнократического правления и для политической мобилизации граждан.

Трудно сказать, что является нормой или позитивным в этнической структуре, но одно бесспорно: необходимо сохранение этнокультурного многообразия населения. К чести нашей страны ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют "вымиранием" народов. Многие малые группы за последние годы сохранили или увеличили свою численность. При этом следует учитывать, что численность этнической общности зависит не только от рождаемости и миграции, но и от смены самосознания. В начале процесса перемен мне представлялось, что к новой переписи населения ощутимую демографическую потерю понесут русские из-за того, что станет менее престижным быть русским, особенно в пределах этнотерриториальных образований (республик и округов). Но этого не случилось, и считаться русским для потомков смешанных браков по-прежнему более (или в равной мере) престижно даже в российских республиках.

После 1989 г. большинство крупных российских народов, в том числе русские, башкиры, татары, чувашы, буряты, кабардинцы, коми, кумыки, тувинцы, удмурты, имели нулевой или незначительный рост численности. Уменьшилась абсолютная численность украинцев, белорусов, мордвы, российских немцев, марийцев, казахов, евреев. Превышающий средние по стране показатели был рост у армян и осетин (за счет мигрантов), у якутов и народов Северного Кавказа, особенно народов Дагестана (за счет естественного прироста). Самый высокий рост численности среди населения самых бедных районов страны говорит о том, что так называемое вымирание с состоянием условий жизни никак прямо не связано. Более того, исчезновение этнической общности (факт распространенный, но в России редкий) совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению представителей определенной культуры, а чаще означает смену ими этнической идентичности, т.е. ассимиляцию в пользу другой культуры.

Этническая демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит, сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в

общем населении страны. К сожалению, это — тема для громких спекуляций, и профессионально ее никто не осмеливается обсуждать. Какова доля русских в стране — не вопрос жизненной стратегии государства. В 1989 г. в СССР русские составляли 50,8%, но государство существовало, а распалось не по этой причине. Сейчас по доле самой большой этнической группы — русских Россия почти такая же моноэтническая страна, как Китай, где, кроме 90% ханьцев, живет не менее 100 млн представителей разных национальностей. Подавляющее демографическое господство одной группы мало что дает для крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, способен стать базой вооруженной сепаратистской и крупномасштабной войны. Действительной проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, а завышенные социальные ожидания и неприятие бедности вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства. *В целом же период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая.*

Мир вещей и услуг

Пища, одежда и жилище — три столпа материальной культуры, а состояние здоровья — основной показатель уровня модернизации общества. Этими категориями далеко не ограничивается жизнь современного человека, ибо есть еще огромный мир других используемых вещей и услуг, как и мир ощущений и духовных ценностей. И все же основная часть населения живет повседневными заботами материального обеспечения, которые лежат в основе уровня и качества жизни.

На протяжении всей истории России ее жители (за исключением южных районов) имели достаточно небогатую кухню со скромной диетой, в которой был явный недостаток витаминизированной углеводной пищи, прежде всего фруктов. Свой первый апельсин и банан я съел уже будучи студентом МГУ, ибо в моем родном уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавалось. Сегодня в этом городке, которому по-прежнему далеко до экономического процветания, те же азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков, и жители их покупают (иначе бы не привозили). Новый и огромный по своим размерам ввоз в страну фруктов внес историческое изменение в структуру питания россиян. Значительно увеличилось потреб-

ление рыбы, даже если официальная статистика не показывает этого по причине "внесистемной" добычи и продажи данного продукта. Выросло потребление сыров и колбасных изделий (в основном за счет импорта), и люди уже забыли времена плавяных сырков "Волна" и буфетных сарделек.

Снижение потребления мяса, молока и яиц, если таковое действительно имеет место, мало о чем говорит, как и общее снижение потребления продуктов питания. В последние десятилетия население страны страдало не от недоедания, а от несбалансированной структуры питания, и если этот дисбаланс выравнивается даже ценой сокращения общего потребления продуктов (в некоторых семьях, например, практически прекратили покупать яйца), но при этом расширяется их ассортимент, то этот процесс носит скорее позитивный характер.

Не менее важны изменения в системе организации питания. Современный россиянин потребляет пищу не только дома, но и в системе общественного питания. Еще десять лет тому назад огромной проблемой для небогатого гражданина было пообедать на Невском проспекте в Ленинграде или на улице Горького в Москве, не говоря уже о более провинциальных местах. Унизительные очереди в грязные уличные пельменные, в рабочие столовые и в институтские буфеты отнимали время и даже здоровье. Рестораны были не для того, чтобы поужинать, а чтобы "гульнуть". Сегодня ситуация совершенно иная. Резко выросло общее число ресторанов и кафе, не говоря уже о новой культуре уличных продуктовых ларьков и палаток или частных торговцах разной едой на улицах и дорогах. *Впервые в таких масштабах люди в России, особенно молодежь, стали есть и пить за пределами дома, и это огромный сдвиг в народной культуре.*

Еще одна разительная перемена в жизни людей за последние годы — это радикальное расширение круга предметов быта и социальных благ. Номенклатура предметов, используемых человеком для повседневной жизни (так называемые *вещи*), — крайне важный показатель степени модернизации общества. Хотя количество вещей не обязательно определяет мораль и ценности общества и делает человека счастливым, все же в целом это именно так. Безусловно, что чем больше вещей использует человек в повседневной жизни, тем лучше ее качество. Особенно это касается быта, что прямо связано с комфортом, гигиеной и здоровьем людей. Перемены в этом плане могут казаться малозначимыми, тем более, что они не очень связаны с макроэкономическими успехами. Если за последние десять лет миллионы людей стали пользоваться туалетной бумагой, а не смятой газетой, чистить зубы (оказывается, бывают щетки мягкие, средние и жесткие) набором из паст, мыться шампунями

(для разных волос, для взрослых и детей, с ополаскивателем и без), то уже одно это изменило бытовую культуру к лучшему.

Недовольство некоторых людей по поводу телерекламы женских прокладок, жевательной резинки и памперсов не должно мешать видеть в них огромную перемену в бытовой гигиене. И таких внешне малых, но значительных новаций в повседневной жизни россиян за какие-то десять лет произошло больше, чем в какой-либо предшествовавший исторический период. Люди освоили использование сотен новых вещей и услуг: от уже упоминавшихся до технологически сложных бытовых новаций (стиральные машины-автоматы, телефоны с автоответчиком и мобильные, обогревательные приборы, печи ВЧ, цветные телевизоры с дистанционными пультами и многое другое). Из десяти уличных рекламных щитов девять рекламируют товары и услуги, о которых россияне даже и не слышали десять лет тому назад.

Подавляющее большинство советских семей обходилось крайне ограниченным набором жизненных вещей, не зная об их существовании или не будучи способными "достать" (именно достать, а не купить). В силу высокой грамотности населения желание владеть многими вещами при ограниченных формах социальной самореализации (работа, семья, квартира, отдых в очередной отпуск) было огромным, и идеологией потребительства советские люди были проникнуты не меньше, а даже больше, чем в других более состоятельных обществах. В 1960 — 1980-е годы эта идеология с огромной энергией и изобретательностью утверждалась в частных стратегиях людей. В домах с обшарпанными подъездами и захламленными лестничными клетками за дверями квартир скрывалось обустроенное жилье с приличной мебелью, хорошим набором посуды и вполне сносным гардеробом.

Одержимость обустройством, скромная красота и чистота были разительными по сравнению с загаженностью пространства, начинавшегося за квартирной дверью. Именно здесь лежала впечатляющая грань между миром частного и миром общественного, точнее, государственного (а значит, ничьего). *Советский человек был частным человеком, и именно это обстоятельство пропустила наша экспертиза, увлекшись анализом мира пропаганды и верхушечных установок.*

Что действительно отличалось от более обустроенных обществ, если говорить в масштабе всей страны, так это сохранявшиеся в больших городах коммунальные квартиры и мало-размерное частное жилье малых городов и сел. Здесь жилое пространство было явно ограниченным, быт — неустроенным, а требовавшиеся для жизнеобеспечения усилия — невероятными (ежедневные дрова для печки, вода из колодца и прочее).

Здесь фактически был "третий мир", но не афро-азиатская нищета, а тот, который можно наблюдать во многих странах, особенно в Северном полушарии, где в бедных деревнях Ирландии, Испании, Италии, Греции (не говоря уже о Восточной Европе) жизнь остается достаточно скудной и некомфортной.

Под воздействием этнографических описаний традиционного русского жилища мне иногда казалось, что "пятистенка" с русской печью — это надолго, если не навсегда (климат, историко-культурная привычка и т.д.). Еще десять лет назад, проезжая по российским дорогам, можно было наблюдать, как располагавшие средствами граждане строили кирпичные дома в деревнях и малых городах, фактически повторяя русскую избу по параметрам и архитектуре. В большинстве же населенных пунктов в 60 — 80-е годы индивидуальное жилье почти не строилось.

Подлинная перестройка в России началась не с торговых кооперативов и не с московских политических манифестаций, а с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубоко позитивный характер. За последние десять лет в России построено больше домов, чем за весь послевоенный период. Во многих российских деревнях сегодня каждый третий дом — новый или перестроенный. Граждане преодолели культурный барьер в представлении о жилище, и на смену одно- или двухкамерному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый и с несколькими комнатами, а также с внутренним туалетом.

В стране бум производства строительных материалов, и по обочинам дорог и в городах на целые кварталы бурлят рынки по их продаже. Помимо действующих закуплены за рубежом и запущены сотни кирпичных заводов. Текущая госстатистика жилья мало о чем говорит, ибо не учитывает загородное строительство и многое другое (новые пристройки, многоквартирное частное жилье). Но даже по данным этой статистики, общая площадь жилищ в стране выросла с 2,1 млрд кв. м в 1985 г. до 3 млрд кв. м в 1999. Причем частный фонд увеличился в два раза, а на самом деле больше, если считать все построенное гражданами жилье.

Люди получили бесплатно или купили по мизерным ценам миллионы новых земельных участков (в стране 40 млн землевладельцев) и научились строить более просторное и комфортное жилье, какого в стране не было за всю ее историю. Еще десять лет назад раму для арочного окна было сделать некому, и, кроме наличников и железных петушков на печных трубах, никакие архитектурные украшения не использовались. Сейчас большинство новых домов, как сельских, так и дачных, обставлены солидными мебельными предметами, над каждым домом

телевизионная антенна, рядом почти с каждым — гараж. Кстати, не замечать почти всеобщую автомобилизацию страны (около 20 млн произведенных и завезенных машин за десять лет!) — это проявление слепоты и плохой социологии.

Создание основы благосостояния людей — жилья сопровождается уродливыми явлениями, которых можно было избежать и которые еще придется исправлять. Вместо издания вычурных журналов по домоустройству нужно было создавать условия и объяснять, что настрой на дачную жизнь в дорогих и больших домах ошибочен и не соответствует нашим климатическим условиям. Городское население вбухало миллиарды долларов в загородное жилье, которое не имеет коммуникаций, которое невозможно отопить зимой и в котором работающая семья с детьми постоянно проживать не может из-за удаленности от места работы и из-за отсутствия рядом школы и больницы.

Было бы лучше строить все эти комфортные дома в городской черте — в таком случае сейчас города выглядели бы лучше и потребность в квартирах была бы меньше. Но примитивная мечта советского человека о даче и нежелание городских властей предоставить землю для частных домов (столько сносили, чтобы построить многоэтажки!) оказались сильнее. Большинство загородных домов-монстров не функционирует, и перспектива полноценного использования неясна, как и будущее миллионов новых дачных построек. Работающие горожане жить в них не смогут, а новому селу они не нужны в таком количестве. Видимо, это останется памятником неправильному социальному планированию, отсталому менталитету и неразвитой городской антропологии.

Революция двойного отрицания

Современные государства так же уязвимы, как и государства прошлого. И главные вызовы государству сегодня находятся внутри самих политических сообществ. Важнейшим моментом для гражданской лояльности (на бытовом языке "любви к родине") являются условия социального преуспевания, которые создаются данным государством и для чего люди образуют, принимают и защищают свое государство. Эти условия могут быть далеко не самыми плохими, но воспринимаемыми как плохие, скажем, в результате навязываемого мнения представительного меньшинства при слабой компетенции сознания и даже под влиянием внешней пропаганды. Ситуация в России последних лет с этой точки зрения в отечественном обществоведении фактически не рассматривается, но именно здесь можно искать ответы на многие мучительные вопросы.

Хотя формально все нынешние постсоветские государства легитимны, ибо соблюдены должные внутренние и внешние процедуры, сам факт существования этих государств требует постоянного подтверждения. Применительно к России ситуация оказалась наиболее сложной, ибо ее больше всего затронула своего рода "революция двойного отрицания", когда вместе с демонтажем политического режима, включая мощный компонент государственного (советского) патриотизма, оказались отринуты само государство и даже жизненная повседневность, существовавшая на протяжении десятилетий. Многообразии прошлой общественной жизни и противоречивые результаты советской политики, в том числе и в так называемом национальном вопросе, оказались редуцированы к литературным версиям "манкрутизации", "народоубийства" и т.п. Применительно к современному состоянию доминируют версии о "криминальном государстве" и "разбойном капитализме", которые также фактически отрицают легитимность государства.

Уходом от заботы о признании государства и его обустройстве как в экономике и политике, так и в умах людей являются дебаты об уникальности России, о российской или евразийской цивилизации, российском суперэтнотипе, разных вариантах географического и культурного детерминизма, а также одержимость пропагандой "многонациональности" при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно ориентированной общности. От ученых, а не от политиков идут предписания считать "родным" языком не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью национальности. От ученых, а не от политиков поступают наставления гражданам, что их "настоящие", "традиционные", "национальные" религии есть шаманизм и язычество, а не та вера, которую приняли их предки сто или двести лет тому назад. От ученых, а не от политиков исходят археологические, антропологические и архивные данные, что часть владельцев домов на одной и той же улице живет на "своей" этнической территории, а часть — не на "своей". Из тех же академических постулатов родились доктрины "своей" государственности или "безгосударственности", хотя в пределах России все имеют общее государство и у каждого есть паспорт как правовое подтверждение этого факта.

Западное академическое сообщество с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского обществознания. Казавшаяся когда-то несерьезной рейгановская метафора "империи зла" или поверхностная формула французского историка Э. Каррера д'Анкосса о "распадающейся империи" ныне стали непререкаемыми объяснительными концептами. Инерция мышления холодной войны и энтузиазм мо-

лодых соискателей степеней и грантов, чутко улавливающих потребности новых геополитических соперничеств, активно утверждают наши же собственные подсказки о "криминальном государстве", о "мини-империи", о "многонациональной стране", о самоопределении "несамоопределившихся наций" и т.п. Из всего этого рождается образ России как чего-то не свершившегося, как некой "серой зоны", открытой для новых геополитических дизайнов.

Эти верхушечные дебаты являются радикальным разрывом с сознанием молчаливого большинства, тех самых россиян, — термин, который некоторым ученым и политикам представляется эвфемизмом чем-то наподобие "марсиан". Как заметил Глеб Павловский, действительно, в 1991 г. было выкрикнуто слово "Россия" в значении советской республики РСФСР — государство не очень понятное и плохо продуманное. В этом смысле Россия состоялась сначала как акт речи, но именно этот акт речи быстро обрел реальность. Здесь нет исторической аномалии, ибо таким же образом состоялись и другие современные государства. Рядовые граждане приняли новое государство, ибо вопрос о государстве для них — это не вопрос трудноразделяемого элитой символического и ресурсного наследия, а вопрос о тех новых возможностях личной жизни, которые ожидаются с новым государственным обозначением территории, где они жили и продолжают жить.

У обывателя, в том числе и интеллигента, нет государственного мышления в его повседневном варианте. Его государство там, где лучше или где привычнее. Постулат, когда-то высказанный академиком Абалкиным, пребывавшим в поиске национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни один человек, включая академиков, ни одного дня своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распропагандированных энтузиастов. Даже чеченские комбатанты преследуют вооруженной борьбой и террором достаточно утилитарные интересы под лозунгами национального самоопределения и джихада.

Нынешнее государство под названием Российская Федерация — свершившийся факт, и все рассуждения в обратном направлении есть плохая услуга этому государству и разрыв с реальностью. В равной мере существует и российское согражданство, гораздо более гомогенное, чем в большинстве государств мира. Другое дело, что есть проблема кризиса идентичностей, особенно в аспекте диалога между прошлой советской и нынешней российской лояльностями. Однако в последнем мне видится академическая форма преувеличения проблемы. Из повседневных наблюдений не видно, чтобы наши граждане

ложились спать (если только они не дождались опроса-пародии в программе "Времечко") и вставали утром с подобными вопросами или терзали ими своих сослуживцев. Российская наука должна сделать предметом своего интереса социально-политическую и сложнокультурную общность россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, "негомогенное целое" (выражение М. Бахтина), а не абстракция "международных отношений" заслуживают настоящего внимания и научной реабилитации.

Антропология власти

Задача состоит в том, чтобы понять и объяснить власть, в том числе и для самих властвующих. В этом плане новое российское знание серьезно отстает от потребности, а старое знание этими вопросами фактически и не занималось, ибо советская власть во многом носила сакральный характер и академическому скальпелю не поддавалась. Здесь есть целый ряд свежих проблем. Одна из них — делегирование во власть и выход из власти. Интересны в данном контексте не только правовые нормы и другие механизмы поведения человеческого материала, вернее, мутации человеческого материала в системе властных отношений. Открывшийся для более широкой состоятельности и для внешней экспертизы домен власти в России оказался неожиданной научной задачей и породил ряд поверхностных взглядов, которые, в свою очередь, привели к "ошибкам власти". В частности, утвердился и сохраняется постулат "честной" и "нечестной" власти в том смысле, что во власть попадают жулики и взяточники и от этого происходят многие российские беды. Число неоправдавших надежд чиновников множится с каждой новой сменой когорты властвующих, и уже это заставляет усомниться в верности исходной посылки приоритета положительной моральности человека во власти. Не дает ответа на вопрос и рецепт сделать властвующих достаточно состоятельными людьми, чтобы они не воровали, хотя, действительно, нищие политики порождают и нищую политику.

Вопрос честной власти в России — прежде всего вопрос правил и контроля, а уже потом вопрос моральных внутренних регуляторов и внешних увещаний. Поскольку власть — это одна из самых престижных и значимых для общества профессий, рекрутирование в нее происходит трудным и сложным селективным путем. В принципе, как и в племенном обществе, этот процесс основан на компетенции, авторитете, силе и богатстве в различных сочетаниях значимости и использования этих факторов. Но те, кто приходят во власть, будучи специфически отборным (и чаще всего добротным) человеческим материа-

лом, обладают завышенными запросами и ожиданиями. Они способны к рациональной саморефлексии: "я управляю такой богатой страной (краем, отраслью, компанией)" или "я так много делаю для страны (республики, народа, института)", что имею право жить лучше и даже богато. Сентенция А. Коржакова в его мемуарах: "что же, я так и уйду из Кремля оболганным и нищим?", вполне верна в смысле всеобщего правила. В России это всеобщее правило обрело особые формы приватизации принадлежавших государству собственности и ресурсов через власть или через приближенность к власти. В народной метафоре и на языке политической оппозиции данный процесс получил обозначение "разграбление страны" или "ограбление народа". В значительной мере это оказалось возможным в силу пассивности и безгласности населения в эпоху, получившую обозначение *гласность*.

По той же причине усилия специалистов по власти, а вместе с ними и более широкой общественности должны быть направлены не столько на бесполезное морализаторство, сколько на установление пределов обеспечения материальной состоятельности властвующих, в том числе в зависимости от материального положения самих управляемых. Новая российская власть действует по принципу полезных аналогий и заимствований. Посещая Капитолий, российские законодатели видят многочисленный штат помощников у своих коллег, но не замечают их личные машины (без водителей) на платной парковке у здания конгресса. Они хотят таких же просторных офисов, но не спрашивают про арендуемые или покупаемые конгрессменами квартиры в Вашингтоне. *Именно разрушение старых и отсутствие новых правил и общественного контроля позволили российским властителям создать симбиоз старых и новых привилегий, которые обрели внешне неприличный, но, к сожалению, терпимый избирателями и налогоплательщиками характер. В этом смысле власть такая, как и мы сами, — она есть наше отражение.*

Имеется и особая культурная специфика образов российской власти и властных иерархических взаимодействий, которая во многом оказалась заимствованной из старой системы статусных привилегий и символов — градация особых номеров служебных автомашин, служебных пропусков (вплоть до "вездехода"), численности охраны, месторасположения дачного дома и т.п. Нецензурная речь и особенно ритуально-рутинное потребление алкоголя — уже не просто культурологическая, а социально-политическая проблема, выходящая на уровень вопросов национальной безопасности. Фактически все решения по Чечне 1994 — 1996 гг., от самых высших до военно-полевых, принимались в состоянии алкогольной интоксикации.

Есть проблема амбиций и самонадеянности власти, также доставшаяся в наследство от периода "слуг народа". Только вместо строгой иерархии и культа вождя, за которым было высшее и последнее слово, появились множественные центры власти и многие вожди, каждый из которых узурпировал избирательный механизм для собственной легитимации и персональной свободы действий. Особенно ярко это сказалось в заимствовании новых или возрождении старых обозначений для "первых лиц" разного уровня. Так в России появились "президенты" и "губернаторы", чтобы можно было говорить: "я и мой народ", как это стал делать одним из первых бывший президент Северной Осетии А. Галазов, а за ним и другие.

С точки зрения политической антропологии в современной России есть еще ряд важных проблем:

- состояние компетенции правящего корпуса и экспертно-го обеспечения законодательно-правовых норм и управленческих решений;
- необоснованная или цинично политизированная эскалация низовой мифологии и несостоятельных доктрин на уровень официальных текстов и деклараций;
- гражданская ответственность властвующих и проблема их "мягкого" выхода из власти.

Поведенческие нормы и духовная жизнь

Традиционное обществоведение пользуется обычной дихотомией: "власть и народ". Однако либерализация породила нового актора среднего уровня. Под этим понятием я имею в виду слои активистов, политических и этнических предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это также новое явление со своей культурной спецификой. Здесь есть явная узурпация коллективной воли тех, от имени которых действуют активисты. Как правило, они являются лидерами (легитимными и самозванными) групп меньшинств, в том числе этнических и религиозных. Достаточно юридически зарегистрировать реальную или мифическую организацию под названием "Союз мусульман России", чтобы сразу стать "лидером мусульман" в стране. Современное самозванство (от "академиков" и "человеков года" до "национальных лидеров") — крайне интересная черта ментальных приватизаций у российских граждан, которые обнаружили, что можно гораздо больше, чем это было долгое время позволено. Кстати, этим (в основе своей советским) стремлением к статусности и иерархии довольно ловко пользуются авантюристы-предприниматели: за последние годы всевозможные "ню-йоркские академии" и дарители дипломов и званий неплохо заработали

на денежных переводах и взносах россиян, вручая им разного рода красиво напечатанные бумажки и удостоверения.

Можно иронизировать или гневаться по поводу того, что наряду с "настоящими" появились "ненастоящие" академики, можно ревностно оберегать узкий мир официальных привилегий и наград (как заявил Олег Табаков, прижимая к груди врученный президентом премиальный диплом: "Получали, получаем и будем получать"), но в целом символично-статусная сфера российской жизни стала существенно другой. Она лучше прежней, ибо свободнее и разнообразнее. Но это не значит, что в ней нет проблем. *Главная проблема — как статус и престиж, а также ресурсы, условно говоря, внесистемных (имея в виду старую систему) акторов сосуществуют с порядком и государственностью и насколько они признают последние.* Здесь есть проблема политически корректных симпатий: почему один "внесистемный" активист с нашитыми на штаны казачьими лампасами получает кабинет в Кремле и входит в систему, а другого третируют или не замечают. Или же замечают и поддерживают внешние манипуляторы, чтобы разрушить легитимный порядок. Ибо именно на этом среднем уровне иницируется вызов по отношению к статус-кво и даже массовый выход из правового пространства.

Что касается уровня "масс", то традиционный подход трактует его как инертный и больше всего страдающий. Здесь произошли не менее глубокие трансформации, которые подтверждают мое наблюдение, что способность общества к инновациям и модернизации гораздо выше, чем представляют и замечают ученые, особенно отслеживающие макроуровни общественного процесса, или этнографы "традиционных общин". В стране осуществилась массовая приватизация времени, пространства и, отчасти, ресурсов (здесь круг гораздо уже). В последние годы россияне открывают внешний мир, хотя, к сожалению, ценой снижения интереса к собственной стране. Сейчас ежегодно выезжает за рубеж порядка 10 млн человек, причем не за государственные 7 долл. в день, как в прошлом, а на свои собственные средства. Такого не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, согласно официальной статистике, пребывают с россиянами примерно на одном уровне достатка.

Российские "народные массы" демонстрируют разительный прорыв в культурном производстве, которое и до этого относилось к числу приоритетных для советского человека и для государства. Из этой сферы я возьму только образование, науку и высокую культуру. Здесь, пожалуй, сократилось только число дошкольных образовательных учреждений (у родителей появилось больше возможности воспитывать детей дома, так

как возросло число неработающих матерей). Все школы и вузы функционируют, и престиж образования не снизился, если судить по набору студентов и по более богатому выбору образовательных институтов. Число вузов увеличилось с 502 в 1985 г. до 880 в 1997 г., а число студентов — с 2,9 до 3,2 млн за тот же период. В целом именно жизнь молодого поколения оказалась намного лучше и интереснее. *А улучшение жизни детей есть общее улучшение.* Те, кто желал бы вернуться назад, хотят оставить детей в нашем времени. Но так не бывает!

Так называемый кризис науки, возможно, касается ряда естественных наук и военно-промышленных разработок, но общественные науки он затронул только в плане кризиса теоретико-методологических основ, да и это имело место скорее на начальном этапе российских трансформаций. Риторика жалоб здесь (и не только здесь) используется главным образом для того, чтобы сохранить государственное обеспечение, действующую систему организации науки и существующие кадровые ресурсы. Это само по себе понятно, но к реальному кризису имеет условное отношение. За последние десять лет Институт этнологии и антропологии РАН произвел научной продукции в три — четыре раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Такая же ситуация в других гуманитарных институтах. В обществоведческий арсенал введено огромное количество новых и забытых имен ученых, осуществлены крупномасштабные переводческие проекты. Новым и позитивным явлением стала деятельность двух государственных научных фондов (Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда), через которые получает поддержку лучшая часть ученого сообщества.

Мы не затронули целый ряд общественных сфер, где происходят или уже произошли глубокие трансформации, которые не замечаются или плохо интерпретируются. Но даже этот анализ позволяет сделать вывод, что *в России стало жить лучше, хотя и сложнее, а сложность есть признак человечности.*

МИФ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ В РОССИИ*

Начнем с цитаты из ежегодного послания президента РФ Федеральному собранию в 2001 г.: "Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе людей, которые в этом разбираются, — уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией". Вопрос о "вымирании России" сегодня обсуждают многие, ибо люди, включая президента, привыкли доверять статистике и тем, кто "в этом разбирается". Отечественные статистика и демография имеют сильные традиции, но специалисты, давшие такие оценки, ошибаются.

Несколько слов об иммиграции

В последние десятилетия большинство развитых стран имеет очень низкий или нулевой рост населения. Никто по этому поводу истерик не закатывает, даже занимающая второе место в мире после России по размерам территории Канада, где численность населения еще меньше, чем у нас, и почти все оно (90%) проживает в полосе шириной 200 миль вдоль границы с США. А менее развитые государства, особенно бедные, больше озабочены сдерживанием роста собственного населения, ибо увеличение числа жителей страны далеко не всегда связано с ее успешным развитием и благосостоянием.

Понятно, что если в стране выше рождаемость, меньше смертность и больше иммиграция, то население растет, если наоборот — уменьшается. Однако строить в этом отношении прогнозы на дальнюю перспективу — вещь довольно скользкая. В начале 90-х годов многие специалисты прогнозировали, что в течение нескольких лет в Россию как на свою историче-

* Газетный вариант опубликован под названием "Готовы ли мы к переписи населения?". См.: Независимая газета. 2000. 10 окт. С. 8.

скую родину приедут 5–7, а может быть, 10–15 млн “соотечественников”. В реальности оказалось, что прибыли 2–3 млн из тех, кого ожидали. Зато приехали несколько миллионов новых жителей страны, которых не прогнозировали и которых, к сожалению, до сих пор отказываются считать жителями страны.

Наша статистика не учитывает (а значит, и не признает за часть населения!) примерно 3–4 млн человек, которые в подавляющем большинстве не имеют российского гражданства, но живут в России. Это прежде всего граждане Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы, Украины, прибывшие в Россию в последние годы и находящиеся здесь временно или постоянно. По всем принятым критериям они входят в совокупное население страны. Поскольку эти миллионы неучтенных людей, главным образом мужчин, составляют одну из динамичных демографических трупп, то обнародованные данные о качестве населения и его возрастной структуре оказываются несостоятельными. Если бы таким же образом считали свое население Германия или Франция, где по десятку миллионов жителей не имеют гражданства, то там давно бы уже обнаружилась “демографическая катастрофа”. А в США и Канаде, где в составе населения доля новожителей без гражданства и временных иммигрантов еще больше, такая “катастрофа” наблюдается уже с полвека.

Какие бы чувства ни испытывали некоторые к тем, кого бытовой расизм именуется “черными”, “азиатами”, “кавказцами” и т.д., серьезные специалисты-демографы не могут согласиться, чтобы несколько миллионов жителей страны исключались из анализа демографической ситуации.

В истории много примеров, когда иммиграция или эмиграция играли весьма существенную роль. В качестве примера здесь можно привести не только страны, образовавшие на основе переселенческой колонизации. Во второй половине XX в. население государств Западной Европы растет фактически за счет иммигрантов и их потомков. Подобное происходит в последнее десятилетие и в России. *Мой прогноз состоит в том, что именно иммиграция является и будет довольно долго оставаться важным фактором формирования населения страны. Нужно только изменить к ней отношение и научиться лучше считать.*

Органы государственной статистики и специалисты по народонаселению не прилагают должных усилий, чтобы более точно оценить влияние вновь прибывших или временно находящихся на территории страны людей на демографическую ситуацию. Я не отрицаю факта снижения рождаемости и роста смертности, однако официальные данные о численности населения России за последнее десятилетие выглядят столь неблагоприятно.

гоприятно именно по причине пренебрежения проблемой иммиграции. Но даже если не считать незарегистрированных жителей, то и в этом случае общая численность населения страны за 10 лет изменилась мало: 147,4 млн человека в 1989 г. и 148,7 млн в 1992 г. (период роста); 148,4 млн в 1994 г. и 146,7 млн в 1998 г. (период падения). За 1999 г. Госкомстат дал драматическую величину падения общего количества жителей — 1,2 млн человек (до 145,5 млн на 1 января 2000 г.). Это в три раза больше, чем в предыдущие несколько лет, когда каждый год население уменьшалось примерно на 300 — 400 тыс. человек.

У серьезных специалистов такие данные вызывают вопросы. Что должно было случиться, если при схожей динамике определяющих численность населения факторов (снизилась только зарегистрированная иммиграция) статистика зафиксировала столь сильное сокращение общей численности? На протяжении скольких лет она должна уменьшаться на 750 тыс. ежегодно, чтобы сделать апокалептический вывод о сокращении населения на 12 млн через 15 лет? Наталья Римашевская предсказывает, что в 2075 г. в стране будет около 50 млн жителей ("Независимая газета". 2000. 9 янв.). Давать такой прогноз можно только в уверенности, что до момента спроса за него сами прогнозисты просто не доживут. *Абсолютно уверен, что при всей сложности демографической ситуации подобного сокращения населения в России не будет.*

Кого и как считать

Как бы ни было сложно считать мигрантов и незарегистрированных жителей, делать это необходимо. Иначе получается, что Госкомстат России и ряд ученых фактически поставляют искаженную информацию о демографической ситуации в стране, квалифицируя некоторые кризисные явления, а также факт уменьшения постоянного населения как "демографическую катастрофу". Эту подсказку еще до Владимира Путина повторил Михаил Касьянов, когда, выступая в Государственной думе во время процедуры утверждения в должности премьер-министра, сообщил о снижении численности населения России на мифические 7 млн человек. Но такого на самом деле нет, даже если это данные Госкомстата, который сейчас считает только тех граждан и неграждан, на кого местные паспортные столы передали талоны регистрации. Добрая часть этих талонов может валяться по паспортным столам значительное время или совсем не передаваться в вышестоящие органы. А сколько миллионов жителей предпочитают не иметь дело с паспортными столами, к сожалению, не известно даже приблизительно.

Еще более непрофессиональными выглядят прогнозы скорой депопуляции России и "вымирания" русских. Некоторые обличители "антинародного режима" Горбачева — Ельцина — Путина или просто заблуждающиеся специалисты предсказывают, что к 2020 — 2025 гг. население страны составит 100 млн человек ("Независимая газета". 2000. 9 янв.) и что численность этнических русских якобы снизится до 65 — 70 млн, а к середине нового века дойдет до 35 — 40 млн! Историк Юрий Кобищанов объявил, что "к 2020 г. число потомственных (?! — В.Т.) русских в России должно сократиться до 85 млн и в дальнейшем будет продолжать уменьшаться" ("Независимая газета". 1995. 2 окт.).

Эти данные о том, "сколько нас останется в России" (сама фраза выдает заданный настрой), строятся на примитивных проекциях графиков рождаемости и смертности в стране на примере всего нескольких лет и без учета детей вновь прибывших жителей.

Прежде всего никто и никогда для большого и сложного по составу населения государства таких долговременных графиков не строит. Демографическое поведение людей достаточно причудливо и не связано жестко с "обнищанием" или "ограблением" народа. Рождаемость может увеличиваться в самые тяжелые времена и среди относительно бедных групп населения. Еще следует толком изучить, что повлияло больше на сокращение рождаемости в России в 90-е годы — "шоковая терапия" или радикальные сдвиги с точки зрения доступности противозачаточных средств, возможностей выполнения более современных тестов и более простых операций по прерыванию ранней беременности. Сказался и отъезд за границу в более богатые страны на учебу и работу многих молодых людей — фактор, который в объяснениях специалистов фактически не присутствует. Но самое важное то, что даже незначительное улучшение экономической ситуации и психологического климата может сильно повлиять в ближайшем будущем как на рождаемость, так и на иммиграцию в Россию. Поэтому рисовать ужасающие графики крайне рискованно, тем более, что ничего аналогичного в недавнем историческом опыте нашей и других стран не наблюдалось. Нам неизвестны современные государства, где бы население или доминирующая этническая общность сократились вдвое или втрое за 30 — 50 лет.

Приходится также напоминать, что динамика численности населения страны складывается далеко не из одного только естественного движения населения. *Иммиграция в Россию будет возрастать с учетом ее огромной притягательности для культурно близкого населения других стран бывшего СССР и даже для жителей других стран, прежде всего для китайцев.* Послед-

ние не представляют собой носителей некоей неадаптируемой “чуждой цивилизации, как считают некоторые специалисты. Китайцы прекрасно адаптируются во многих странах, в том числе европейских, и даже без знания русского языка могут составить серьезную конкуренцию на рынке труда иммигрантам из той же Средней Азии. Я не являюсь сторонником массового заселения Сибири и Дальнего Востока выходцами из Китая, но необходимо обсуждать привлечение китайской рабочей силы в страну и ее рациональное размещение, а не произносить воспаленные и необоснованные сентенции насчет якобы уже происходящей китайской экспансии на Дальнем Востоке. Эти последние — наиболее яркая демонстрация некомпетентности специалистов и зашоренности политиков.

Уже состоявшаяся иммиграция и неизбежная (к большому благу для страны) будущая иммиграция обязательно повлияют на рост рождаемости в России в самые ближайшие годы. Все выстраиваемые графики грозящей демографической катастрофы ровным счетом ничего не стоят. Они, кстати, очень лукавы, ибо сходная ситуация существовала на территории РСФСР (особенно в так называемых русских областях) и в 70—80-е годы, а общий рост населения СССР обеспечивался благодаря росту населения республик Средней Азии и Закавказья, а не собственно России.

Рецепты вместо фраз

Период реформ в России действительно связан с серьезными демографическими проблемами. Прежде всего это относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей. Но ни одна из этих проблем не может квалифицироваться как катастрофическая, кроме мужской смертности среди средних возрастов, тем более, что драматические фразы делу не помогут: рожать от этого больше не станут, людей на дорогах будет гибнуть не меньше и травиться алкоголем также. Нужно действовать по конкретным направлениям сохранения здоровья и жизни людей и содействия рождению второго и третьего ребенка в семье, в том числе выделять для этого государственные средства. Не помешают и пропаганда здорового образа жизни и деторождения, меры против курения, производства некачественной водки, травматизма. *А самое важное — внушение жителям страны, каждому человеку, начиная с малого возраста, что прежде всего сам человек ответственен за свое тело и за его здоровое состояние. Уверен, что в вопросах смертности фактор пренебрежения здоровьем весомее факторов доступности лечения и недостаточного питания.*

Предстоящая в 2002 г. перепись должна будет решить важнейшую задачу — установить более или менее точную численность населения России. Неучтенное население — извечная проблема переписей, но должны быть предусмотрены дополнительные меры, чтобы сотни тысяч сезонных (часть из них фактически постоянные жители) рабочих и предпринимателей, которые занимаются строительством или торговлей в Москве и других городах или строят частные коттеджи в Подмосковье, попали в поле зрения переписчиков. Тем более данные не будут точными, если перепись не учтет миллионы жителей без российского гражданства или выехавших из зон конфликтов, которые могут просто побояться встречи с переписчиком. Закрытые железными дверьми подъезды домов и квартир — это, пожалуй, главная проблема будущей переписи. Уже сейчас необходимо объявить законодательную гарантию, что индивидуальные переписные данные не могут быть предоставлены никаким ведомствам и службам, судебным, налоговым и миграционным органам, ни по каким частным запросам, включая исследователей (только по истечении минимум 50 лет). За нарушение — пять лет тюрьмы и 5 тыс. долл. штрафа, как, например, в США. Только так можно создать климат доверия, без которого перепись будет просто выброшенными на ветер деньгами.

Как считать бедность и богатство?

Еще более важен вопрос об оценке социальных условий жизни. Доминирующая позиция обществоведов и политиков сводится к тому, что в годы реформ произошло всеобщее обнищание и грандиозное социальное расслоение населения страны. Обычно считалось, что 10% граждан выиграли от реформ и 90% проиграли. Недавно Григорий Явлинский публично заявил, что 97% населения страны живет в нищете. Аналогичные утверждения присутствуют в повседневной риторике Геннадия Зюганова. Правда, в последнее время среди специалистов появились некоторые поправки в пользу "выигравших". Однако эмоциональная предубежденность настолько сильна, что затрудняет спокойный анализ.

Те, кто говорит об "обнищании народа", убедительных аргументов, кроме малонадежных данных о сокращении потребления и об ухудшении состояния здоровья, об обследованиях домохозяйств по устаревшим или неподходящим для российской ситуации методикам, не приводят. Н.М. Римашевская пишет об очагах концентрации бедности и называет одним из первых среди них Северный Кавказ. Посетив в июне 2000 г. Дагестан (если верить статистике и даже хорошим специалистам

это самый бедный, депрессивный и на 90% дотационный регион страны), я еще больше убедился, что существует грандиозная мистификация относительно реального положения дел в стране. Современный Дагестан видится мне динамичным обществом, где люди одержимы исполнением своей основной миссии — социальным обустройством собственной жизни, мобилизуя для этого не только изобретательное предпринимательство (в Махачкале, например, около 4 тыс. частных “Газелей” и “Соболей” обслуживают пассажирские и транспортные перевозки), этнические и родственные коалиции, неправовые методы (воровство и мафиозные структуры), но и отчаянный торг с Центром за дополнительные ресурсы. В итоге по крайней мере равнинная часть республики от Кизляра до Дербента, где сосредоточено около 70 — 80% населения, совсем не демонстрирует бедность, если брать в расчет размеры и качество жилья, потребляемые товары длительного пользования и престижного характера. Общие данные о состоянии здоровья населения по Северному Кавказу выглядят лучше, чем в других регионах страны, кроме Центрального. Хотя в сельских районах республики распространен туберкулез, имеются проблемы с детской смертностью и здоровьем женщин. Здесь есть над чем задуматься экспертам, если они хотят действительно “замерить” и “сосчитать” местные сообщества.

Одинокие нищие на российских городских улицах не идут ни в какое сравнение с уличной нищетой Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Тем, кого смущают подростки, продающие газеты или моющие автомобили в учебное время, можно посоветовать познакомиться с улицами мексиканских, бразильских или индийских городов. Россияне просто не видели, что такое подлинная нищета. Когда многие обездоленные (в большинстве своем нуждающиеся в лечении от алкоголизма) оказались доступны невооруженному глазу, а социальная расслоенность проявилась за пределами обкомовских заборов, то это вызвало у наших людей психологический шок. Не составляют исключения и профессиональные обществоведы.

Но главное состоит в относительности самого понятия “бедность” или “обнищание”. Бедность в Великобритании или в США — это не бедность в Индии или в странах Африки. Смею утверждать, что Россия в данном случае скорее попадает в первую категорию (точнее, в категорию стран Восточной Европы, Балтии и западной части стран СНГ), чем во вторую. Наша бедность никак не согласуется не только с хорошей одеждой и драгоценностями в ушах жалующихся, но и с более глубокими социологическими и демографическими характеристиками феномена бедности. Назову моменты, которые говорят скорее о “психологической” бедности образованного и

имеющего высокие социальные ожидания населения, а не о реальной нищете.

Например, 10 из наиболее бедных стран, ныне переживающих посткоммунистические трансформации (с совокупным доходом менее 1000 долл. на человека в год), имеют среднюю детскую смертность 37 на тысячу рожденных и доживших до одного года. Если взять страны остального мира с подобным уровнем доходов, то там средняя детская смертность составляет 81 на тысячу! Грамотность среди взрослого населения в этих 10 странах достигает 98%, а в остальных странах той же категории — не более 70%. Общая рождаемость находится на уровне 2–3 детей по сравнению с 5 детьми в остальных странах мира с аналогичными доходами. Другими словами, если некоторые посткоммунистические страны (кстати, Россия числится в более благополучной категории по уровню доходов, т.е. выше 1000 долл. в год на человека) действительно имеют бедное население, тогда в них должно умирать больше младенцев и гораздо больше рождаться, а также не может быть так много грамотных людей, ибо это тоже стоит больших денег.

Рост числа вузов и студентов в стране в последние годы и резкое увеличение набора студентов в 2000 г. говорят о том, что люди могут позволить себе высшее образование (вместо необходимости зарабатывать на хлеб), и таких людей, возможно, даже больше, чем это необходимо для страны. Слишком большое количество людей с вузовскими дипломами среди жителей Косово, Северного Кавказа и Закавказья (пропорционально выше, чем во Франции или Англии!) явно не способствовало стабильности в этих регионах.

Мимо чего проходят эксперты

Моя позиция "в России жить стало лучше, но сложнее" лишь отчасти является формой гуманитарной терапии. На самом деле это вызов несостоятельному отечественному обществоведению, которое несет часть ответственности за хождение таких метафор, как "катастрофа" и "обвал", ибо порождает подобных чудовищ прежде всего в головах людей. Статистика не может вырваться из этого дискурса, ибо сама делается распространяемыми людьми или просто обслуживает политический запрос. Как можно оставлять без внимания наличие почти 40 млн земельных участков в собственности граждан, большая часть из которых получена и обустроена именно в последние десять лет? Статистика почти обходит частное загородное строительство, в том числе дополнительные постройки, перестройки и прочие улучшения, поскольку очень многие владельцы недвижимости не могут преодолеть канитель регистрации

домостроений или не желают этого делать. Очень вероятно, что многие не сообщат данные сведения и в ходе переписи. Но именно сюда (новые дома и квартиры) ушли основные ресурсы и средства граждан (в основном "изъятые" или, если хотите, украденные у государства и из окружающей среды), если не считать многочисленных квартирных улучшений, таких, как новые окна, двери, сантехника, ремонт комнат и прочее. Перепись может не зафиксировать и миллионы загородных особняков, ибо подавляющее большинство их считаются недостроенными или официально не оформлены. Если все это окажется проигнорировано, то цена предстоящей переписи, с точки зрения изучения социальных условий, будет ничтожной.

На чем основана моя убежденность в том, что уровень и объем социальных улучшений гораздо больше, чем нас убеждают статистика, некоторые ученые и публицисты? Во-первых, я опираюсь на некоторые макропоказатели, такие, как, например, производство в стране кирпича и других строительных материалов, количество потребляемой населением электроэнергии, объем производства и импорта легковых автомобилей, мебели, телевизоров, холодильников, текстиля, предметов быта и обихода, лекарств и многих других необходимых вещей. Не может же все это "скушать" мафия или даже 10% "другой России", если легковая машина (особенно после появления действительно "народного автомобиля" — вазовских моделей) стала достоянием почти каждой семьи (если считать родителей и детей).

Во-вторых, есть определенные этнографические данные. При всем уважении к представительным обследованиям бюджетов домохозяйств, о котором упоминают авторы статьи в "Независимой газете" (2000. 6 марта) Владимир Иванов и Анатолий Суворов, наши наблюдения в малом уральском городе Нижние Серги (17 тыс. жителей) и нескольких деревнях, не говоря уже о московской агломерации, приводят к иному выводу. Хотя расчеты валового внутреннего продукта или доходов домохозяйств, используемые для оценки уровня бедности, как правило, включают в себя оценки теневой экономики, более вероятно, что компенсация экономического спада деятельностью в неофициальном секторе намного больше, чем принято считать. Эта деятельность и многие другие механизмы "выживания" остаются вне сферы охвата статистики. Важнейшим моментом замещения доходов является, например, гораздо большая степень перераспределения средств в рамках родственных связей, когда более состоятельные родственники оказывают помощь менее состоятельным. Частные формы такого вспомоществования в некоторой степени заменили былую систему социального обеспечения. Добротной

антропологии такого рода новых социальных отношений у нас, к сожалению, нет.

Безусловно, в стране имеются случаи, когда родители живут на детские социальные пособия. Но не менее очевидно и другое: сегодня намного больше молодых людей помогают даже еще не старым и работающим родителям, чем это было в прошлые времена. Вся статистика говорит о том, что молодые когорты самодеятельного населения гораздо больше преуспели в новых условиях, и эта ситуация однозначно принимается родителями. Отсюда один из моих выводов: улучшение жизни детей есть общее улучшение, причем не только в перспективе, но и уже сегодня.

В ходе начатой мною дискуссии обнаружился еще один существенный момент, который затрудняет выявление истины. Это — эмоциональная обостренность личного восприятия анализируемой проблемы. Многие мои коллеги готовы обсуждать данные вопросы, но только без саморефлексии и без проекции оценок на ближний круг социальных связей. Несколько сот членов Российской академии наук одобрительно выслушивают выступление академика Д.С. Львова о катастрофическом положении в стране, но не видят того, что у подъезда их ожидают водители служебных автомобилей, и эти водители, кстати, тоже стали жить лучше и уже имеют собственные автомобили. Еще десять лет тому назад у здания МГУ не было принадлежащих студентам автомобилей. Сегодня с трудом находится место для парковки. Но тогда все-таки в какой степени люди науки и студенты действительно пребывают в бедности? И можно ли оценивать их положение по заработной плате и стипендиям? В Дагестане средняя заработная плата научных работников составляет 700 руб. в месяц. Но двое дагестанских коллег, с которыми я беседовал, признали, что брак их молодых отпрысков стоил им по 15 — 20 тыс. долл. личных средств.

Что и как считать в многоэтнической стране?

Это важный вопрос дискуссии, связанный с новой переписью населения. Он сложнее, чем представляет себе Госкомстат, хотя в нем работают хорошие специалисты. Прежде всего надо уяснить, что мы собираемся установить — некую номенклатуру "национальностей, национальных или этнографических групп" (так сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не взаимоисключающий характер? В большинстве развитых стран, проводящих переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (там предпочитают спра-

шивать о языке, религии или расе) или фиксируют этническую принадлежность в ее множественном варианте.

Последняя перепись населения США, проведенная в начале 2000 г., позволяла давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе.

Что-то похожее мы имеем в России применительно к категории "национальность". Существовавшее на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) понимание этой субстанции привело к глубокой вере в то, что население стран состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло этап обучающей "национализации", т.е. их представители считают себя "нациями", и это косвенно признается государством в конституционной записи о многонациональном народе России. Понятие "национальность" в смысле этнической, а не гражданской принадлежности ввелось в сознание довольно глубоко. Однако ждать, когда политики и ученые дойдут до понимания проблемы, уже невозможно. Перепись 2002 г. следует провести по современным канонам применительно ко многим аспектам, особенно касающимся национальности.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные об этнической (национальной) принадлежности, т.е. как бы устанавливает количество и численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации, кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране. Некоторые ученые полагают, что для выяснения полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания и не заниматься их корректировкой через "встречный" список народов, который подготовлен учеными. Этот подход исходит из той же посылки, что где-то в глубине личного сознания существует подлинное "национальное или этническое самосознание", выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение якобы не имело места в прошлом, поскольку не поддерживалось государством и экспертами, которые не желали "признавать этносы". Следует сказать, что в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов — это всегда не расширение, а сужение числа этнических единиц. Но было и мирное конструирование "социалистических наций и народностей", в том числе и по рекомендациям ответственных ученых, по выбору местных элит и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом объясняется другими при-

чинами. Во-первых, наивной верой, что этническая идентификация всегда главнее других форм социальной идентификации и что она всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер, и трудно сказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Этих людей больше нельзя ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли так делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор — за пределами госинструкций.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна, что даже если одна перепись зафиксировывает "полную картину этносов", то следующая даст наверняка другой список — больший или меньший, но обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека. Поэтому отказ от списка ради "открытого листа", но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров о том, что есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не поможет здесь и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии "в основном проживающие на территории Российской Федерации" и "в основном проживающие за пределами", так и по линии вертикальной иерархии (этносы—субэтносы): например, казаки или поморы как субэтносы русских, а болгары или мишари как субэтносы татар, дигорцы как субэтнос осетин и т.д. В конечном списке все равно останутся национальности *казаков*, *болгар*, *дигорцев* и многие другие, которые или в списке не присутствовали, или находились в некоей подкатегории.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный с точки зрения современной науки вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Дай Бог преодолеть давление националистических сил и внедряемые местными администрациями республик ассимиляционистские установки в пользу так называемых титульных национальностей. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков с целью приумножить "государствообразующий этнос". Отчаянную мобилизацию вокруг переписи

си могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного выбора при разумных разъяснениях со стороны переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими. Вы можете указать одну или несколько этнических (национальных) принадлежностей или никакой: например, русский и еврей или русский еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мордва-эрзя, осетин-дигорец, русский-казак, калмык-казак, русский-помор, татарин-кряшен и т.п. Таковы на данной стадии мои предложения.

И все же в соответствии с существующей в стране практикой Институт этнологии и антропологии РАН подготовил для Госкомстата России "Перечень национальностей и этнических групп для разработки материалов всероссийской переписи 2002 г.", в котором значится 158 названий (точнее сказать, категорий учета). Это на 30 единиц больше, чем в переписи 1989 г. Но на самом деле в нем 60 новых названий, ибо исключены 30, которые были в последней советской переписи. Неправомерно считать отдельными "народами России" несколько десятков или даже сотен австрийцев, албанцев, американцев, англичан, арабов, афганцев, венгров, голландцев, испанцев, кубинцев, португальцев, румын и т.д., как это было в нескольких прошлых переписях. Вместе с немногочисленными представителями примерно еще одного десятка народов, ныне проживающих главным образом в других государствах бывшего СССР, все они перейдут в категорию "другие национальности" без всякого ущерба для науки и статистики.

Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый "настоящий" список национальностей — это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо *в России живет один народ — россияне, отличающийся, как и народы других государств, богатством своей культурной сложности.*

ЯЗЫК И АЛФАВИТ КАК ПОЛИТИКА*

В Республике Татарстан возникла проблема общегосударственного значения, хотя речь идет всего лишь о смене алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу. Руководство Татарстана и часть местной интеллигенции инициировали принятие республиканского закона, который предусматривал начало реформы с сентября 2001 г. Еще раньше этому предшествовала принятая в 1991 г. "Концепция развития татарского просвещения", которая определила курс на последовательную автономизацию так называемой национальной школы Республики Татарстан, ее организационную и содержательную изоляцию от национальной российской школьной системы.

Что такое национальное образование?

Основной аргумент состоит в том, что латиница более адекватно отражает фонетический строй татарского языка, а длительное существование кириллицы наносило ущерб функциональному развитию этого языка, принося неудобства его носителям. Приводятся мнения республиканских политиков, что языковые вопросы решает народ, которого это прежде всего и касается, а остальное общество и федеральные власти не должны здесь навязывать свое мнение. Одним из основных аргументов в пользу реформы приводится решение Всемирного конгресса татар — эпизодического собрания "гостей республики", по сути своей никого не представляющего и крайне политизированного.

То, что данный вопрос носит политический характер и является рецидивом татарского этнонационализма, имеет целый ряд подтверждений. В политической повестке он стоит еще с начала 1990-х годов. Указом президента Татарстана в 1997 г. предусматривалось совершенствование графики —

* Статья послужила основой газетной публикации под названием "Алфавит как политика". См.: Труд. 2001. 21 фев. С. 5.

кириллицы, на которой татарский язык успешно развивался почти 70 лет, и даже самые выдающиеся специалисты не выступали в пользу латиницы, хотя эти вопросы не были закрыты для обсуждения в послесталинские времена. Однако тенденция перехода на латиницу взяла верх, причем одним из основных аргументов была геополитика — выход на тюркоязычный мир и вхождение в мир массовых коммуникаций.

Вопрос о смене алфавита был поручен или инициирован в его законченной форме Институтом истории Академии наук Татарстана, возглавляемым политическим советником Минтимера Шаймиева Рафаэлем Хакимовым. При этом институте существует Центр истории и теории национального образования, который и представил "Национальную доктрину развития образовательно-воспитательных систем в республике Татарстан". Цель доктрины — отказ от унитарной системы и создание национальной системы образования. Скорее всего, речь идет о реформе всей школьной системы в республике. Как упоминается в документе, "вполне понятно, что в скором будущем придется отказаться от московских программ и учебников и подумать о составлении своих учебно-методических пособий для русских школ, поскольку реорганизация унитарной системы образования в национальную касается и функционирующих на территории республики русских школ".

Данная позиция рассматривать республиканские системы образования как "национальные" происходит из советской доктрины так называемой национальной школы, под которой имелась в виду (этот взгляд сохранился и до сих пор) не государственная (т. е. национальная) система образования, а этнокультурно ориентированная система обучения. При Министерстве образования РФ и Минфедерации РФ до сих пор действует Институт национальных проблем образования, который и сегодня рождает концепции "национального образования". Их авторы фактически предлагают обучать некоего коллективного субъекта под названием "этнос", а слово "ученик" даже и не упоминается. Не удивительно, что исходящая из Москвы саморазрушительная логика этнического, а не гражданского образования нашла свое полное завершение в татарстанской доктрине, в которой вообще не идет речь о формировании гражданского сознания молодых россиян: "Национальная доктрина образовательно-воспитательных систем в Республике Татарстан" является отражением государственной политики в области образования. В ней последовательно проводится идея суверенизации Республики Татарстан, по которой республика должна находиться "не внутри России и не вне России, а рядом с Россией". Откровенно говоря, софистика татарского нацио-

нализма может быть утомительной и казаться болезненно навивной, но было бы ошибкой не противопоставлять ей другие аргументы, которые должны быть в распоряжении одной из самых мощных и достойных национальных образовательных систем мира, каковой была советская, а ныне является российская система образования.

Место языка в современном мире

Язык — это важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. “Без языка нет и народа”, — считают некоторые политики и ученые. И каким быть татарскому языку и используемому им алфавиту, должны решать сами татары. До этого за них чаще решали волевым путем государство и московские эксперты. Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Есть вопросы, которые нельзя сводить к лингвистическим дебатам или к эмоциональным и политизированным аргументам. Их следует задать сейчас и получить на них ответы.

С точки зрения ученых, все языки равноправны, если они адекватно выполняют свою роль в системе коммуникации культурно схожих людей. С позиции современной науки, даже широко распространенное деление на языки и диалекты является условным и во многом зависит от политики и от властных отношений. Есть яркое выражение: “язык — тот же диалект, но только с армией”, а “диалект — тот же язык, но без армии”. Другими словами, за кем больше властных ресурсов — у того больше возможностей утвердить свою систему коммуникации в качестве главной или более привилегированной. Но в любом государстве всегда существует языковая асимметрия. Один язык, обычно более многочисленной этнической группы, доминирует над языками меньшинств, вплоть до того, что языки малых групп могут со временем оказываться в маргинальном положении или совсем исчезнуть. Так было на протяжении всей человеческой истории. Причем доминирование языка большинства населения в одном государстве далеко не всегда происходит под воздействием силы. Часто — это результат экономических и социальных факторов, рационального выбора людей, родительских стратегий в отношении собственных детей.

С момента возникновения современные государства всегда стремятся к языковой унификации, к тому, чтобы население могло говорить на одном языке. Единый язык — это средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная норма в реальности не существует. Языков в мире око-

ло 4–5 тыс., т.е. их гораздо больше, чем государств и даже этнических общностей. Максимум, чего добиваются государства, так это закрепление за одним или несколькими языками официального статуса, на которых должна общаться государственная бюрократия и отдаваться военные приказы.

Современные государства с демократическими нормами правления признают языковое разнообразие своего населения и даже поддерживают его (особенно малые языки), а также гарантируют языковые права представителей меньшинств. В Италии, например, представители немецкоязычного меньшинства, проживающие на севере страны, обеспечены необходимым корпусом немецкоязычных судей вплоть до Верховного суда, где обязательно есть один из судей, владеющий немецким языком. Я уже не говорю о таких вещах, как сфера государственных услуг или надписи в публичных местах. В США уже в аэропорту Кеннеди вас сейчас встречают надписи, исполненные на английском и испанском языках, поскольку несколько десятков миллионов американцев говорят на испанском.

Для кого русский язык родной в России?

В России наиболее широкое распространение получил русский язык, на котором может говорить все население страны, но в то же время сохранились многие языки, несмотря на сокращение числа их носителей и сферы использования. Сегодня русский язык является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, ибо по всем мировым стандартам родной язык — это материнский или первый выученный в детстве язык. Таким образом, *русский язык является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, угуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других, включая тех же российских татар.*

Переход на русский язык многих представителей других народов представляет собой выбор (иногда добровольный, иногда вынужденный) в пользу языка, который дает больше возможностей для жизненного преуспевания граждан в едином государстве, для большей социальной и пространственной мобильности людей, живущих в одной стране. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам (наряду с английским, испанским, французским и арабским). На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций. Знание русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе. Не зря, выехавшие в Израиль российские евреи сохраняют знание русского языка

и даже требуют его признания как одного из официальных языков государства наряду с ивритом и арабским.

В этой связи, прежде чем решать языковые вопросы в новых демократических условиях, нужно сменить некоторые старые доктринальные установки и начать считать родным языком не тот, который совпадает с национальностью одного или обоих родителей, а язык, который является для человека первым языком, включая и домашнее общение. Кроме того, необходимо перестать считать русский язык родным только русских. При этом следует противостоять аргументу радикальных националистов, что утрата, точнее смена языка, однозначно ведет к утрате этнической идентичности и к исчезновению отдельного народа. В мире огромная масса народов, большинство представителей которых (или целиком все) сменили язык и говорят на "чужом" языке, но от этого не утрачивают своей идентичности.

В России ситуация обстоит точно так же, и фактическая степень распространения и использования русского языка гораздо выше, чем об этом свидетельствуют данные прошлых переписей, когда, например, многие родители записывали своим детям родной язык, на котором они не знают ни одного слова, но зато прекрасно говорят по-русски.

Новый порядок вопросов в переписи 2002 г. поможет точнее определить языковую ситуацию в стране, ибо теперь сначала будут задавать вопрос об языке, а потом о национальной принадлежности, а не наоборот. Хотя рост этнонационализма среди нерусских народов в последние годы (иногда его называют "национальным возрождением") может отчасти нейтрализовать эту более точную процедуру в ходе переписи. Но в любом случае специалисты знают, что россияне, для которых русский язык является основным, гораздо больше, чем об этом гласит переписная статистика. Не являются исключением и российские татары, для многих из которых русский язык — это их родной язык.

Культурный раскол татар

Можно ли осуществить политическими, законодательными и другими мерами полный возврат татар к татарскому языку? Скорее всего, нет, тем более, что большинство татар живет за пределами Татарстана, и местное законодательство и образовательно-информационная политика их фактически не достигают. По крайней мере подобные усилия в полностью независимой Ирландии уйти от английского и вернуться к ирландскому закончились неудачей.

Это означает, что большинство российских татар продолжат пользоваться и русским языком и кириллицей, не

переставая считать себя татарами. *Переход части татар на латиницу будет означать культурный раскол среди самих татар*, которые и без того неоднородны, и в переписи 2002 г. часть татар образуют новые группы (например, кряшены), которые до этого не допускал официальный список народов СССР.

Раскол двух общин Татарстана

В какой мере смена алфавита отвечает интересам и учитывает права населения Республики Татарстан и насколько она будет способствовать консолидации местного татарстанского сообщества? Все ссылки на мнение или на волю народа в данном случае малосостоятельны. В Татарстане — государственном образовании, созданном от имени всего народа республики и существующем за счет всех налогоплательщиков, никакого референдума по данному вопросу не проходило. Но даже если бы такой референдум состоялся, то, как и все постсоветские референдумы, он еще раз показал бы возможность высокой степени манипулирования мнением населения, не обладающим пока достаточной гражданской и политической культурой. Тем более, что нетатарская часть населения республики в данный исторический момент политически организована гораздо слабее и явно недопредставлена в органах власти, особенно в Государственном совете. Так стоит ли пользоваться этим, вероятно, временным преимуществом при решении вопросов, которые затрагивают судьбу будущих поколений?

Ясно, что не менее половины населения республики, включая и тех, кто еще будет проходить обучение, на использование латиницы в своей языковой практике переходить не будет, продолжая пользоваться кириллицей. Таким образом, *переход на латиницу может означать не только культурный раскол среди российских татар, но и социально-политическое отчуждение между двумя основными общинами республики*, отношения между которыми до сих пор были, по российским меркам, почти образцовыми и в любом случае мирными. Именно с подобных расколов по вопросам языковой политики (даже не использования языка, а именно политики) начинались многие открытые конфликты в сложных сообществах.

Отказ от культурного наследия

Смена алфавита связана и с судьбой огромного по значимости татарского культурного наследия и ценностей, созданных в XX в. в советский период, когда практиковалась кириллица. По своей значимости (особенно это касается письменной культу-

ры) последние 80 лет превосходят все другие предшествовавшие эпохи в истории татарского народа. Именно в этот период пришла всеобщая грамотность населения и было написано и издано не менее 90% всей литературы разного характера, начиная от художественной и научной вплоть до учебников и технических инструкций. Если подобные реформы в начальный период советской власти затрагивали только малую часть населения и сравнительный мизерный по объему культурно-информационный пласт народа (хотя среди татар и был высокий уровень грамотности), то сейчас речь идет о судьбе основного культурного фонда. Для этого достаточно заглянуть в каталоги татарстанских библиотек.

Переход на латиницу предполагает забвение кириллицы, ибо выучившие латиницу дети должны будут читать другую литературу, но какую? Сами же татарские специалисты и политики осуждают смены алфавита в 1920-е годы, так как татарам пришлось исключить из своего культурного багажа созданные тексты на арабской графике. Но по сравнению с татарским кириллическим письменным наследием арабоязычное не идет ни в какое сравнение. Еще несколько лет тому назад некоторые энтузиасты латиницы приводили в ее пользу аргумент бурно развивающегося на латинице мирового Интернета, но сейчас русскоязычный Интернет — один из самых быстро растущих в мире.

Переход на латиницу означает отказ живущих в Татарстане татар от большей части собственного письменного наследия, созданного в XX в. В отличие от начала века письменная культура стала основным и всеобщим достоянием представителей того или иного народа. Если в Татарстане станут ненужными десятки миллионов экземпляров книг, тогда Фонд гуманитарного содействия Чеченской республике первым подаст заявку на пересылку семейных библиотек из непросторных татарских квартир в Чечню, где все библиотеки разорены и книги сгорели.

Судьба татар в России

Как повлияет смена алфавита в Татарстане на статус и перспективы проживающих в республике казанских татар в общероссийском культурном и социально-политическом пространстве? Сегодня татары — это один из наиболее модернизированных и конкурентных народов страны. Наряду с русскими татары — одни из основных создателей исторической российской государственности. В какой мере латиница предоставит им дополнительные преимущества в жизненном преуспевании в рамках всей страны и не станет ли она одним из препятствий

в социальной мобильности, сдерживая развитие народа в нынешних более конкурентных условиях? Нам представляется, что *переход на латиницу приведет к неоправданному дистанцированию от общероссийского пространства, а точнее, к росту изолированности этой части граждан от остального населения страны* по элементарной причине недостаточного знания кириллицы, а значит, и русского языка. Сегодняшнее двуязычие казанских татар — их большое преимущество, а при наличии двух алфавитов они лишатся его.

Нам представляется, что чисто фонетические проблемы могут решаться дополнительной адаптацией той же самой кириллицы к фонетическому строю татарского языка. Подобные реформы делаются и сейчас во многих странах, а современные компьютерные технологии вообще снимают вопрос даже о введении в кириллицу латинских графических элементов. Достаточно на клавиатуре одновременно нажать две клавиши.

Меньше всего я бы сводил названные проблемы к вопросу о геополитических проектах со стороны татарского национализма и сочувствующих или использующих его внешних сил, а тем более к вопросу об угрозе национальной безопасности России: в СССР одновременно существовали четыре алфавита, однако государство распалось не по этой причине. И хотя эти проблемы пока никем не обозначены, от ответа на них уходить не стоит.

КРИЗИСНАЯ ПАРАДИГМА В РОССИИ

В 2000 — 2001 гг. я посетил ряд волжских городов, в том числе Ярославль, Кострому, Кинешму, Нижний Новгород, Казань, Самару, Ульяновск, Саратов, Волгоград, Астрахань. Последняя поездка в августе от Казани до Астрахани была связана с участием в международной конференции “Великий Волжский путь”, организованной коллегами из Татарстана в связи с подготовкой празднования 1000-летия Казани в 2005 г. Осматривая останки древнего города Булгара, стоявшего почти тысячу лет тому назад на высоком волжском берегу в центре важнейшего торгового пути между Северной Европой и бассейном Каспия, невольно думаешь, сколько еще тайн хранит наша история, несмотря на героические усилия ученых — археологов и историков реконструировать прошлое. Но и сегодняшняя наша жизнь не столь проста для понимания современниками, как, вероятно, она была не во всем ясна путешественникам, особенно из дальних стран, которые оставили нам свои описания древних народов и мест их проживания.

Взглядом социально-культурного антрополога, который использует этнографический метод включенного наблюдения, я увидел многое то, что скрыто от других специалистов-обществоведов, которые полагаются прежде всего на официальную статистику, макроэкономические анализы, опросы общественного мнения, политические заявления и бытовую риторику. Мой вывод однозначен: за последние десять лет жизнь подавляющего большинства населения данного региона (точнее, имеется в виду территория Приволжского и части еще двух федеральных округов) радикально изменилась, причем в лучшую сторону. Эти перемены столь значительны, что воспринимаются многими, особенно старшим поколением, как нарушение привычного порядка вещей, а значит, чаще всего как негативное явление.

Новые ситуации и проблемы, к которым не все готовы, поскольку нужно принимать самостоятельные решения, изменчивость правил, норм, ценностей и даже цен, ослабление при-

слоненности (точнее зависимости) к государству, снижение личной безопасности — все это присутствует в сегодняшней жизни, но является производным, или платой за ту свободу и предоставленные возможности, которых люди добились.

Какие это перемены к лучшему, которые не хотят видеть многие политики или не способны уловить ученые и другие наблюдатели? И почему речь идет не о них, а только о том, что "по Волге больше не ходят пароходы", "Волга загажена и нет в ней рыбы", "жизнь стала нестерпимой", "все вокруг разваливается и одна нищета". Недавно избранный губернатор В. Шаманов добавил во время встречи, что в Ульяновской области "в некоторых местах вынуждены питаться жмыхом". В Саратове две безбилетные дамы с полными сумками покупок вызываяще бросили кондуктору троллейбуса: "Натворили черт-те знает чего, а тут еще и билеты требуют покупать". Модно и дорого одетая молодая девушка, выступая на одном из российских телеканалов, заявила на следующий день после выборов губернатора Нижегородской области: "А чего хорошего мы в этой жизни видим? Все вокруг в упадке".

Итак, какие перемены к лучшему, почему мы их не видим и к чему ведет господство кризисной парадигмы в России? Под словом "парадигма" мы имеем в виду преобладающий комплекс взглядов, представлений и ощущений в данном случае о российской жизни и о России как стране в целом.

А хорошего очень много. В сентябре 2000 г. я был свидетелем праздника День города в Нижнем Новгороде. Территория вокруг Кремля и прилегающие улицы были весь день заполнены десятками тысяч людей, главным образом молодого и среднего возраста. Все без исключения были хорошо и разнообразно одеты (пусть даже и в китайский ширпотреб, в котором, кстати, ходит большинство населения и западных стран). Внешний вид нижегородцев соответствовал их здоровым лицам и хорошему настроению. Пьяных почти не было даже вечером, хотя торговля пивом, водкой и разной снедью продолжалась весь день. В целом город производил более чем благополучное впечатление — много новых городских построек, хорошие дороги, реставрированные здания, отремонтированные театры и музеи, большое число ресторанов и магазинов, оживленная уличная торговля и т.п.

То же самое можно сказать и о других крупных городах Поволжья. Кострома, Ярославль, Кинешма — в отреставрированном состоянии значительная часть старинной архитектуры, в том числе храмовые сооружения, чистые фасады и улицы, хорошие скверы и набережные, не очень богатые рынки, но вполне доступен широкий набор продуктов, вещей, лекарств, строительных материалов и разных услуг. Номер ивановской

газеты объявлений содержал рекламу почти 50 тыс. товаров с оптовых складов и магазинов, подавляющее большинство которых десять лет тому назад было даже неизвестно россиянам.

Заметим, речь идет о так называемых дотационных регионах. Южнее Казани к ним относится еще и Ульяновская область. Я не видел тех деревень, о которых говорил губернатор Шаманов, где люди едят корм для скота. Но есть сомнение в массовой бедности и в этой области, ибо по-настоящему голодные люди обязательно прибыли бы в город. Тем не менее в Ульяновске на улицах нет сельских нищих, которых легко отличить от обездоленных беженцев или от местных бомжей.

Нужно быть слепым или идеологически распропагандированным, чтобы не видеть, что для ряда больших волжских городов, прежде всего для Казани, Самары, Саратова и Астрахани (о Нижнем уже была речь), последнее десятилетие — это время невиданных до сих пор в истории позитивных перемен. Никогда за предыдущие десятилетия не было построено столько жилья, в том числе и загородного по берегам реки и в других дачных местах. Никогда не было куплено столько автомобилей, цветных телевизоров, холодильников, мебельных гарнитуров, женских меховых шуб и украшений, как в последние десять лет. Несмотря на высокие цены, количество и номенклатура потребляемых лекарств везде выросла, как и расширились медицинские услуги. Местные магазины и рынки отличаются от московских только более низкими ценами, но не набором товаров.

Каждый большой город на Волге неповторим своей историей и современным обликом. Но есть и общее — это новая динамика жизни, проявляемая в свободном поведении людей, в более разнообразном препровождении времени, в богатом культурном производстве, в возродившемся краеведении и в новых малых музеях, в высоком престиже образования и современном студенчестве, которое, кстати, прекрасно выглядит, в активном освоении внешнего мира через средства массовой информации и через заграничные путешествия.

Если говорить о позитивном без деталей, то приведу только несколько примеров. Это — бурно обновляющаяся Казань, обещающая стать к своему 1000-летию городом европейского уровня. Это — ухоженная и культурно многообразная Астрахань. Это — полностью автомобилизированная за счет народного автомобиля "Жигули" Самара. Это — интеллектуальный Саратов и промышленный гигант Волгоград.

Если бы все "лежало на боку", тогда откуда такие повсеместные улучшения повседневной жизни людей? Даже если это делается часто в обход существующих норм и правил или же требует от людей больше "вертеться по жизни" и решать боль-

ше проблем с ее обустройством, сам по себе факт улучшения отрицать просто глупо и саморазрушительно.

В России произошла удивительная вещь в головах людей. Они не поняли многого, что произошло с ними за 10 лет. В верхушечных дебатах и в повседневных разговорах над всеми взяла верх парадигма кризиса. У нее оказалось слишком много сторонником по сравнению с теми, кто готов говорить о лучшей жизни. Итак, что и кто стоит за парадигмой кризиса?

На уровне частной стратегии человека — это вполне понятно: человек больше склонен жаловаться, чтобы психологически рассчитывать на сочувствие (что комфортнее, чем испытывать в отношении себя зависть, а иногда необходимо для получения прямого материального вознаграждения и дополнительных жизненных ресурсов). Изучая в прошлом много лет США и Канаду, могу подтвердить, что американцы и канадцы также чаще жалуются на проблемы, чем похваляются своей жизнью. Последнее — просто миф об американцах.

Почему политики и общественные активисты больше говорят о развале и кризисе? Потому что их подавляющее большинство или еще только мечтают взять власть в свои руки, чтобы "улучшить жизнь", или только что пришли к власти и хотят убедить, что наследовали от предыдущих правителей полный развал. Иначе, нечем будет хвалиться при очередных выборах. Самый яркий пример — каждая новая правительственная команда в Белом доме на Краснопресненской набережной в Москве. В отношении предшественников почти всегда скептицизм или даже полное отрицание. Все хотят начать все сначала и доказать свою успешность.

Самые недобросовестные критики — оппозиционные политики, особенно "глухая оппозиция", как коммунисты или "Яблоко". Здесь идут в ход самые зловредные вымыслы и используется самая неквалифицированная экспертиза. На протяжении более 10 лет Г.А. Зюганов обвиняет "антинародный режим" в "геноциде народа" и в ежегодно загубленном миллионе людей (имеются в виду не родившиеся дети по причине обнищания), в вымирании русского народа и т.п. Вот только дети почему-то больше рождаются в бедных сельских местах, а не в богатых городах. А упадок рождаемости почти компенсируют иммигранты (если считать и незарегистрированных) и количество идущих в школу детей не сокращается так, как это предсказывали некие "эксперты ООН" с подачи недобросовестных отечественных специалистов.

В течение тех же лет Г.А. Явлинский убеждает народ, что "мы построили криминальное государство", что 95% населения живет в нищете и т.п. В эту же ловушку попадают и "правые". Б.Е. Немцов убеждает, что в стране 45 млн нищих, которые жи-

вут меньше чем на один доллар в день, что в стране больше беспризорников, чем их было в годы гражданской войны и разрухи. Откуда все эти данные? Число нищих, я думаю, идет от некорректного использования данных ВЦИОМа. Что касается беспризорников, то здесь, скорее всего, Фонд защиты детей, чтобы получить больше средств на свою полезную деятельность, устраивает инфляцию с цифрами в 2–3 млн и больше.

Если 10 лет вымираем в условиях кризиса, то почему его нет по реальной жизни каждого отдельного гражданина? Или почему гражданин глубоко верит в кризис и не может осознать и признать улучшение собственной жизни и наверняка жизни собственных детей? Конечно, здесь есть возрастные и психологические особенности. Ностальгия по "старым добрым временам" характерна для любого общества, а в нашей стране после распада исторического государства, глубоких общественных потрясений и кровавых конфликтов подобные чувства среди старшего поколения более чем понятны. Но как долго старшие будут "заедать век" молодых, которые уже давно приняли и новую страну и новые порядки, а многие из них преуспели больше родителей и даже помогают им материально?

Главными поставщиками аргументов для парадигмы кризиса и ее достаточно успешного насаждения даже среди части молодежи являются еще две активные общественные силы — ученые и преподаватели, а также журналисты. В своей массе российские обществоведы оказались профессионально не готовы оценить происходящие в стране перемены. Они продолжают замерять жизнь семей по чаяновским методикам вековой давности, по официальной статистике, по ответам опрашиваемых на вопросы-подсказки типа "Как Вам удается сводить концы с концами в этой жизни?", что равносильно учету реакций на прочитанные газеты или просмотренные накануне телепередачи.

Эти подходы, возможно, применимые для других стран или для других условий, не учитывают многого в современной российской жизни. Доходы россиян состоят далеко не только из зарплат (но даже всех получаемых выплат подсчитать государству и экспертам не удастся). Они складываются от дополнительных заработков, которые приносит продажа на тех же волжских пристанях связанных платков и сувениров, индивидуальный труд на 40 млн земельных участках, скрытая экономика за пределами правовых норм, тривиальное воровство и браконьерство. Наконец, в стране необычно высокий уровень реципрокального (взаимовыгодного) обмена и перераспределения материальных благ через семейно-родственные связи. По Немцову, моя престарелая мать относится к числу бедных, ибо живет на учительскую пенсию 850 руб. в месяц (меньше од-

ного доллара в день). Но это не так. Проживая отдельно, она получает равную помощь от троих сыновей и от дальних родственников, живущих в том же городке на Урале.

Несправедливо зачислив собственную страну в ранг бедных и сплошь криминальных, ученые и другие эксперты дали достаточно материала для журналистики. Преуспевающие телеведущие и газетные журналисты повторяют как молитву фразу "в наше тяжелое время", прежде чем начать или закончить свой репортаж. Им кажется, что они радеют о простом человеке вместе с политиками и тем самым получают народную поддержку.

Простой человек не в силах противостоять массивной идеологии кризиса. Он верит в то, что все вокруг плохо, и в итоге голосует за того, при ком 10 лет тому назад действительно было плохо. Ирония в том, что даже молодые люди, которые не помнят те времена и ни при каких условиях в них не вернутся, тоже голосуют за прошлых первых секретарей компартии. Так, в конечном итоге Явлинский и Немцов помогают Зюганову избрать губернатором Нижнего Новгорода Ходырева. Похоже это уже не единичный случай. Плата за саморазрушительную кризисную парадигму становится слишком высокой.

ИТОГОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ

ЭТНОС ИЛИ ЭТНИЧНОСТЬ?

Этничность – широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. В отечественном общественном вознании более широко употребляется термин *этнос* во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа. Понятие *этнос* предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают группу от других, обладающих иным набором подобных характеристик. Общепринятой дефиниции *этнoса* не существует, но доминируют такие его определения, как “этносоциальный организм” (Ю.В. Бромлей) или как “биосоциальный организм” (Л.Н. Гумилев).

Современная концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов. Среди ученых также нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик относятся:

– разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;

– политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие “народ”;

– чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Отчасти сохраняет значение данное Максом Вебером определение этнической общности как группы, члены которой “об-

ладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции". Важную роль в понимании этничности играет соотношение социальных и культурных границ, внутренних (эмных) и внешних (этных) представлений, что есть та или иная группа. Характерные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а должны определяться прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы (или эта значимость навязана извне) и что лежит в основе их самосознания. Таким образом, этничность — это форма социальной организации культурных различий.

Исходя из этого, под понятием "народ" в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности.

Представление о том, что этничность формируется и этническая общность строится на основе иноэтнического противопоставления "мы — они", является недостаточным. Этничность как компонент индивидуального самосознания и как общеразделяемая коллективная вера проявляет себя через фундаментальные связи с другими культурными, социальными и политическими общностями, в том числе государственными. Это означает, что этническое самосознание необязательно построено на негативной оппозиции и необязательно по отношению к другим этническим общностям, в чем состоит глубокое заблуждение структурализма, начиная с К. Леви-Стросса. Точнее сказать, *этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях.*

Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым связаны люди или с которым они идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они по культуре очень близки. Различия, которые они могут проводить по отношению к другим, обычно довольно определенные и многоуровневые, тогда как внешние представления о группе имеют тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при характеристике групп.

Таким образом, во внутренних и внешних определениях этнической группы (народа) присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. Часто бывает, что кровная родственность или другие объективные критерии не играют решающей роли. Этничность предполагает наличие социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, существующих в более широком поле социального взаимодействия. Эти различительные маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже такие характеристики, как одежда или пища.

Интеллектуальная история термина *этничность* начинается с 1960-х годов, когда этот концепт стал ответом на изменения в постколониальной геополитике и на движения меньшинств во многих промышленно развитых странах. Появление интерпретаций этничности касалось таких разных явлений, как социальные и политические изменения, формирование идентичности, социальный конфликт, расовые отношения, нацистроительство, ассимиляция, и прочих. Существуют три главных подхода к пониманию этничности: эссенциалистский (примордиалистский), инструменталистский и конструктивистский.

Примордиалистский подход исходит из того, что этническая идентификация основана на глубоких связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реалий этой идентификации, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические. На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. В крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социальной биологии как расширенную форму родственного отбора и связи, как изначальный инстинктивный импульс. Схожие построения распространены и в российской литературе в рамках так называемой теории этноса, где социальный биологизм вместе с географическим детерминизмом служит основой крайне уязвимых конструкций "жизни и смерти этносов", их "пассионарности", "психоментального комплекса" и прочих (Л.Н. Гумилев, С.М. Широкогоров). Более социально ориентированными, но от этого не менее эссенциалистскими являются доминирующие в российском общественном сознании типологические конструкции этносов, субэтносов, метаэтносов, а темы экзогамии этносов как признака и условия их существования или "компонентные" теории этноса присутствуют на

уровне учебной литературы (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.И. Семенов).

Культурный вариант примордиализма рассматривает этничность как прежде всего разделяемую членами группы общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад. Большинство российских авторов полагают, что этническая общность имеет первичное значение как социальный архетип и ее игнорирование в социологии и политике является глубоким заблуждением. На основе "этнических корней" создается целая генеалогия современных наций. Для групповых этнических категоризаций широко используются историко-лингвистические классификации, историко-археологические и физико-антропологические реконструкции, которые привязываются к современной номенклатуре этнических групп и к их историческому и пространственному картографированию.

Более современные подходы в рамках этой традиции признают субъективную природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности, только обращенной в прошлое и оформленной в современном бытовании через культурно-языковые характеристики. Эти характеристики ученые и этнические активисты прослеживают через географию и историю той или иной группы. В свою очередь, культурный багаж и его преемственность позволяют находить личное и социальное значение человеческого существования и дают ответ, почему индивид ведет себя в соответствии с определенной традицией.

Культурно-языковая или психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма также рассматривает этническую идентичность как неотъемлемую психологическую часть "я", а ее изменение как неестественное и навязанное человеку. Подобные взгляды на этничность широко распространены в обществах, где этнокультурным различиям придается особая значимость вплоть до ее официальной регистрации государством и даже построения государственности на этнической основе.

В то же время социальное значение этничности включает помимо эмоциональных моментов также и рационально-инструменталистские ориентации. Этничность, как бы пребывая в латентном ("спящем") состоянии, вызывается к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля, взаимных услуг и солидарного поведения, для политической мобилизации и достижения гедонистических устремлений. Инструменталистский подход с его интеллектуальными корнями в со-

психологическом функционализме рассматривает этничность как результат политических мифов, создаваемых и используемых культурными элитами в их стремлении к преимуществам и власти. Этничность возникает в динамике соперничества элит в рамках границ, которые определяются политическими и экономическими реальностями. Иногда функционализм обретает психологическую окраску, и тогда манифестации этничности объясняются как средство восстановления утраченной коллективной гордости или как терапия от нанесенных травм.

В рамках этих подходов выполнены многие труды в отечественной этнографии, в том числе и на основе социологического метода анализа (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева). Имеются их авторитетные сторонники в зарубежной науке (У. Коннор, Д. Миллер, Р. Ставенхаген, Э. Смит).

Все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими. Интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту. Этничность возможно рассматривать в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных уровнях и контекстуальных горизонтах: транснациональном уровне мировых культурных систем и диаспорных связей, в рамках наций-государств с точки зрения доктрины меньшинств, "внутреннего колониализма" или "структурного насилия", межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы и внутригрупповом в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей.

Продуктивной представляется разработка подхода к этничности вне "традиционных культурных типов", как культурной гибридности и как множественных лояльностей или этнического дрейфа. Этот предлагаемый мной подход позволяет рассматривать не человека в этничности (на отечественном научном жаргоне "этнофора"), а этничность в человеке, что приближает к более чувствительному и адекватному восприятию "реальности" и к более конструктивному воздействию на этничность в смысле общественного управления.

О НАЦИИ

Моя позиция по вопросу о трактовке и использовании термина "нация" в науке и в политике вызвала, пожалуй, наиболее ожесточенные споры, критику и непонимание того, о чем идет речь. Опубликованная в журнале "Вопросы философии" (1998. № 9) и затем на английском языке в журнале "Ethnic and Racial Studies" (2000. Vol. 23. No. 4) статья под названием "Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма" вызвала довольно суровую критику некоторых коллег. Хранитель чистоты исторического материализма М.Н. Руткевич, по учебникам которого учились мое и близкие моему поколению, выступил со специальной статьей в том же журнале, разоблачая "субъективистские взгляды" на "реальную действительность". Кажется, ни одна из публикаций последних лет яркого российского политика, но слабого ученого Р.Г. Абдулатипова не обходится, чтобы грозно не напомнить читателю о моих опасных для страны и для ее народов заблуждениях и призывах "забыть нации".

Люди, не читавшие мою научную статью и другие работы, начинают верить, что есть такие сторонники "патологического постмодернизма" (слова из критики в мой адрес профессора В.И. Козлова), которые отрицают все: и нацию, и этнос, и расу, и даже саму "реальную действительность", которую "отражает" общественная наука и наше мышление в целом. Таких сторонников ленинской теории отражения гораздо больше, чем я предполагал. К тому же они воспроизводят себе подобных через обучаемые по старым прописям студенческие когорты. 11 октября 2001 г. на пресс-конференции в газете "Московский комсомолец" мне был задан вопрос по телефонной линии студентом психологического факультета МГУ, который пытался выяснить, на самом ли деле я отрицаю нации, а значит, и "национальный характер", чему его усердно учат так называемые этнопсихологи или философы типа незаслуженно популярного Г. Гачева.

Я уже не говорю о политиках и ученых в республиках, которые ни под каким предлогом не позволят подвергать сомнению "национальные" статусы своих групп и "своих" республик-государств. Опубликовано в 1992 г. в газете "Московские новости" мое интервью намеренно вышло под заголовком "Нация — это то же племя, но только с армией". Сказанная мною в разговоре эта бытовая для языка современных социально-культурных антропологов фраза (с просьбой "не для публикации") была специально использована газетой, чтобы "подставить" не до конца последовательного в демократических убеждениях министра. Кстати, своей цели эта публикация достигла: по моим сведениям, президенты М.Е. Николаев (Якутия) и М.Г. Рахимов (Башкирия) пожаловались Б.Н. Ельцину, что министр по делам национальностей допускает в их адрес плохие высказывания. Именно в этом контексте мне бы хотелось кратко и по возможности популярно изложить свой взгляд на феномен нации.

Нация — это действительно широко распространенное в науке и политике понятие с различным историческим и современным смысловым содержанием. Наиболее распространенным является обозначение совокупности граждан одного государства как политического сообщества. Отсюда понятия: "здоровье нации", "лидер нации", "национальная экономика", "национальные интересы" и прочее. В политическом языке нациями иногда называют просто государства. Отсюда — название Организации Объединенных Наций и многие термины в западноевропейских языках (*international relations, international organizations, international law, international treaties* и другие). Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (например, американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне, французы), чувством общих исторической судьбы и культурного наследия, некоторыми общими элементами материальной и духовной культуры, а в редких случаях общностью языка и даже религии. Кстати, все вышеперечисленные нации единством языка и религии не обладают.

Понятие "гражданской" или "политической нации" утвердилось в Европе в эпоху французской революции конца XVIII в. (в средние века нациями чаще всего назывались университетские земляческие сообщества), чтобы противопоставить божественному происхождению монархической власти представление о гражданском сообществе, имеющем право создавать государство, обладать суверенитетом и контролировать власть. Понятие *нация* широко использовалось в эпоху формирования современных государств вместо феодальных, династических, религиозных и политических образований. В государствах Нового времени вместе с утверждением единого управле-

ния, рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие вместо локального своеобразия или наряду с ним, общие гражданские и правовые нормы, а вместе с этим и общая идентичность. Так возникли нации в Европе и в регионах переселенческих колоний (Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия), а также в Латинской Америке на базе колоний Испании и Португалии. В Азии и Африке понятие "нация" было заимствовано из Европы, особенно в ходе деколонизации и образования суверенных государств в XX в.

Гражданские нации – многоэтничные образования (за исключением небольших островных государств) с разной степенью культурной и политической консолидации. Подавляющее большинство наций включают несколько, а иногда десятки и сотни этнических общностей, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии (например, американская, индийская, канадская, китайская, малазийская, нигерийская, швейцарская). Обычно язык и культура наиболее многочисленной этнической общности обретают доминирующий (а иногда официальный) статус в гражданском сообществе – государстве, а культура малых групп или групп иммигрантского населения, называемых меньшинствами, подвергается ассимиляции и дискриминации.

Согласно национальным законодательствам и международно-правовым нормам, а также доминирующему представлению в большинстве стран мира представители меньшинств (если это не недавние иммигранты без гражданства) являются равноправными членами наций. Они обычно и считают себя таковыми (индейские народы и натурализованные иммигрантские группы в странах Америки; корсиканцы и бретонцы среди французов; шотландцы, ирландцы, уэльсцы среди британцев; фракоканадцы, индейцы, эскимосы, давние иммигрантские группы среди канадцев; неханьские народы среди китайцев; шведы среди финнов; саамы среди норвежцев). В ряде стран, где распространены идеология и практика этнического национализма или расизма, демографически и (или) политически господствующие этнические общности исключают других из понятия "нация" и даже отказывают в гражданстве коренным (не иммигрантам) жителям страны, переводя ситуацию (в том числе законодательным путем) в различительную схему "нация и меньшинства" или считая последних "апатридами". Особенно это характерно для ряда постсоветских государств, где число тех, кто не входит в категорию нации, может достигать половины населения страны и даже составлять большинство жителей ее столицы (например, в Латвии).

В отличие от предшествующих эпох, когда преобладала установка на культурную гомогенность нации через механизмы

ассимиляции, в последние десятилетия за счет более интенсивной иммиграции, роста локальных идентичностей и группового (этнического) самосознания увеличились культурная гетерогенность и этнорасовое многообразие европейских наций (например, британской, германской, итальянской, французской). Этому способствовали мировые процессы демократизации и общественные движения в защиту прав человека и меньшинств с начала 1960-х годов.

В то же время современные государства предпринимают усилия, направленные на формирование общегражданской идентичности и сохранение целостности нации, в том числе через политику культурного плюрализма и внутренние формы самоопределения (культурная и территориальная автономии). Вместо идеи "плавильного котла" символической формулой современных наций гораздо чаще является формула "единство в многообразии". Однако идея национального самоопределения и национального государства на этнической основе сохраняет некоторые позиции, и она особенно усилилась в странах, переживающих посткоммунистические трансформации.

Этнические, региональные и религиозные различия и неравенство, а также характер общественных устройств и политических режимов могут вызывать кризисы и конфликты вплоть до раскола нации на новые национальные образования-государства. По этим причинам и под воздействием идеологии этнического национализма в конце XX в. распались несколько полиэтничных гражданских наций-государств. Вместо СССР, Югославии и Чехословакии возникли более 20 новых полиэтничных гражданских сообществ, где идет сложный процесс формирования представлений (именно представлений, а не самих коллективных тел!) и их утверждение на массовом уровне, что есть новые нации. В постсоветских государствах дилемма "что есть нация" — казахстанцы или казахи, латвийцы или латыши — почти не существует, но скоро, бесспорно, возникнет.

В то же время в конце XX в. произошло объединение двух культурно родственных и до этого государственно разделенных гражданских наций в ГДР и ФРГ в одну германскую нацию, в состав которой входит целый ряд этнических и иммигрантских меньшинств (сорбы, российские немцы, турки, хорваты и другие). Внутри гражданских наций могут возникать политические и вооруженные движения сепаратизма или иредентизма на этнической (трайбалистской), религиозной или региональной основе. Такие движения существуют во многих странах мира (Великобритания, Индия, Испания, Италия, Канада, Китай, Шри-Ланка, многие страны Африки), и они представляют угрозу целостности и мирному развитию гражданских наций. После распада СССР такие движения, в том числе

в форме вооруженной сецессии, возникли в Азербайджане, Грузии, Молдове, России.

Распространено также понимание нации как этнической общности или этнонации (в отечественной традиции как типа этноса), которая понимается как исторически возникшая и устойчивая этносоциальная общность людей с общей культурой, психологией и самосознанием. Понятие "культурная нация" имеет истоки в идеологии австромарксизма и восточноевропейской социал-демократии и распространилось в XX в. в процессе распада Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской империй. После первой мировой войны на основе доктрины "национального самоопределения" были образованы многоэтнические государства Восточной Европы, а также Финляндия.

За время существования СССР произошло социальное конструирование многих советских наций на основе административно-государственных образований и за счет упразднения или ослабления прежних локальных, языковых, религиозных и других различий (возникли аварская, алтайская, азербайджанская, грузинская, казахская, киргизская, туркменская, узбекская и многие другие этнонации). Однако существовала и общероссийская (общесоветская) идентичность и историко-политическая общность, при которой идеология советского патриотизма и доктрина единого советского народа заменяла доктрину гражданской нации. Этнические общности (народы) назывались нациями, а фактически существовавшая гражданская нация называлась советским народом. Это доктринальное наследие и политическая практика сохраняются до сих пор.

Этнический национализм стал одной из важных причин распада СССР, и он же представляет серьезный вызов гражданскому нациестроительству в постсоветских государствах. Ряд новых государств (Казахстан, Киргизия, Литва, Россия, Украина) осознают необходимость перехода к понятию *гражданская нация*, которое начинает утверждаться наряду или вместо понятия *этнонация*. Однако в постсоветских государствах этнонационализм, особенно от имени так называемых титульных наций, сохраняет мощные позиции в общественно-политическом сознании и служит средством политической мобилизации, обеспечения приоритетного доступа к власти и ресурсам. В России на основе доктрины "многонационального народа" и практики этнического федерализма этнонации обладают мощными формами политической и эмоциональной легитимности.

Сложное сосуществование двух версий понятия "нация" имеет место во многих полиэтничных странах: государство и официальный язык предпочитают использовать понятие *гражданская нация* как средство консолидации согражданства; ли-

деры и активисты этнических общностей используют понятие "культурная нация" как средство защиты своих интересов, политической мобилизации и сохранения коллективной культурной самобытности от угрозы ассимиляции или дискриминации со стороны государства и доминирующей культуры. Многозначное использование понятия "нация" становится все более распространенным в современном общественно-политическом языке, хотя его этнический смысл не признается международно-правовыми нормами и нормами большинства государств мира.

Научное содержание понятия "нация" является предметом длительных и малопродуктивных дискуссий, несмотря на участие в них многих крупных ученых и публицистов как в прошлом (И. Гердер, О. Бауэр, К. Каутский, М. Вебер, П. Сорокин, Н. Бердяев), так и в современном обществознании (Д. Армстронг, Б. Андерсен, Э. Баграмов, Ю. Бромлей, Э. Геллнер, Л. Гумилев, А. Здравомыслов, Ю.И. Семенов, У. Коннор, Э. Смит, Э. Хобсбоум, М. Хрох, П. Чатарджи). В мировой науке не существует общеразделяемой дефиниции нации, особенно если речь идет об ее пространственных и культурных границах, членстве и как о статистической категории. Тем не менее до недавнего времени в обществознании господствовало и сохраняет свои позиции понимание нации как реальной общности. Нация в этом случае рассматривается как коллективный индивид (или тело), обладающее базовыми потребностями, (само)сознанием, общей волей и способное на единое и целенаправленное коллективное действие. Одной из таких потребностей является обеспечение условий своего сохранения и развития, и из этой потребности вытекает стремление к автономии и независимости в форме отдельного "национального государства". Реалистская (или субстанциональная) онтологизация нации бытует не только в наивной социологии и политологии, но и в более профессиональном обществоведческом дискурсе, который до сих пор сопровождается попытками дать научное определение нации.

Данное видение нации не ограничивается только примордиалистским подходом, при котором обычно выделяются глубокие корни, древнее происхождение и особая духовная сила национальных чувств. Онтологический взгляд фактически разделяют и многие сторонники модернистских и конструктивистских подходов, которые рассматривают нации как результат индустриализации и распространения "печатного капитализма", как результат неравного развития, роста коммуникационных и транспортных сетей и, наконец, как результат мощного интегрирующего воздействия современного государства, т.е. не нации создают государство, а государство создает нации.

Субстанциональный подход не ограничивается только взглядом на нации как на "объективную реальность", т.е. общность, имеющую объективные характеристики (язык, религия и прочее), но он также характерен и для тех, кто подчеркивает субъективные факторы, как, например, общий миф, историческая память или самосознание. Ибо и в этом случае нация понимается как социально сконструированная, но все же реально существующая группа.

В последнее десятилетие ряд новых подходов в общественной теории способствовал отходу от трактовки социальных коалиций (групп) как реальных, субстанциональных общностей. Это — прежде всего интерес к так называемым сетевым формам и растущее использование категории *сеть* (network) как ориентирующего образа или метафоры в теории и конкретном исследовании. Это — разработки в области теории рационального действия, которые делают упор на индивидуальные стратегии и на более глубокое понимание феномена *групповости* (groupness). Это — переход от структуралистских взглядов, при которых группа рассматривается как исходный компонент социальной структуры, к конструктивистским подходам, при которых групповость — конструируемый, контекстный и подвижный феномен. Наконец, постмодернистские подходы вызвали больше внимания к проблемам фрагментарности, эфемерности и эрозии жестких форм и четких границ.

Все более становится очевидным, что главная проблема субстанционального взгляда на нацию состоит в том, что он принимает категорию практики за категорию анализа. *Содержащийся в практике национализма и в деятельности современной системы государств концепт, а именно — реификация нации как реальной общности, переносится в сферу науки и делается центральным в теории национализма.* Именно этот феномен реификации как социального процесса, как события, а не только как интеллектуальной практики отмечают при рассмотрении проблемы нации ряд современных авторов (Ф. Барт, Р. Брубейкер, Р. Суни, П. Холл, Г.-Р. Уикер, Т.-Х. Эриксен). Такими же являются и мои собственные научные взгляды, часть которых была высказана одновременно и даже раньше, чем зарубежными специалистами.

В свете этого подхода нацию возможно рассматривать как семантико-метафорическую категорию, которая обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией. В свою очередь, национальное как коллективно разделяемый образ и национализм как политическое поле (доктрина и практика) могут существовать и без признания нации как реально существующей общности.